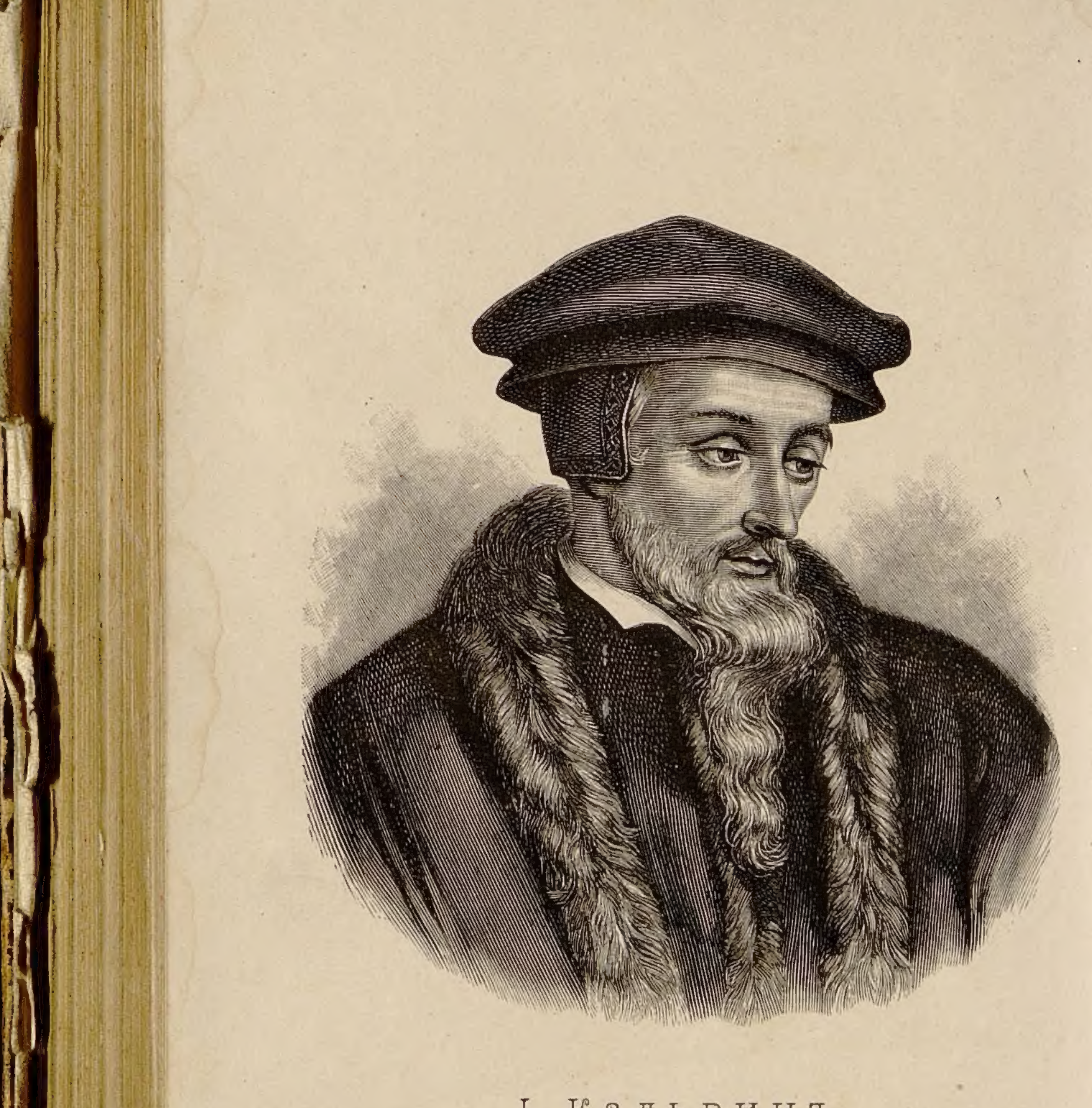
дозв. ценз. спб. 20 авг. 1891 г.   тип. тов. „общ. польза", б. подъяч., 39

I. Кальвинъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ІОГАННЪ КАЛЬВИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И РЕФОРМАТОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Б. Д. Порозовской.

Съ портретомъ Іоганна Кальвина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ, и съ однимъ политипажемъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1891.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена, профессора Лозан. университета. Съ франц. Ц. 1 р.
МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ. гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.
РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.
УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.
СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Реньо. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. 30 к.
О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.
ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.
ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.
ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.
ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ французск. Ц. 50 к.
СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр., Ц. 2 р. 50 к.
ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.
ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ“). Со многими рисунками 2 тома. Цѣна за оба 2 р.
ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейра и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.
ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Селоменса. Перев. съ англійс. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 р.
НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ А. Альмедингена. Ц. 60 к.
ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгарта. Со многими рисун. Ц. 1 р.
ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Іюля 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главными пособіями при составленіи настоящаго очерка служили:

1) *Calvin Joh.* Institutionen der christlichen Religion, Verdeutscht durch Fr. Ad. Krummacher. Elberf. 1834.

2) *Bèze Théodore.* Histoire de la vie et mort de feu M. Jean Calvin, fidèle serviteur de J.-C. Genève. 1637.

3) *Galiffe, G. A.* Matériaux pour l'historie de Genève. Genève. 1830.

4) *Fazy Henri.* Procédures et documents du XVI-e siècle. Genève. 1886.

5) *Merle d'Aubigné.* Histoire de la réformation en Europe au temps de Calvin, 8 t. Paris. 1863—78.

6) *Kampschulte.* Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Erster Band. Leipzig. 1869.

7) *Audin.* Histoire de la vie, des ouvrages et des doctrines de Calvin, 2 t. Paris. 1841.

8) *Henry, Paul.* Das Leben Johann Calvins, des grossen Reformators, 3 B-de. Hamburg. 1844.

9) *Bungener.* Calvin, sein Leben, sein Wirken und Schriften. Deutsche Ausgabe. Leipzig. 1863.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ концѣ первой половины XVI в. въ великомъ религіозномъ движеніи, охватившемъ западную Европу, наступаетъ новый фазисъ. Начавшись еще въ XV в. на славянской почвѣ, движеніе это, получившее свое названіе отъ знаменитаго чешскаго реформатора Яна Гуса, отличалось чисто національнымъ характеромъ. У Гуситовъ борьба съ римскою церковью представляла вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбу за права чешскаго народа, отнятыя у него германцами. Та-же національная идея, хотя и не въ такой сильной степени, сказывается и въ реформаціонномъ движеніи Германіи. Пламенныя проповѣди виттенбергскаго монаха представляютъ не одинъ только религіозный протестъ, во имя Евангелія, противъ искаженій, внесенныхъ въ него католической церковью,—въ нихъ провозглашается въ то-же время и независимость нѣмецкой націи отъ поработившей ее римской куріи. Оттого-то ученіе Лютера имѣло главнымъ образомъ успѣхъ у германскихъ народовъ, а въ другихъ странахъ скоро было вытѣснено болѣе универсальнымъ кальвинизмомъ.

Но великая церковная революція была вызвана не одними только политическими или національными причинами. Новыя идеи явились плодомъ долговременной глухой работы, совершавшейся въ умахъ всего католическаго міра. Лютеръ не былъ единственнымъ реформаторомъ. Въ то самое время, какъ на воротахъ Виттенбергской церкви онъ вывѣшиваетъ свои знаменитые тезисы, въ Швейцаріи священникъ Цвингли выступаетъ съ совершенно аналогичною проповѣдью. Въ самой Германіи реформаторовъ была масса, только всѣ они стушевались передъ мощнымъ талантомъ Лютера. Въ романскихъ земляхъ, совершенно независимо отъ движенія въ Германіи, также происходило религіозное броженіе, вызванное гуманизмомъ, и только благодаря этому идеи Лютера находили и тутъ отголосокъ. Реформаціонное движеніе такимъ образомъ разросталось все болѣе, охватывало все большіе районы, а вмѣстѣ съ этимъ и ученіе Лютера должно было претерпѣвать значительныя измѣненія. Выйдя изъ пре-

дѣловъ Германіи, оно естественно должно было утратить свою національную окраску и получить характеръ болѣе универсальный.

Вотъ этотъ-то новый фазисъ, когда на арену церковной революціи выходитъ романская нація, наступаетъ въ концѣ первой половины XVI в., и во главѣ этого новаго движенія является крупная личность женевскаго реформатора, такъ называемаго «женевскаго папы»—Іоганна Кальвина.

Моментъ выступленія Кальвина представляется въ высшей степени важнымъ еще въ другомъ отношеніи. До сихъ поръ роль реформаторовъ была такъ сказать чисто воинствующая. Лютеръ въ Германіи, Цвингли въ нѣмецкой Швейцаріи, Фарель въ романскихъ земляхъ—всѣ они направляли свои усилія главнымъ образомъ на то, чтобы разрушить гордую, казавшуюся неодолимой крѣпость католицизма, чтобы подорвать могучій престижъ папской власти, наложившей свои оковы на умы и совѣсть всѣхъ католиковъ. Усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. Авторитетъ папства былъ поколебленъ; брешь, пробитая въ католицизмѣ, была довольно значительна. Но зато въ лагерѣ самихъ нападающихъ происходитъ расколъ — многочисленныя секты, выросшія на почвѣ религіозной революціи, вносятъ между ними раздоръ, раздѣляютъ ихъ силы, подрываютъ къ нимъ довѣріе въ то время, когда, оправившись отъ первыхъ пораженій, католическая церковь начинаетъ собирать свои силы для новой болѣе ожесточенной борьбы. Тридентскій соборъ, усиленіе инквизиціи, грозная боевая дружина учениковъ Лойолы—всѣ эти орудія католической реакціи выдвигаются на арену борьбы какъ-разъ въ такое время, когда со смертью Лютера протестантизмъ даже лишается своего духовнаго центра. Очевидно, задача, выпадающая на долю его преемника, хотя и менѣе блестящая, но не менѣе трудная. Для борьбы съ старымъ врагомъ, сконцентрировавшимъ свои силы, недостаточно уже одной проповѣди или обличительныхъ выходокъ противъ злоупотребленій куріи. Противъ стройной католической системы необходимо выставить такую-же стройную систему протестантскихъ принциповъ; новая церковь должна получить строгую организацію и наконецъ необходимо создать новый независимый центръ, откуда могла-бы смѣло вестись религіозная пропаганда. Такимъ центромъ съ конца первой половины XVI в. становится Женева, а задачу организатора церкви принимаетъ на себя Кальвинъ.

I.

Дѣтство и воспитаніе Кальвина.

Двѣнадцатилѣтній капелланъ.— Пребываніе въ Парижѣ. Матюринъ Кордье.— Кальвинъ изучаетъ юриспруденцію.—Альціати и Вольмаръ.—Религіозныя сомнѣнія Кальвина.—Комментарій къ Сенекѣ.—Кальвинъ переходитъ къ реформаціи.

Іоганнъ Кальвинъ родился 10 іюня 1509 года. Собственно настоящая фамилія его была Cauvin или Chauvin, но, по обычаю тогдашнихъ ученыхъ, онъ латинизировалъ ее въ Calvinus. Дѣдъ реформатора былъ простымъ бочаромъ; но отцу его, Жерару, удалось упорнымъ трудомъ добиться болѣе выдающагося общественнаго положенія: онъ былъ епископскимъ секретаремъ, фискальнымъ прокуроромъ и синдикомъ соборнаго капитула въ городѣ Нойонѣ, въ Пикардіи. Здѣсь-то и родился будущій реформаторъ.

Дѣтство Кальвина, надо полагать, было не радостное. Про мать свою онъ никогда не упоминаетъ,—по всей вѣроятности, онъ лишился ея очень рано; что же касается отца, то и онъ не съумѣлъ внушить сыну особенно нѣжныхъ чувствъ. Вѣчно занятый, суроваго, деспотическаго характера, онъ удѣлялъ дѣтямъ очень мало вниманія, хотя и заботился объ ихъ будущности. Изъ всего дѣтства Кальвина только одинъ эпизодъ оставилъ въ немъ благодарную память—это его отношенія къ аристократическому семейству Момморъ, покровительствомъ котораго пользовался его отецъ. Несмотря на почетную должность прокурора фиска, Жераръ, у котораго, кромѣ маленькаго Жана, было еще трое сыновей и двѣ дочери, еле сводилъ концы съ концами. Но у него были обширныя связи среди мѣстнаго дворянства, и онъ прекрасно умѣлъ ими пользоваться.

Робкій, необщительный мальчикъ уже рано сталъ обнаруживать рѣдкія способности. Въ городской школѣ онъ шелъ первымъ. Семейство Момморъ, одно изъ первыхъ въ этой мѣстности, обратило вниманіе на талантливаго мальчика, приблизило его къ себѣ и позволило заниматься подъ руководствомъ своего домашняго учи-

теля. Въ этомъ-то домѣ, въ обществѣ своихъ аристократическихъ сверстниковъ, Кальвинъ получилъ свое первоначальное образованіе; здѣсь онъ усвоилъ себѣ тѣ нѣсколько утонченныя манеры, которыя отличали его всегда отъ германскаго реформатора, тѣ аристократическія симпатіи, которыя отразились даже на самомъ характерѣ его ученія. Эти годы, проведенные въ кругу Момморовъ, были для него единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ дѣтства.

Способности мальчика возбудили честолюбивыя мечты въ его отцѣ. Въ то время человѣкъ съ талантомъ могъ скорѣе всего сдѣлать карьеру на духовномъ поприщѣ, и Жераръ рѣшается посвятить сына духовному званію. Въ 1521 г., пользуясь своими связями, онъ добываетъ для 12-лѣтняго мальчика пребенду, доходы съ которой послѣдній долженъ былъ получать въ счетъ своей будущей службы, а въ 1523 г., подъ предлогомъ появленія въ Нойонѣ чумы, отправляетъ его въ Парижъ для довершенія образованія.

Въ Парижѣ Кальвинъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ молодыми Момморами, разстается съ ними и поселяется у своего дяди, Ришара, занимавшагося слесарнымъ мастерствомъ. Но дружба молодыхъ людей отъ этой разлуки не прекращается. Они продолжаютъ встрѣчаться и послѣ, въ коллегіи Ламаршъ, куда они всѣ поступаютъ для изученія грамматики, или по праздникамъ, въ домѣ какого нибудь вельможи, родственника фамиліи Момморъ. Въ коллегіи въ это время въ числѣ преподавателей былъ Матюринъ Кордье. Страстный любитель и знатокъ латинскихъ писателей, поэтъ и приверженецъ новыхъ реформаціонныхъ идей, Кордье всей душою былъ преданъ своей преподавательской дѣятельности, для которой онъ отказался отъ гораздо болѣе выгоднаго мѣста. Онъ скоро замѣтилъ и сталъ отличать талантливаго нойонскаго воспитанника, который въ свою очередь горячо привязался къ своему учителю. Это была одна изъ тѣхъ немногихъ привязанностей, которыя Кальвинъ сохранилъ до конца своей жизни. Впослѣдствіи, подвизаясь въ Женевѣ уже въ качествѣ реформатора, онъ приглашаетъ Кордье въ ректоры основанной имъ коллегіи и не разъ въ своихъ произведеніяхъ съ благодарностью вспоминаетъ о томъ, какъ много онъ обязанъ этому благородному наставнику.

Изъ коллегіи Ламаршъ, благодаря своимъ успѣхамъ, Кальвинъ скоро переводится въ коллегію Монтэгю, гдѣ, подъ руководствомъ профессора-испанца, занимается изученіемъ діалектики. По странному совпаденію, въ этой самой коллегіи нѣсколько лѣтъ спустя слушалъ лекціи другой знаменитый дѣятель, которому въ исторіи

церкви пришлось играть роль діаметрально противоположную той, какая выпала на долю нойонскаго воспитанника. Это былъ испанецъ Игнатій Лойола.

Судя по тѣмъ немногимъ извѣстіямъ, которыя сохранились объ этомъ періодѣ его жизни, Кальвинъ уже и тогда обнаруживалъ необыкновенно сосредоточенный характеръ. Онъ велъ тихую, уединенную жизнь, былъ очень религіозенъ и работалъ съ усердіемъ и усидчивостью, приводившими въ изумленіе его учителей. Въ коллегіи Монтэгю онъ не только былъ первымъ, но даже до срока переводился въ высшій классъ. Товарищи его однако не любили. Его сдержанность, нелюдимость, строгій нетерпимый тонъ и въ особенности нотаціи, которыя онъ позволялъ себѣ читать имъ по поводу ихъ увлеченій, раздражали ихъ, вызывали къ нему непріязнь. Они мстили своему обличителю насмѣшками и за склонность къ обвиненіямъ дали ему ироническое прозвище «accusativus» («винительный падежъ»). За то учителя не могли нахвалиться талантливымъ, необыкновенно прилежнымъ ученикомъ и уже рано стали возлагать на него большія надежды.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и Кальвинъ уже готовился перейти къ занятіямъ теологіей. Все—и самый складъ его характера, и личныя наклонности, и желаніе отца — казалось, предназначало его къ духовному званію. Еще въ 1527 г. старикъ Жераръ, не перестававшій заботиться о карьерѣ сына, выхлопоталъ ему новый приходъ Мартевилль, который Кальвинъ, спустя 2 года, промѣнялъ на приходъ Pont l'Evêque, откуда была родомъ его семья. Здѣсь 18-тилѣтній юноша, принужденный вернуться на родину, вслѣдствіе частыхъ жалобъ капитула на его отсутствіе, выступаетъ впервые въ роли проповѣдника — впрочемъ, только на короткое время. При первой возможности онъ спѣшитъ снова въ Парижъ, къ своимъ любимымъ занятіямъ.

Неизвѣстно, какія именно причины вызвали съ его стороны такое рѣшеніе, но въ это время старикъ Жераръ, до сихъ поръ мечтавшій о духовной карьерѣ для сына, совѣтуетъ ему бросить теологію и заняться юриспруденціей. Ожидалъ-ли Жераръ отъ послѣдней болѣе блестящей будущности для талантливаго юноши, или въ этомъ неожиданномъ рѣшеніи играли роль его личныя отношенія къ духовенству, которыя въ это время стали очень натянутыми (за какія-то злоупотребленія онъ даже подвергся церковному отреченію)—такъ или иначе, молодой Кальвинъ, воспитанный въ строгомъ повиновеніи отцовской волѣ, безпрекословно оставляетъ свои любимыя занятія

и съ свойственною ему добросовѣстностью принимается за изученіе юридическихъ наукъ. Изъ Парижа онъ отправляется въ Орлеанъ, гдѣ работаетъ подъ руководствомъ извѣстнаго юриста Петра Стеллы, а отсюда скоро переходитъ въ Буржъ, привлекаемый славою знаменитаго миланскаго юриста Альціати, который былъ приглашенъ Францискомъ I читать лекціи въ Буржскомъ университетѣ.

Альціати произвелъ на Кальвина сильное впечатлѣніе. Это былъ самый блестящій юристъ того времени. Онъ зналъ римское право такъ-же хорошо, какъ если бы самъ жилъ въ эпоху Юстиніана, и съ обширными познаніями и поразительной логикой соединялъ поэтическій энтузіазмъ къ своему предмету, благодаря которому эта сухая наука становилась въ его устахъ въ высшей степени увлекательной. Иногда, пораженный какою нибудь новою мыслью, онъ тутъ же, экспромтомъ, излагалъ ее стихами, вызывая восторгъ въ своихъ слушателяхъ. На Кальвина, хотя и нечувствительнаго къ поэзіи, это блестящее изложеніе производило не менѣе глубокое впечатлѣніе. Нѣкоторое время онъ съ жаромъ занимается новой наукой. Съ полураскрытымъ ртомъ, весь вниманіе, весь слухъ, онъ слушаетъ лекціи любимаго профессора и затѣмъ, вернувшись домой въ свою маленькую студенческую комнату, спѣшитъ записать все слышанное. По словамъ біографа, онъ просиживалъ до глубокой ночи за занятіями и, чтобы поддерживать себя въ бодрствующемъ состояніи, отказывался даже отъ ужина; проснувшись, онъ оставался еще нѣкоторое время въ постели, заучивая наизусть и продумывая все, что записалъ накапунѣ.

Изученіе римскаго права имѣло большое вліяніе на умственное развитіе Кальвина. Оно пріучило его къ ясности и точности выраженій, развило его сильную логику, представляющую самое выдающееся достоинство его позднѣйшихъ произведеній; оно же, несомнѣнно, сослужило ему громадную службу въ его организаторской дѣятельности въ Женевѣ, выработало изъ него будущаго законодателя.

Благодаря этому желѣзному прилежанію, Кальвинъ и здѣсь, какъ въ Парижѣ, дѣлаетъ быстрые успѣхи. Скоро молодой, серьезный не по лѣтамъ пикардіецъ обращаетъ на себя вниманіе какъ учителей, такъ и студентовъ. Даже біографы изъ католическаго лагеря отдаютъ полную справедливость «его живому уму, обширной памяти, способности быстро усваивать все и особенно той поразительной ловкости, съ которой онъ излагалъ на бумагѣ лекціи и пренія профессоровъ въ изящной и подчасъ остроумной формѣ».

Уже въ Орлеанѣ онъ такъ выдвинулся изъ массы студентовъ, что на него смотрѣли скорѣе какъ на учителя, чѣмъ на ученика, и часто, въ отсутствіе лектора, ему случалось занимать его мѣсто.

Похвалы, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ и льстившія самолюбію молодого ученаго, имѣли благотворное вліяніе на его характеръ. Есть основаніе думать, что въ это время нелюдимый, недовѣрчивый нравъ Кальвина значительно смягчился — онъ ближе сходится съ товарищами, становится довѣрчивѣе и общительнѣе. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, наиболѣе способными и трудолюбивыми, онъ даже вступаетъ въ близкія дружескія отношенія, особенно съ однимъ талантливымъ молодымъ юристомъ изъ Орлеана, Франсуа Даніэлемъ, къ которому адресована большая часть его юношескихъ писемъ. Эта дружба съ молодыми людьми его возраста вноситъ нѣкоторый свѣтъ и оживленіе въ его одинокую жизнь, всецѣло посвященную неусыпнымъ занятіямъ, отъ которыхъ его только съ трудомъ можно было оторвать. Даже въ Нойонѣ, у смертнаго одра своего отца, въ 1531 г., Кальвинъ только и думаетъ, что о покинутыхъ занятіяхъ, и съ нетерпѣніемъ ждетъ минуты, когда ихъ можно будетъ возобновить. Какимъ-то отталкивающимъ холодомъ, почти безчувственностью вѣетъ отъ письма его къ одному изъ друзей, въ которомъ онъ сообщаетъ о безнадежномъ состояніи отца. «Я обѣщалъ тебѣ при отъѣздѣ, пишетъ онъ, скоро вернуться назадъ; но болѣзнь отца задержала меня. Доктора сначала подавали надежду, но дни проходятъ— надежды больше нѣтъ, смерть неизбѣжна. Чтобы ни случилось, мы свидимся опять. Кланяйся Даніэлю, Филиппу и всему твоему кружку»... Врядъ ли это письмо, единственное, гдѣ будущій реформаторъ говоритъ о своей семьѣ, можетъ свидѣтельствовать въ пользу его сыновнихъ чувствъ. Нѣкоторые біографы-панегиристы объясняютъ эту сдержанность тѣмъ, что Кальвинъ въ то время не могъ уже сочувствовать своему отцу, умиравшему въ заблужденіяхъ католической церкви. Но не говоря уже о томъ, что Кальвинъ тогда еще самъ оставался католикомъ, такое объясненіе холодности сына къ умирающему отцу конечно болѣе чѣмъ натянуто.

Несмотря на увлеченіе лекціями Альціати, Кальвинъ скоро пересталъ удовлетворяться исключительными занятіями юриспруденціей. На ряду съ нею, онъ снова принимается за гуманитарныя науки и подъ руководствомъ Мельхіора Вольмара, одного изъ нѣмецкихъ гуманистовъ, читавшаго тогда лекціи въ Буржѣ, усердно занимается изученіемъ греческаго языка и классическихъ древностей. Смерть отца развязываетъ ему руки и онъ окончательно бросаетъ юриспруденцію.

Мельхіоръ Вольмаръ играетъ очень важную роль въ исторіи научнаго и религіознаго развитія Кальвина. Это былъ человѣкъ, страстно любившій греческихъ писателей и относившійся къ своимъ ученикамъ съ отеческою нѣжностью. Онъ держалъ себя съ ними совершенно запросто, принималъ къ сердцу ихъ интересы и даже, въ случаѣ нужды, уплачивалъ ихъ долги. Кальвина онъ любилъ въ особенности, возлагая на него большія надежды. Дѣло въ томъ, что нѣмецкій гуманистъ былъ приверженцемъ новыхъ реформаціонныхъ идей и эти идеи старался привить и своему ученику. Часто, сходя съ каѳедры, онъ бралъ Кальвина подъ руку и, прогуливаясь съ нимъ по двору, продолжалъ бесѣду о греческихъ писателяхъ, въ которыхъ былъ буквально влюбленъ. Но это пристрастіе не ослѣпляло его. Вольмаръ понималъ, что Кальвинъ не рожденъ для того, чтобы комментировать Аристофана или какого нибудь другого только что откопаннаго грека, и что съ его находчивымъ умомъ и поразительной логикой онъ былъ бы превосходнымъ пріобрѣтеніемъ для реформаціонной партіи. И вотъ однажды, во время своей вечерней прогулки, Вольмаръ замѣтилъ своему ученику: «Знаешь ли ты, что твой отецъ ошибся насчетъ твоего призванія? Ты не призванъ, подобно Альціати, преподавать римское право, или, какъ я, распространять знаніе греческой литературы. Посвяти себя теологіи, ибо теологія всѣмъ наукамъ наука».

Для Кальвина впрочемъ въ этомъ предложеніи не было ничего неожиданнаго. Мы не знаемъ, когда именно религіозныя сомнѣнія начали впервые закрадываться въ его душу. Но несомнѣнно, что новыя идеи уже давно ему были знакомы. Несмотря на свою тихую, уединенную жизнь, онъ врядъ ли могъ оставаться совершенно безучастнымъ къ происходившему вокругъ него религіозному броженію. Реформаціонныя идеи быстро проникали во всѣ слои общества. Уже во время пребыванія Кальвина въ Парижѣ въ духовномъ и университетскомъ кругахъ происходило сильное броженіе, вызванное проповѣдью виттенбергскаго монаха. Сорбонна осудила ученіе Лютера, но отъ этого популярность его только увеличилась. Меланхтонъ, имя котораго было извѣстно всей образованной Франціи, осыпалъ сорбоннистовъ своими ѣдкими насмѣшками. Его памфлеты тайкомъ ходили по рукамъ учащейся молодежи; имя мужественнаго монаха, осмѣлившагося громко требовать свободы совѣсти, было у всѣхъ на устахъ. Теологія стала модной наукой. Ею занимались не только ученый или духовный людъ, но даже свѣтскія женщины. Любимая сестра Франциска I, Маргарита Наваррская, сочиняла ду-

ховные стихи и сочувствовала новымъ вѣяніямъ. Вполнѣ естественно поэтому, что и молодой воспріимчивый нойонскій воспитанникъ не могъ оставаться глухимъ къ оживленнымъ толкамъ о новомъ ученіи, которому сочувствовалъ и его любимый учитель Кордье. Въ Орлеанѣ и Буржѣ онъ также засталъ сильное религіозное движеніе. Здѣсь было много нѣмецкихъ студентовъ, живо интересовавшихся событіями на родинѣ. Успѣхи Лютера составляли злобу дня; число его приверженцевъ все возрастало. Уже въ 1528 г. Орлеанъ дѣлается ареною религіознаго гоненія. Понятно, что всѣ эти горячіе толки не могли не заставить и Кальвина задумываться подчасъ о религіозныхъ вопросахъ, несмотря на то, что онъ тогда всецѣло былъ поглощенъ изученіемъ юридическихъ и гуманитарныхъ наукъ. Слова Вольмара попали такимъ образомъ на почву, давно уже подготовленную. Подъ его вліяніемъ Кальвинъ съ жаромъ принимается за теологію, усердно изучаетъ Библію, на которую опирались сторонники новаго ученія, знакомится съ сочиненіями тогдашнихъ реформаторовъ и вполнѣ усвоиваетъ себѣ основное ученіе Лютера—объ оправданіи вѣрою. Мы застаемъ его даже проповѣдующимъ это новое ученіе въ маленькомъ сосѣднемъ городкѣ Линьеръ, въ домѣ одного мѣстнаго аристократа, которому онъ очень понравился смѣлостью и новизною своихъ взглядовъ. Около этого же времени Кальвинъ вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ нѣкоторыми выдающимися дѣятелями реформаціи, напр., съ Бусеромъ, котораго онъ посѣщаетъ въ Страсбургѣ, этомъ «Новомъ Іерусалимѣ», какъ назвали его французскіе приверженцы реформы.

Къ этому времени относится также первое знакомство Кальвина съ его будущимъ сподвижникомъ и біографомъ Беза, котораго онъ встрѣчалъ въ домѣ Вольмара. Это былъ молодой человѣкъ необыкновенно красивой наружности, съ изящными манерами, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, любимецъ женщинъ, музъ и своего учителя Вольмара. Въ то время религіозные вопросы интересовали его очень мало. Его стихи, въ которыхъ онъ старался подражать Катуллу, были безукоризненно изящны по формѣ, но часто отличались очень фривольнымъ содержаніемъ. Несмотря на совершенную противоположность натуръ, молодые люди сблизились между собой. Одинъ уважалъ другого за строгость нравовъ, за ясный и глубокій умъ, другой цѣнилъ въ блестящемъ молодомъ человѣкѣ тѣ качества, которыхъ ему самому недоставало. Впослѣдствіи эта дружба укрѣпилась еще болѣе, и Беза, обратившійся къ новому ученію, стано-

вится вѣрнымъ помощникомъ Кальвина въ его реформаторской дѣятельности, его восторженнымъ апологетомъ и защитникомъ противъ ожесточенныхъ нападокъ враждебной партіи.

Было бы однако совершенно несправедливо видѣть въ Кальвинѣ уже въ это время человѣка съ совершенно сложившимися религіозными убѣжденіями и вполнѣ выяснившимся враждебнымъ отношеніемъ къ католицизму. Несмотря на возникавшія въ немъ сомнѣнія, несмотря даже на проповѣди, въ которыхъ онъ высказывалъ многія реформаціонныя идеи, Кальвинъ вовсе и не помышлялъ о полномъ переходѣ на сторону реформаціи. Многіе біографы считаютъ его обращеніе въ этотъ періодъ уже совершившимся фактомъ. Но мнѣніе это совершенно ошибочно. Рѣшеніе окончательно порвать съ католицизмомъ явилось у него значительно позже. При своей любви къ порядку и системѣ, онъ не могъ мириться съ тѣмъ хаосомъ, который представлялся ему неизбѣжнымъ слѣдствіемъ устраненія церковнаго авторитета. Строгое единство римской церкви, ея стройная организація импонировали ему такъ-же сильно, какъ и многимъ другимъ ученымъ гуманистамъ, которые, при всемъ сознаніи недостатковъ и злоупотребленій католической церкви, не рѣшались все таки выходить изъ ея лона. Подобно многимъ свободномыслящимъ людямъ тогдашней Франціи, Кальвинъ стоялъ лишь на почвѣ легальной оппозиціи папству и стремился не къ разрушенію церкви, а лишь къ ея очищенію. Въ этомъ духѣ, по всей вѣроятности, и держались его тогдашнія проповѣди.

Но и эти идеи умѣренной церковной оппозиціи занимали его далеко не всецѣло. Мучительное тревожное состояніе, въ которое повергали его занятія теологіей, побуждало его еще сильнѣе искать успокоенія въ гуманитарныхъ наукахъ. Покончивъ съ юриспруденціей по смерти отца, Кальвинъ рѣшается посвятить себя наукѣ. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобъ составить себѣ имя въ ученомъ мірѣ. Робкій, не любящій свѣта, молодой ученый не чувствуетъ въ себѣ призванія къ общественной дѣятельности. Его болѣе привлекаетъ слава Эразма или Рейхлина, чѣмъ блестящее, но тревожное поприще Лютера и Цвингли.

Съ такими то намѣреніями, ничего общаго не имѣющими съ жаждою пропаганды и прозелитизма, которую ему приписываетъ большинство біографовъ, Кальвинъ, окончивъ курсъ наукъ со степенью лиценціата, отправляется лѣтомъ 1531 г. вторично въ Парижъ. Здѣсь онъ находитъ многихъ изъ своихъ прежнихъ университетскихъ пріятелей, которые встрѣчаютъ его съ радостью. Чтобы быть ближе къ мѣсту

ченій ученаго эллиниста Данеса, Кальвинъ поселяется въ коллегіи Фортэ и, не теряя времени, принимается за работу. Онъ усердно посѣщаетъ лекціи, роется въ библіотекахъ и бываетъ только въ обществѣ молодыхъ ученыхъ, изъ которыхъ болѣе всего сближается съ молодымъ Кономъ, сыномъ знаменитаго королевскаго лейбъ-медика. Въ немногихъ письмахъ къ друзьямъ, относящихся къ этому времени, довольно ясно обрисовывается его нравственная физіономія. Это молодой ученый, серьезный не по лѣтамъ, строгій къ себѣ и другимъ, но доступный для дружбы. Рядомъ съ этими чертами мы замѣчаемъ въ немъ любовь къ порядку, аккуратность, доходящую до педантизма, и значительную дозу раздражительности, даже мелочности. Онъ сердится, когда ему долго не возвращаютъ взятой книги, и требуетъ ее обратно, хотя бы не нуждался въ ней. Точный и аккуратный самъ, Кальвинъ требуетъ того же и отъ другихъ; онъ очень чувствителенъ къ недостатку вѣжливости и сильно обижается, если кто нибудь, даже самый интимный его другъ Даніель, забываетъ отдать ему визитъ или не кланяется въ письмѣ. Но ни въ одномъ изъ писемъ мы не находимъ указаній на то, чтобъ Кальвинъ занимался въ это время богословскими вопросами. Когда Даніель, сестра котораго хотѣла поступить въ монастырь, поручаетъ ему переговорить объ этомъ съ настоятельницей, онъ исполняетъ это порученіе съ обычной добросовѣстностью, нисколько не думая протестовать противъ монашества.

Въ такихъ занятіяхъ проходитъ почти годъ. Несмотря на далеко не блестящее матеріальное положеніе, — такъ какъ дѣла его отца въ послѣдніе годы были сильно разстроены, а доходы съ обоихъ приходовъ также поступали неисправно,—это время было самымъ счастливымъ въ жизни Кальвина. Заботы друзей избавляли его отъ нужды и, благодаря этому, онъ могъ совершенно спокойно отдаваться любимому дѣлу. Весною 1532 г. Кальвинъ наконецъ рѣшается открыто выступить на литературное поприще. «Наконецъ-то жребій брошенъ!»—такими словами возвѣщаетъ онъ Даніелю о появленіи своего перваго научнаго труда. Это былъ комментарій къ трактату Сенеки «О кротости» (De clementia),— сочиненіе, несомнѣнно дѣлающее честь его молодому автору, уже въ этомъ юношескомъ произведеніи обнаруживающему въ значительной степени ту рѣдкую начитанность, ясность и точность выраженій и самостоятельность сужденія, которыми отличаются его позднѣйшія работы. Въ авторѣ кромѣ того сказывается прежній юристъ. Съ удивительною смѣлостью, среди различныхъ грамматическихъ и антикварныхъ замѣ-

чаній, Кальвинъ дѣлаетъ очень прозрачные намеки на политическое состояніе своего времени, осуждая недостатки правосудія, злоупотребленія администраціи и особенно принципъ абсолютизма, увѣряя монарховъ словами Саллюстія, что самая надежная опора ихъ трона заключается не въ войскѣ и деньгахъ, а въ любви подданныхъ.

Кальвинъ, очевидно, былъ очень озабоченъ успѣхомъ этого перваго произведенія своего пера, на которое онъ затратилъ всѣ свои средства. Онъ разсылаетъ повсюду экземпляры своего сочиненія, прося друзей и профессоровъ содѣйствовать его распространенію. Комментарій напечатанъ», пишетъ онъ Даніелю, «но на мой счетъ, и это стоило гораздо больше, чѣмъ ты думаешь. Теперь надо продать его и вернуть затраченныя деньги. Надо позаботиться также о своей репутаціи. Сообщи мнѣ прежде всего, какъ была принята моя книга—съ одобреніемъ или холодно, и попроси Ландринуса прочесть о ней лекцію—это упрочитъ мою извѣстность». Передъ нами, очевидно, лишь начинающій ученый, очень ревнивый къ своей славѣ, но въ которомъ еще ничто не предвѣщаетъ будущаго реформатора.

Но этотъ будущій реформаторъ уже назрѣваетъ. Несмотря на успѣхъ книги, несмотря на открывавшуюся передъ нимъ перспективу блестящей будущности, Кальвинъ все сильнѣе и сильнѣе сознаетъ необходимость покончить такъ или иначе съ мучащими его религіозными сомнѣніями. «Я былъ тогда далекъ отъ полнаго спокойствія», писалъ онъ впослѣдствіи объ этомъ переходномъ періодѣ,— всякій разъ, когда я погружался въ себя или обращался душой къ Богу, меня охватывалъ такой сильный ужасъ, что никакія покаянія не могли его разсѣять. Чѣмъ болѣе я анализировалъ себя, тѣмъ острѣе становились терзанія моей совѣсти и поэтому, чтобъ найти облегченіе, мнѣ не оставалось ничего другого, какъ обманывать себя, забываясь ...

Кальвинъ и забывался нѣкоторое время, какъ мы видѣли, за усиленной работой. Но долго это продолжаться не могло. Помимо внутренняго состоянія души, внѣшнія обстоятельства также побуждали его окончательно выяснить себѣ свое отношеніе къ католической церкви. Вокругъ него реформа ежедневно одерживала новыя побѣды. Многіе изъ его знакомыхъ открыто перешли на сторону новаго ученія; родственникъ Кальвина, Робертъ Оливетанъ, горячій приверженецъ реформаціи, употреблялъ всѣ усилія, чтобы обратить и его. Кальвинъ не могъ дольше уклоняться отъ окончательнаго рѣшенія: онъ подвергаетъ наконецъ свои религіозныя воззрѣнія строгой провѣркѣ, и результатомъ этой провѣрки является его переходъ на сторону реформаціи.

Въ противоположность германскому реформатору, который въ своихъ сочиненіяхъ очень часто и съ большою словоохотливостью вспоминаетъ исторію своего обращенія, Кальвинъ сохраняетъ о самомъ процессѣ своего внутренняго перерожденія полнѣйшее молчаніе. Въ знаменитомъ предисловіи комментарія къ Псалмамъ, гдѣ авторъ вкратцѣ разсказываетъ свою жизнь, онъ только глухо упоминаетъ, что Божественная истина сразу, какъ молнія, озарила его, что онъ понялъ тогда, «въ какой бездпѣ заблужденій, въ какой глубокой тинѣ погрязала до тѣхъ поръ его душа. И тогда, о Боже, я сдѣлалъ то, что было моимъ долгомъ, и со страхомъ и слезами, проклиная свою прежнюю жизнь, направился по Твоему пути».

Разъ кончивъ съ своими прежними сомнѣніями, Кальвинъ быстро и рѣшительно становится на новый путь. Это — человѣкъ, неспособный на компромиссы, не признающій полумѣръ. Онъ отказывается отъ блестящей карьеры, которая ожидала его какъ на духовномъ, такъ и на ученомъ поприщѣ, и рѣшается сдѣлаться проповѣдникомъ новаго ученія. Прежнія занятія гуманитарными науками заброшены окончательно; комментарій къ Сенекѣ—его первая и послѣдняя философская работа. Гуманистъ становится теологомъ, Библія и отцы церкви навсегда вытѣсняютъ классиковъ.

II.

Кальвинъ становится проповѣдникомъ Евангелія.

Рѣчь въ университетѣ. — Бѣгство изъ Парижа.—Его пребываніе въ Ангулемѣ и Неракѣ.—Первое теологическое сочиненіе Кальвина.—Возвращеніе въ столицу, исторія съ летучими листками и „очищеніе“ Парижа.—Кальвинъ поселяется въ Базелѣ и издаетъ „Христіанскую Институцію“.

Это внезапное, хотя, въ сущности, давно уже подготовлявшееся обращеніе произошло во второй половинѣ 1532 г. Скоро маленькая евангелическая община въ столицѣ почувствовала, какое важное пріобрѣтеніе она сдѣлала въ лицѣ своего новаго члена. Не прошло и года, какъ ученый комментаторъ Сенеки, не смотря на свою молодость, становится духовнымъ центромъ всѣхъ приверженцевъ новаго ученія въ Парижѣ. «Все, что было предано чистому ученію», разсказываетъ онъ самъ не безъ гордости, «собиралось вокругъ меня, чтобы поучаться у меня, неопытнаго молодого человѣка».

Въ Парижѣ Кальвинъ познакомился съ однимъ ревностнымъ приверженцемъ реформы, купцомъ Этьеномъ Делафоржъ, лавка котораго служила обычнымъ мѣстомъ сходокъ для всѣхъ его единомышленниковъ. Здѣсь Кальвинъ часто говорилъ свои проповѣди, полныя энергическихъ нападокъ на католицизмъ. Подобно Лютеру, онъ громилъ невѣжество духовенства, богатства церквей, роскошный образъ жизни прелатовъ, отрицалъ исповѣдь, называлъ безсмыслицей путешествія для поклоненія святымъ мѣстамъ или чудотворнымъ иконамъ. Въ пламенныхъ выраженіяхъ ораторъ возвѣщалъ своимъ слушателямъ новое слово, долженствовавшее обновить міръ—основной догматъ реформаціи объ оправданіи вѣрою. Его голосъ проникалъ и къ томившимся въ темницахъ единовѣрцамъ, которыхъ онъ утѣшалъ и укрѣплялъ въ вѣрѣ своими письмами, обнаруживая въ доставленіи ихъ замѣчательную изобрѣтательность.

Но Кальвинъ не довольствовался этими успѣхами. У него возникла мысль вызвать движеніе сверху.

Обращеніе Кальвина произошло въ такое время, которое было сравнительно благопріятно для реформаціи. Францискъ I, этотъ «король-рыцарь», покровитель наукъ и искусствъ, подъ вліяніемъ своей сестры Маргариты Наваррской и фаворитки, герцогини д'Этампъ, первое время относился снисходительно къ новымъ идеямъ. Довольно равнодушный вообще къ вопросамъ вѣры, онъ вначалѣ смотрѣлъ сквозь пальцы на распространеніе протестантизма въ своихъ владѣніяхъ, покровительствовалъ гуманистамъ и даже сдерживалъ усердіе Сорбонны въ борьбѣ съ новымъ ученіемъ. Но религіозный фанатизмъ новообращенныхъ, ихъ частыя враждебныя демонстраціи противъ господствующей церкви сильно повредили имъ въ глазахъ короля. Католическая партія съумѣла представить ихъ Франциску I людьми опасными въ политическомъ отношеніи, и послѣ своего пораженія при Павіи, нуждаясь въ поддержкѣ папы для борьбы съ германскимъ императоромъ, онъ усиливаетъ строгости противъ «еретиковъ». Однако вліяніе любимой сестры по временамъ заставляло его ослаблять эти строгости. Она даже добилась того, что король согласился присутствовать на проповѣдяхъ нѣкоторыхъ приверженцевъ реформаціи и сдѣлалъ строгій выговоръ Сорбоннѣ, осмѣлившейся осудить сочиненіе Маргариты «Зеркало грѣховной души», въ которомъ проводились нѣкоторыя реформаціонныя идеи. Подъ ея вліяніемъ онъ даже рѣшилъ-было вызвать изъ Германіи знаменитаго Меланхтона, чтобы выслушать его мнѣніе, и по этому поводу вступилъ съ нимъ въ переговоры.

Пользуясь этимъ благопріятнымъ настроеніемъ короля и горя нетерпѣніемъ проявить свое религіозное усердіе, Кальвинъ задумываетъ смѣлый планъ—онъ рѣшается открыто, передъ лицомъ всей Франціи, возвѣстить новое, чистое ученіе.

Въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ другъ его, Николай Копъ, избранный въ октябрѣ 1533 г. ректоромъ университета, долженъ былъ по обычаю произнести публичную рѣчь. Рѣчь эту составляетъ для него Кальвинъ. Въ назначенный день передъ многочисленной аудиторіей Копъ произноситъ рѣчь «О христіанской философіи», въ которой, подъ очень прозрачнымъ покровомъ, проводился основной принципъ Лютеровой теологіи—объ оправданіи вѣрой и дѣлались рѣзкія нападки на «софистовъ», подъ которыми подразумѣвались теологи Сорбонны. Этотъ смѣлый вызовъ, брошенный католицизму, надѣлалъ конечно много шума. Сорбонна была возмущена такою неслыханною дерзостью и потребовала удовлетворенія. Парламентъ также принялъ ея сторону. Ректоръ, потребованный къ допросу, спасся бѣгствомъ въ Базель. Противъ Кальвина, на котораго молва указываетъ, какъ на автора рѣчи, также возбуждается преслѣдованіе. Но друзья во время предупреждаютъ его и, въ то время какъ пришедшіе арестовать его обыскиваютъ его бумаги, Кальвинъ, выскочивъ черезъ окно, пробирается въ предмѣстье города и, переодѣвшись, какъ гласитъ преданіе, въ крестьянское платье, оставляетъ Парижъ.

Эта первая неудачная попытка подѣйствовала отрезвляющимъ образомъ на религіозный пылъ новообращеннаго. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что своей смѣлой выходкой оказалъ евангелической партіи медвѣжью услугу. Урокъ не прошелъ для него даромъ, и съ тѣхъ поръ онъ выказываетъ въ своемъ образѣ дѣйствій болѣе осмотрительности.

Общественное мнѣніе было слишкомъ возбуждено противъ смѣлыхъ новаторовъ, и потому, несмотря на заступничество Маргариты Наваррской, Кальвинъ не рѣшается вернуться въ Парижъ и подъ именемъ д'Еспевилля отправляется въ южную Францію. Съ тѣхъ поръ для молодого ученаго начинается тревожная скитальческая жизнь. Достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ времени у насъ очень мало, несмотря на то, что біографы Кальвина разукрасили періодъ, послѣдовавшій за его бѣгствомъ изъ Парижа, различными романическими подробностями. Несомнѣнно лишь то, что во время своихъ странствій онъ продолжалъ, хотя съ большей осторожностью, проповѣдывать новое ученіе, и эти проповѣди сопровождались большимъ

успѣхомъ. Болѣе продолжительное время Кальвинъ проводитъ въ Ангулемѣ, гдѣ еще долгое время спустя показывали виноградникъ, въ которомъ молодой скиталецъ любилъ предаваться размышленіямъ. Въ это время онъ знакомится съ каноникомъ Луи дю-Тилье, у котораго находитъ не только самый радушный пріемъ, но и необыкновенно богатую библіотеку. У этого Тилье, въ его прелестномъ уединенномъ домикѣ, онъ прожилъ сравнительно долгое время и здѣсь-то былъ задуманъ, а можетъ быть и начатъ великій трудъ, вскорѣ прославившій его имя на весь реформаціонный міръ. Отсюда Кальвинъ часто предпринимаетъ поѣздки по окрестностямъ, повсюду проповѣдуя новое ученіе, но, очевидно, съ такою осмотрительностью, что мѣстное духовенство даже сочло возможнымъ поручить ему составленіе нѣкоторыхъ «духовныхъ увѣщаній» и разрѣшить публичныя проповѣди. Въ маѣ 1534 г. мы застаемъ его на родинѣ, въ Нойонѣ, гдѣ онъ окончательно отказывается отъ своихъ приходовъ, не считая возможнымъ долѣе сохранять ихъ за собой, при своихъ измѣнившихся религіозныхъ убѣжденіяхъ. Впрочемъ, это не мѣшаетъ ему уступить ихъ другимъ лишь за извѣстное вознагражденіе — обстоятельство, которое часто ставили ему въ вину его католическіе противники. Нѣкоторое время онъ проводитъ также въ Неракѣ, при дворѣ Маргариты Наваррской, которая приняла его съ большимъ радушіемъ. Наконецъ, къ этому же періоду относится появленіе его перваго теологическаго труда — Psychopannychia (Сонъ душъ), въ которомъ рѣзко осуждается ученіе анабаптистовъ, утверждавшихъ, что послѣ смерти человѣческія души пребываютъ въ состояніи сна до наступленія Страшнаго Суда. Сочиненіе это представляетъ замѣчательный контрастъ съ его предыдущимъ трудомъ. Рѣзкій полемическій тонъ, признаніе безусловнаго авторитета Библіи ясно показываютъ въ авторѣ теолога, который окончательно отказался отъ своихъ прежнихъ гуманистическихъ тенденцій.

Къ концу того же года Кальвинъ даже рѣшается вернуться въ Парижъ.

Королевѣ Маргаритѣ удалось выхлопотать у брата, чтобы дѣло объ университетской рѣчи было потушено. Благодаря ея стараніямъ, въ Парижѣ даже образовалась маленькая протестантская церковь, и можно было надѣяться, что дальнѣйшее ея развитіе не встрѣтитъ сильныхъ препятствій. Но этому мирному развитію помѣшали безпорядки въ средѣ самихъ протестантовъ. Дѣло въ томъ, что, на ряду съ ученіемъ Лютера, изъ Германіи стали проникать въ это

время ученія разныхъ сектантовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были не только враждебны католицизму, но даже отличались антихристіанскимъ направленіемъ—каковы, напр., секты анабаптистовъ и антитринитаріевъ, отрицавшихъ Св. Троицу. Все это конечно отражалось невыгодно на успѣхахъ новаго ученія, вносило расколъ и безпорядокъ въ неокрѣпшую еще церковь. Но еще болѣе губило дѣло реформаціи несвоевременное усердіе и фанатизмъ ея поборниковъ. Не довольствуясь мирной пропагандой своего ученія, они позволяли себѣ открытыя враждебныя демонстраціи противъ католической церкви, часто нападали на религіозныя процессіи, совершали разныя безчинства въ церквахъ. Чтобы содѣйствовать распространенію новыхъ идей, они составляли летучіе листки, въ которыхъ осмѣивалось папство и его заблужденія, и эти листки вывѣшивали ночью на церковныхъ и монастырскихъ дверяхъ, на воротахъ Лувра и Сорбонны. Въ 1534 г. количество подобныхъ листковъ было такъ велико, что самый годъ получилъ отъ нихъ названіе «l'année des placards». Всѣ эти демонстраціи только усиливали раздраженіе католиковъ. Самъ Беза осуждаетъ эти излишества своихъ единомышленниковъ, такъ какъ можно было ожидать, что «король въ концѣ концовъ начнетъ находить вкусъ въ истинахъ новаго ученія».

18 окт. 1534 г. Парижъ находился въ сильномъ волненіи. На всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, даже на дверяхъ королевскаго кабинета, оказались вывѣшенными летучіе листки, гдѣ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ говорилось «о великихъ и отвратительныхъ злоупотребленіяхъ папской мессы», причемъ доказывалось, что католики только профанируютъ таинство причащенія.

Король и всѣ католики были возмущены такимъ богохульствомъ. Рѣшено было не давать больше пощады еретикамъ и немедленно предпринять «очищеніе» (lustration) Парижа. 29 янв. 1535 г. король, съ факеломъ въ рукѣ и обнаженной головой, въ сопровожденіи всего двора и громадной толпы народа, направился во главѣ грандіозной процессіи къ епископскому дворцу и, по совершеніи торжественнаго богослуженія, объявилъ собравшемуся духовенству, парламенту и народу, что не потерпитъ болѣе никакого оскорбленія величія Божія и будетъ безпощаденъ къ виновнымъ, хотя бы въ числѣ ихъ оказался его собственный сынъ. Въ тотъ же день, въ видѣ грознаго предостереженія, въ различныхъ частяхъ города запылали костры, на которыхъ погибли мученическою смертью шесть

арестованныхъ протестантовъ. Въ числѣ ихъ находился и другъ Кальвина, Делафоржъ.

При такихъ обстоятельствахъ оставаться во Франціи было слишкомъ рискованно. Кальвинъ рѣшается поэтому оставить отечество и отыскать какой нибудь уединенный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ въ полной безопасности отдаться своимъ теологическимъ работамъ. Въ сопровожденіи Тилье, который сдѣлался его горячимъ приверженцемъ, онъ переходитъ черезъ границу. Недалеко отъ Меца одинъ изъ слугъ обкрадываетъ ихъ, и они, почти безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ добираются наконецъ до Страсбурга. Здѣсь Кальвинъ впервые можетъ свободно вздохнуть. Бусеръ уговариваетъ его остаться, но онъ жаждетъ полнаго спокойствія и потому, послѣ короткаго отдыха, снова собирается въ путь и достигаетъ Базеля.

Этотъ гостепріимный городъ, служившій убѣжищемъ для многихъ французскихъ эмигрантовъ, понравился Кальвину. Здѣсь жили въ то время гуманисты Капито и Гринеусъ; здѣсь-же доживалъ свои дни знаменитый Эразмъ Роттердамскій, который, какъ разсказываютъ, увидѣвъ въ первый разъ Кальвина, сразу оцѣнилъ его своимъ тонкимъ критическимъ умомъ и замѣтилъ, что «въ лицѣ этого молодого человѣка противъ церкви готовится страшный бичъ».

Кальвинъ рѣшается окончательно поселиться въ Базелѣ и впередъ служить дѣлу реформаціи лишь путемъ литературы. Чтобы не привлекать на себя вниманія, онъ живетъ подъ чужимъ именемъ и ведетъ самую тихую, уединенную жизнь. Онъ принимаетъ участіе въ французскомъ переводѣ Библіи, затѣянномъ его родственникомъ Оливетаномъ и пишетъ къ нему предисловіе, гдѣ защищаетъ право всякаго вѣрующаго на безпрепятственное пользованіе Св. Писаніемъ. Въ то же время онъ серьезно работаетъ надъ своимъ давно уже задуманнымъ трудомъ «О христіанской институціи».

Но, наслаждаясь этимъ давно уже неиспытаннымъ спокойствіемъ, Кальвинъ все-таки не можетъ не прислушиваться къ вѣстямъ, приходившимъ съ родины. А эти вѣсти становились все тревожнѣе. Францискъ I нуждался въ союзѣ протестантскихъ князей для борьбы съ своимъ злѣйшимъ врагомъ Карломъ V. Чтобы оправдать передъ своими союзниками жестокости, совершавшіяся во Франціи надъ ихъ единовѣрцами, онъ распускалъ слухъ, что эти преслѣдованія направлены только противъ анабаптистовъ, которые не были терпимы и въ Германіи, и что казни ихъ вызываются не ихъ религіозными мнѣніями, а тѣмъ антимонархическими разрушительными идеями, которыми проникнуто ихъ ученіе.

Тогда Кальвинъ рѣшается выступить въ защиту своихъ оклеветанныхъ братьевъ. «Я счелъ бы предательствомъ молчать дольше», говоритъ онъ самъ про свое тогдашнее настроеніе. И онъ съ усиленнымъ рвеніемъ принимается за работу и заканчиваетъ наконецъ свою знаменитую «Institutio religionis Christianae».

III.

«Христіанская институція» и ея значеніе для реформаціи.

Кальвинъ радикальнѣе Лютера. — Ученіе объ оправданіи вѣрой у Кальвина; догматъ о предопредѣленіи; толкованіе таинства евхаристіи.—Ученіе Кальвина о церкви и государствѣ; ихъ взаимныя отношенія.—Ветхозавѣтный духъ его ученія. — Кальвинизмъ и католицизмъ. — Общая характеристика сочиненія: его полемическій тонъ, слогъ; его необыкновенный успѣхъ.

Первоначальный планъ Кальвина, когда онъ задумалъ этотъ трудъ, состоялъ въ томъ, чтобы дать соотечественникамъ краткое популярное изложеніе основныхъ принциповъ новаго ученія. Теперь, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, планъ этотъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Противники реформаціи должны были убѣдиться, что послѣдователи ея не только не придерживаются какихъ либо разрушительныхъ доктринъ, но что они одни стоятъ на истинно-евангельской почвѣ, что истинная церковь лишь та, къ которой принадлежатъ они, приверженцы такъ называемаго новаго, но въ сущности первоначальнаго, неискаженнаго христіанскаго ученія. Сочиненіе такимъ образомъ должно было пріобрѣсть характеръ апологетически-полемическій. Кромѣ того, чтобы сдѣлать его доступнымъ всему образованному міру, необходимо было издать его на латинскомъ языкѣ.

Въ 1536 г. въ Базелѣ появилось первое изданіе «Христіанской институціи»: это былъ небольшой томъ страницъ въ 500 in 8°. Съ тѣхъ поръ одно изданіе слѣдовало за другимъ и каждый разъ объемъ книги все увеличивался. Это былъ главный, любимый трудъ реформатора, къ которому онъ постоянно возвращался, отдѣлывая детали, усиливая доказательства и пополняя пропуски. Въ первомъ изданіи «Христіанская институція» состояла всего лишь изъ 6 главъ; послѣднее (6-е, при жизни реформатора) изданіе 1559 года состояло уже изъ 4 книгъ, подраздѣлявшихся на 80 главъ. За каждымъ латинскимъ изданіемъ обыкновенно слѣдовалъ его французскій пере-

водъ. Но не смотря на эти переработки, основныя идеи «Христіанской институціи» остаются одинаковыми во всѣхъ изданіяхъ. Двадцатишестилѣтній авторъ исповѣдывалъ тѣ же принципы, которые защищалъ до конца своей жизни.

«Христіанская институція», безспорно, была самымъ выдающимся произведеніемъ эпохи реформаціи. Мысль изложить въ стройномъ систематическомъ порядкѣ основныя начала протестантизма являлась уже и до Кальвина. Были и попытки этого рода—таковы, напр., «Loci communes» Меланхтона (1521), «Commentarius de vera et falsa religione» Цвингли (1525), катехизисъ Фареля, но всѣ эти произведенія дѣлали еще ощутительнѣе недостатокъ такого труда, который представлялъ бы цѣльное и законченное изложеніе протестантской теологіи. Появленіе «Institutio religionis Christianae» составляетъ поэтому эпоху въ исторіи. Съ тѣхъ поръ приверженцы реформы могли выставить свою ясную, отчетливую формулу вѣры и въ борьбѣ съ католицизмомъ, сильнымъ своей стройной организаціей, опереться на организацію не менѣе стройную и законченную.

Разсмотримъ же въ главныхъ чертахъ это ученіе въ томъ законченномъ видѣ, въ какомъ оно является въ послѣднемъ изданіи «Христіанской институціи».

Для біографа Кальвина сочиненіе это представляетъ двоякую цѣнность: не только какъ программа дѣятельности, которой онъ неуклонно слѣдовалъ всю жизнь, но и потому, что въ этомъ сочиненіи, точно въ зеркалѣ, отражается самый характеръ, складъ ума реформатора. Дѣйствительно, его ясный, свѣтлый умъ, его безпощадная логика не знаютъ средины, не признаютъ полумѣръ: то, что у его предшественниковъ является только намѣченнымъ, у него развивается до послѣднихъ логическихъ выводовъ. Кальвинъ не входитъ ни въ какія сдѣлки съ преданіемъ. Безъ страха, безъ сожалѣнія онъ разрушаетъ все старое и на его обломкахъ воздвигаетъ гордое зданіе своего ученія, величественное и мрачное по своей смѣлости и неумолимой послѣдовательности.

Если сравнить системы обоихъ реформаторовъ—Германскаго и Женевскаго, то роль, которую играетъ въ каждой изъ нихъ личный характеръ и условія развитія ихъ творцовъ, становится еще замѣтнѣе. Лютеръ провелъ значительную часть своей жизни на службѣ католической церкви и проникся ея духомъ, отъ котораго не можетъ отрѣшиться и впослѣдствіи. Кальвинъ, развитіе котораго совершалось уже подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, никогда собственно не былъ вполнѣ убѣжденнымъ католикомъ. То, что удерживало его

такъ долго въ старой церкви, было не столько твердое убѣжденіе, сколько врожденная любовь къ порядку, которая заставляла его видѣть въ единствѣ и образцовой іерархіи католической церкви единственный идеальный, Богомъ установленный порядокъ вещей. Разъ отрѣшившись отъ этого взгляда, онъ уже не останавливается на полдорогѣ — онъ круто и безповоротно порываетъ съ прошлымъ и становится въ рѣзкій антагонизмъ съ католической церковью. Лютеръ отступаетъ отъ церковной традиціи лишь настолько, насколько его вынуждаетъ къ этому буква Писанія. Онъ призналъ бы даже и папу, еслибъ тотъ не мѣшалъ ему проповѣдывать. Кальвинъ гораздо радикальнѣе. Онъ признаетъ только одинъ безусловный авторитетъ— Св. Писаніе. По его мнѣнію, Богъ разъ навсегда выразилъ свою волю въ Св. Писаніи и вся жизнь человѣчества—не только религіозная и нравственная, но политическое и церковное устройство — должна быть строго согласована съ буквой этого закона. Церковная традиція—для него пустой звукъ. Отцы церкви имѣютъ значеніе лишь въ той степени, въ какой ихъ ученіе соотвѣтствуетъ прямому смыслу Писанія, и въ полемикѣ съ ними реформаторъ часто позволяетъ себѣ самыя пренебрежительныя выраженія. Не менѣе рѣшительно, чѣмъ церковное преданіе, онъ отвергаетъ и помощь человѣческаго разума. «Лучше невѣжество вѣрующаго, чѣмъ дерзость мудрствующаго»— таковъ отнынѣ девизъ недавняго гуманиста. Христіанство въ его ученіи становится такимъ образомъ «религіей книги», неизмѣннымъ и неподвижнымъ, какъ исламъ, разъ навсегда заключеннымъ въ тѣсныя рамки Св. Писанія. Недоступное никакимъ вліяніямъ исторіи и философіи, сковывающее всякое развитіе формъ общественной и религіозной жизни, оно, какъ мы уже сказали, служитъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни и характера самого реформатора, который, разъ выяснивъ себѣ свою программу, ни въ чемъ не отступалъ отъ нея до конца жизни.

Ученіе объ оправданіи вѣрой, объ абсолютной невозможности для человѣка собственными усиліями добиться спасенія, — этотъ центральный пунктъ Лютеровской догматики,—занимаетъ и у Кальвина выдающееся мѣсто. Какъ извѣстно, ученіе это явилось, какъ протестъ противъ католическаго ученія о добрыхъ дѣлахъ, подъ которыми разумѣли почти исключительно дѣла внѣшняго благочестія. Лютеръ ополчился противъ крайностей этой теоріи, поведшей къ гнусной торговлѣ индульгенціями. Онъ доказывалъ, что добрыхъ дѣлъ недостаточно, что спасти человѣка можетъ только вѣра, одна вѣра въ искупительный подвигъ Христа, причемъ однако полагалъ,

что и сама вѣра является въ человѣкѣ только вслѣдствіе Божьей благодати. Это ученіе, найденное имъ въ сочиненіяхъ св. Августина и заключающее уже зачатки предопредѣленія, германскій реформаторъ старается все-таки примирить съ свободной волей человѣка. Кальвинъ и тутъ идетъ гораздо дальше. Съ безпощадною логикой онъ доказываетъ, что если вѣра является лишь какъ дѣйствіе благодати, если человѣкъ самъ, безъ Божественной помощи, не можетъ спастись, то изъ этого слѣдуетъ, что и спасеніе, и неспасеніе его зависитъ исключительно отъ Божественной воли, что свободы воли нѣтъ и не можетъ быть, что допускать послѣднюю — значитъ ставить Бога въ зависимость отъ человѣка. Человѣкъ существуетъ лишь для прославленія величія Бога, который однихъ, для возвеличенія своего милосердія, предопредѣляетъ къ спасенію, другихъ — для возвеличенія своей справедливости—къ проклятію. Чтобы исключить всякую мысль о свободѣ человѣческой воли, Кальвинъ съ особенною силою напираетъ на то, что подъ этимъ предопредѣленіемъ не слѣдуетъ понимать лишь то, что Богъ напередъ знаетъ всѣ человѣческія дѣла. Спасеніе не зависитъ также отъ одной только вѣры. Истинно вѣрующимъ можетъ быть лишь тотъ, кто «избранъ». Подобно тому, какъ Богъ, не обращая вниманія на заслуги, руководствуясь своею вѣчною, неизмѣнною, непостижимою для насъ волею, однихъ избираетъ для спасенія, точно также онъ осуждаетъ другихъ—«еще раньше, чѣмъ они совершили что либо хорошее или дурное»—на вѣчное проклятіе. И при этомъ Онъ не ограничивается въ отношеніи этихъ заранѣе осужденныхъ однимъ только попустительствомъ зла—Онъ самъ ожесточаетъ ихъ сердца, толкаетъ ихъ ко злу. Дьяволъ, который творитъ зло лишь съ разрѣшенія Божества, можетъ только мучить избраннаго, но не побѣдить его. Божественная воля не знаетъ перемѣнъ и колебаній. Кто разъ былъ записанъ въ книгу жизни, тотъ не можетъ быть вычеркнутъ изъ нея: кто владѣетъ Божественною благодатью, тотъ никогда не утратитъ ея, несмотря на всѣ свои заблужденія. Только для избраннаго имѣетъ значеніе молитва, вѣра, страхъ Божій. Тотъ же, кто записанъ въ книгу смерти, остается неизмѣннымъ «сосудомъ гнѣва Божія», и все, даже его добрыя дѣла, ведетъ его къ проклятію. Его добродѣтели, его вѣра—призрачны, спасеніе для него невозможно.

Это ученіе о божественномъ предопредѣленіи представляетъ излюбленный догматъ реформатора, фундаментъ, на которомъ построена вся его система. На немъ основано и его пониманіе всѣхъ остальныхъ догматовъ христіанства—ученіе объ искупительномъ подвигѣ

Спасителя, о первородномъ грѣхѣ, и др. Толкованіе таинства причащенія, въ которомъ Кальвинъ также расходится какъ съ Лютеромъ, такъ и съ Цвингли, представляетъ лишь примѣненіе того же основного догмата. Основываясь на словахъ Спасителя: «сіе есть тѣло мое» (хлѣбъ), «сіе есть кровь моя» (вино), Лютеръ проповѣдывалъ реальное присутствіе Христа въ евхаристіи; Цвингли, напротивъ, утверждалъ, что въ данномъ случаѣ, слово «есть» значитъ «знаменуетъ», и потому призналъ за причащеніемъ лишь символическое значеніе. Кальвинъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, средней между Лютеромъ и Цвингли. По его ученію, пріобщающемуся сообщается Божественная благодать, духовная субстанція Христа, но лишь въ томъ случаѣ, если онъ принадлежитъ къ «избраннымъ».

Это мрачное ученіе, отвергающее свободу воли, отнимающее у «осужденнаго» всякую надежду, дѣлающее человѣка безсмысленной игрушкой непонятной ему высшей воли, по временамъ внушало «содроганіе» и самому провозвѣстнику его. Онъ не могъ не понимать, что, отнимая у человѣка возможность путемъ нравственнаго самоусовершенствованія добиваться вѣчнаго спасенія, онъ этимъ самымъ открываетъ полный произволъ человѣческимъ страстямъ. Реформаторъ старается поэтому отвратить грозящую опасность. По его ученію, человѣкъ не долженъ проникать въ тайны божественныхъ рѣшеній; онъ не можетъ знать, принадлежитъ-ли онъ къ числу избранныхъ или отверженныхъ и долженъ поэтому ревностно заботиться о томъ, чтобы по своему поведенію оказаться достойнымъ этого избранія. Необходимо отклонять отъ себя, какъ опасное искушеніе, всякое сомнѣніе въ своемъ конечномъ спасеніи и слѣдовать по тому пути, который указалъ намъ Господь въ своемъ законѣ. «Человѣкъ падаетъ», говоритъ Кальвинъ, «потому что такъ постановлено свыше, но грѣшитъ онъ по своей винѣ».

Въ связи съ этимъ догматомъ о предопредѣленіи находится и ученіе Кальвина о церкви. Истинная церковь состоитъ только изъ избранныхъ, но такъ какъ въ этой жизни нельзя знать, кто избранъ, то къ ней должны принадлежать всѣ люди. Эта видимая церковь служитъ для невидимой церкви избранныхъ какъ бы внѣшней оболочкой. Принадлежность къ ней необходима, «внѣ ея нѣтъ спасенія, нѣтъ прощенія грѣховъ», разрывъ равносиленъ отреченію отъ Бога и Христа. Въ этой видимой церкви должна господствовать величайшая чистота нравовъ. У вѣрующаго должна быть одна забота—спасеніе души; всякія другія земныя желанія грѣховны. Церковь должна заботиться о спасеніи своихъ членовъ; она имѣетъ не только право,

по и обязанность слѣдить за ними какъ въ общественной, такъ и въ частной ихъ жизни, и строго наказывать всѣхъ непокорныхъ, причемъ важнѣйшимъ дисциплинарнымъ средствомъ должно служить церковное отлученіе.

Но, спрашивается, въ чьихъ-же рукахъ должна сосредоточиться эта воспитательная и наказующая власть церкви, кого Кальвинъ дѣлаетъ ея носителями и органами?

Ученіе о церкви представляетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ его системы. Отвергая церковную традицію, признавая единственнымъ источникомъ и нормою вѣры, единственнымъ авторитетомъ—Библію, доступную всякому вѣрующему, онъ этимъ самымъ признаетъ за послѣднимъ такую компетентность въ дѣлахъ вѣры, которая неизбѣжно должна вести къ демократической организаціи церковной власти. Дѣйствительно, въ теоріи Кальвинъ рѣшительно высказывается въ пользу послѣдней. Церковная власть принадлежитъ самой церкви, т. е. всѣмъ членамъ, изъ которыхъ она состоитъ. Каждая община должна пользоваться самоуправленіемъ въ дѣлахъ вѣры: она сама организуетъ свое церковное управленіе, сама охраняетъ свою вѣру. Таковъ былъ теоретическій взглядъ Кальвина, высказанный имъ въ «Христ. Институціи». На практикѣ-же, когда ему пришлось реализировать свои идеи въ Женевѣ, это самоуправленіе общины сдѣлалось довольно призрачнымъ. Кальвинъ, и по особенностямъ своей натуры, и по убѣжденіямъ—аристократъ. Самое ученіе о предопредѣленіи отличается аристократическимъ характеромъ. По этому ученію, только немногіе избраны Богомъ для спасенія; эти избранники, въ своемъ родѣ аристократы духа, теряются среди массы осужденныхъ, отверженныхъ. Эти-то аристократическія симпатіи вытѣсняютъ на практикѣ первоначальный демократическій элементъ въ устройствѣ церкви. Носителями церковной власти являются проповѣдники или пасторы. Правда, они избираются общиной, но предлагаютъ ихъ другіе проповѣдники, которымъ принадлежитъ и рѣшающій голосъ, такъ что въ сущности выборы остаются въ рукахъ немногихъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, какимъ аристократическимъ характеромъ отличалось то политическое устройство, которое онъ ввелъ въ свободной Женевской общинѣ.

Отличаясь отъ Лютера въ своемъ взглядѣ на высокое призваніе духовенства, которое, по его ученію, должно служить духовнымъ руководителемъ общины и въ руки котораго послѣдняя отдаетъ исправительную и наказующую власть церкви, Кальвинъ еще силь-

нѣе расходится съ Лютеромъ въ опредѣленіи роли свѣтской власти, государства. Лютеръ подчинилъ церковь государству; Кальвинъ считаетъ оба института одинаково необходимыми для блага людей и старается связать ихъ въ одно цѣлое, въ которомъ однако преобладаетъ теократическій элементъ. Государство, по ученію Кальвина, въ какой-бы оно ни выразилось формѣ, установлено самимъ Богомъ и такъ же необходимо для человѣка, какъ пища, свѣтъ и воздухъ. Онъ находитъ даже, что слишкомъ строгое правительство лучше слишкомъ слабаго, признавая справедливость старой латинской поговорки, по которой государь, разрѣшающій *все*, представляетъ гораздо большее зло, чѣмъ тотъ, который не разрѣшаетъ *ничего*. Правительство должно употреблять врученный ему Богомъ мечъ для защиты угнетенныхъ, для наказанія порочныхъ, для поддержанія общественнаго порядка и спокойствія, но оно не имѣетъ никакой власти надъ совѣстью людей, не можетъ присвоивать себѣ авторитета въ дѣлахъ вѣры. Произвольное смѣшеніе свѣтской и духовной власти противно Слову Божію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по ученію автора «Хр. Инст.», не слѣдуетъ полагать, что обѣ эти власти должны существовать совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Въ сущности онѣ преслѣдуютъ одну и ту же задачу. Подобно тому, какъ внѣшняя, тѣлесная жизнь—сфера дѣятельности государства—должна служить только высшей жизни души, такъ и государство исполняетъ свою задачу лишь въ тѣсномъ союзѣ съ церковью и хотя само по себѣ не имѣетъ власти въ сферѣ церковной жизни, но за то оно имѣетъ своею обязанностью всѣми зависящими отъ него средствами поддерживать дѣятельность церкви, проникнуться ея духомъ, слѣдовать ея внушеніямъ. Такимъ образомъ Кальвинъ въ этомъ вопросѣ въ сущности придерживается католической точки зрѣнія. Государство его получаетъ теократическій характеръ. Оно должно содѣйствовать распространенію слова Божія, поддерживать дѣятельность церкви въ этомъ направленіи, строго преслѣдовать идолопоклонство и оскорбленіе Божьяго величества. Религія и страхъ Божій—вотъ тѣ основы, на которыхъ должна быть построена государственная жизнь. Всякое политическое устройство, которое не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, достойно осужденія. Аристократическія симпатіи Кальвина сказываются и въ выборѣ той формы правленія, которую онъ считаетъ наиболѣе обезпечивающей народное благо. Это именно аристократическая республика. Такая форма правленія, по словамъ его, была и у древнихъ іудеевъ, до Давида.—Но какова бы ни была форма правленія, какія бы злоупотребленія свѣтская власть ни по-

зволяла себѣ по отношенію къ подданнымъ, Кальвинъ предписываетъ послѣднимъ полное, слѣпое повиновеніе. Единственное исключеніе допускается въ томъ случаѣ, когда требованія этой власти противорѣчатъ слову Божію. Въ этомъ случаѣ—но только въ этомъ—подданные, въ лицѣ своихъ представителей, имѣютъ право оказать сопротивленіе правительству.

Значеніе этого опаснаго исключенія—особенно опаснаго въ виду той растяжимости, которою, по ученію реформатора, отличается понятіе о словѣ Божіемъ—онъ старается ослабить тѣмъ, что во всемъ остальномъ требуетъ отъ вѣрующихъ безусловной покорности. Какъ бы велики ни были злоупотребленія свѣтской власти, какъ бы ни давило бремя налоговъ, какъ бы соблазнительно ни было поведеніе власть имѣющихъ, истинно вѣрующій не долженъ позволять себѣ никакой критики ихъ дѣйствій; онъ долженъ помнить, что величіе трона, воздвигнутаго Богомъ, неприкосновенно, что дурныя правительства ниспосылаются намъ свыше въ наказаніе за грѣхи, и въ смиреніи ждать помощи отъ Бога.

Таково въ основныхъ чертахъ ученіе Кальвина, проникнутое, по его мнѣнію, истиннымъ, неискаженнымъ духомъ Св. Писанія. Библейскій духъ, дѣйствительно, сказывается въ нѣкоторыхъ частностяхъ этого ученья—напр., въ устройствѣ богослуженія, въ полномъ изгнаніи изъ него всѣхъ формъ, говорящихъ чувству или воображенію. Раздѣляя, вмѣстѣ съ Лютеромъ, его непримиримую ненависть къ папѣ, котораго онъ считаетъ антихристомъ, къ католической церкви, которую называетъ Вавилономъ, вавилонской грѣшницей, къ католическому духовенству, для котораго онъ не находитъ достаточно сильной брани, Кальвинъ въ преслѣдованіи формъ католическаго богослуженія идетъ гораздо далѣе германскаго реформатора. Все, что только можетъ напомнить старое суевѣріе, изгоняется съ безпощадною строгостью. Вся католическая месса отмѣнена, употребленіе въ храмахъ иконъ или статуй, къ которымъ онъ примѣняетъ смыслъ второй заповѣди, преслѣдуется, какъ служеніе идоламъ. Всѣ праздники, основанные на почитаніи памяти святыхъ, отмѣняются; впослѣдствіи Кальвинъ уничтожилъ и всѣ остальные, сохранивъ значеніе церковнаго праздника лишь за однимъ воскреснымъ днемъ. Въ своемъ неумолимомъ преслѣдованіи всѣхъ чувственныхъ формъ католическаго ритуала Кальвинъ идетъ еще далѣе древнебиблейскихъ требованій. По его мнѣнію, даже допущеніе музыки въ богослуженіи, которая практиковалась въ іерусалимскомъ храмѣ, было только уступкой «слабости времени», и онъ требуетъ поэтому

ся изгнанія. Его религія—религія духа и не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ формахъ. Въ системѣ наказаній за различныя преступленія противъ нравственности—та же безпощадная строгость, опирающаяся на Моисеево законодательство. Если послѣднія изданія «Христіанской Институціи» представляютъ какія либо измѣненія противъ первыхъ, то эти измѣненія лишь въ смыслѣ большаго усиленія требованій реформатора и развитія его основныхъ положеній до послѣднихъ логическихъ выводовъ.

Не смотря на этотъ ярко выраженный антагонизмъ съ католичествомъ, нельзя однако не замѣтить, что ученіе Кальвина имѣетъ съ послѣднимъ нѣсколько точекъ соприкосновенія. Не даромъ говоритъ пословица—les extrémités se touchent (крайности соприкасаются). Уже современники замѣтили эту черту и называли иногда въ насмѣшку реформатора — женевскимъ папой, а Женеву — протестантскимъ Римомъ. Дѣйствительно, представляя самый рѣзкій протестъ противъ католицизма, кальвинизмъ тѣмъ не менѣе имѣетъ съ нимъ много общаго. Та-же нетерпимость, то-же подчиненіе человѣческаго разума,—только въ первомъ это подчиненіе дѣлается церковному авторитету, а во второмъ — буквѣ закона. Подобно католицизму, реформація Кальвина отличается универсальнымъ характеромъ, чуждымъ всякихъ національныхъ тенденцій. Ненавидя все католическое, женевскій реформаторъ однако не можетъ отдѣлаться отъ чувства удивленія передъ стройной организаціей римской церкви и старается ввести такую же организацію въ своей. Самый теократическій характеръ его республики представляетъ какъ бы осколокъ съ той всемірной теократіи, къ которой стремились папы. Кальвинъ отрицалъ монашество, но аскетическій идеалъ католицизма онъ предъявлялъ всѣмъ вѣрующимъ. Вольтеръ мѣтко охарактеризовалъ эту особенность женевской реформаціи: «Кальвинъ, говоритъ онъ,—широко растворилъ двери монастырей, но не для того, чтобы всѣ монахи вышли изъ нихъ, а для того, чтобы загнать туда весь міръ».

Въ читателѣ, который станетъ изучать «Христіанскую Институцію» съ точки зрѣнія современныхъ понятій, это мрачное ученіе, дѣйствительно, не можетъ не вызвать чувства «содроганія». Этотъ неумолимый, безпощадный Богъ, который въ своемъ непостижимомъ предвѣчномъ рѣшеніи сдѣлалъ насъ, безъ всякой вины съ нашей стороны, «сосудомъ своего гнѣва», который не смягчается нашими молитвами, который съ какою-то сатанинскою злобою толкаетъ отверженныхъ все дальше по пути гибели — этотъ Богъ гнѣва и

мести такъ мало подходитъ къ нашимъ представленіямъ о Богѣ любви и всепрощенія. Мы не можемъ не считать систематическимъ подавленіемъ человѣческой личности, человѣческой свободы—это ученіе, которое требуетъ слѣпого повиновенія буквѣ закона, отрицая всякое вмѣшательство разума въ дѣла вѣры, и стремится разъ навсегда замкнуть всю жизнь въ однѣ и тѣ-же неподвижныя мертвыя формы. Для Кальвина наука, философія—только дерзкія попытки проникнуть въ тайны непостижимой для насъ воли Божества. Тѣ формы жизни, которыя годились для человѣчества въ эпоху библейскую, должны быть для насъ обязательными и теперь.

Но еще болѣе отталкивающе, чѣмъ содержаніе, дѣйствуетъ на современнаго читателя самая форма сочиненія, тонъ, который авторъ принимаетъ въ отношеніи своихъ противниковъ. Кальвинъ считаетъ свое ученіе единственно вѣрнымъ пониманіемъ христіанства. Убѣжденный въ своей непогрѣшимости, онъ всѣхъ своихъ противниковъ считаетъ врагами божественной истины, орудіями сатаны, злостными богохульниками. Все сочиненіе отличается страстнымъ полемическимъ тономъ. Нѣтъ наказанія, которое казалось-бы ему достаточно строгимъ для людей, не признающихъ божественнаго слова, истиннымъ глашатаемъ котораго онъ считаетъ себя; нѣтъ брани, достаточно сильной для нихъ. «Нечестивыя собаки», «шипящія змѣи», «дикіе звѣри» и т. п.—вотъ обычные эпитеты, которыми онъ награждаетъ своихъ противниковъ, не стѣсняясь употреблять ихъ даже въ отношеніи людей безупречной нравственности.

Но какъ ни непріятно поражаетъ насъ это отсутствіе христіанской терпимости и кротости въ этомъ проповѣдникѣ «истиннаго» христіанства, мы не должны забывать духа той эпохи, когда онъ выступилъ на арену борьбы. Эта рѣзкость тона, эта несдержанность выраженій была вполнѣ въ духѣ времени, и Лютеръ былъ такъ-же нетерпимъ въ своей полемикѣ, какъ и Кальвинъ. Несмотря на свои недостатки, «Христ. Институція» произвела фуроръ въ тогдашнемъ реформаціонномъ мірѣ. Кальвинъ не писалъ для массы, онъ не обладалъ популярнымъ краснорѣчіемъ Лютера; его сочиненія, отличавшіяся строгой логичностью и убѣдительностью, распространялись лишь въ средѣ образованныхъ классовъ. Но въ этихъ кругахъ общества успѣхъ «Хр. Инст.» былъ необыкновенный. Не только протестанты, но и католики поняли, какую могущественную опору первые пріобрѣли въ этомъ произведеніи молодого писателя. Католическій писатель Флоримонъ де-Ремонъ называетъ его не иначе, какъ «кораномъ, талмудомъ ереси, главнѣйшей причиной нашихъ

бѣдствій» и ненависть, съ которою католическіе писатели всѣхъ временъ обрушиваются на это важнѣйшее произведеніе реформаціоннаго генія, служитъ лучшимъ доказательствомъ того вреда, которое оно нанесло католицизму.

Не менѣе поразительнымъ, чѣмъ необыкновенная ясность и выдержанность системы въ «Хр. Инст.», чѣмъ громадная начитанность ея автора, является самый языкъ книги. Въ этомъ отношеніи даже самые ожесточенные противники Кальвина отдаютъ ему полную справедливость. «Слогъ Кальвина ясенъ, простъ, изященъ, остроуменъ, отличается разнообразіемъ формъ и тона»—вотъ качества, признаваемыя единогласно какъ за латинскимъ, такъ и за французскимъ изданіемъ «Христ. Инст.». Но относительно французскаго языка Кальвину принадлежитъ еще другая заслуга. Подобно нѣмецкому переводу Библіи Лютера, франц. переводъ «Институціи» представляетъ первый образцовый памятникъ французской прозы. До тѣхъ поръ ученыя сочиненія писались почти исключительно на латинскомъ языкѣ. Кальвину приходилось часто создавать новыя формы языка, изобрѣтать новые обороты и онъ справился съ этой задачей блестящимъ образомъ. Нѣкоторыя части его сочиненія, особенно тѣ, гдѣ онъ говоритъ о величіи Св. Писанія, о значеніи молитвъ, производятъ глубокое впечатлѣніе—ихъ ставятъ на ряду съ лучшими страницами Паскаля и Боссюэта. Но самое блестящее мѣсто въ его сочиненіи представляетъ знаменитое посвященіе Франциску I, въ которомъ авторъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ беретъ подъ свою защиту своихъ оклеветанныхъ единовѣрцевъ.

Выпуская въ свѣтъ свое произведеніе, Кальвинъ конечно и не подозрѣвалъ, что ему придется когда нибудь самому осуществлять на практикѣ свои идеи. Послѣ своего неудачнаго дебюта въ Парижѣ, онъ рѣшился вести лишь перомъ пропаганду новаго ученія. Въ Базелѣ онъ жилъ такъ уединенно, что даже близкіе знакомые не знали про его планы и никто изъ окружающихъ не подозрѣвалъ въ этомъ молодомъ скромномъ ученомъ—автора только что вышедшаго и надѣлавшаго столько шума произведенія.

Впрочемъ, чтобъ избѣжать возможнаго открытія своего авторства, Кальвинъ рѣшается даже на время уѣхать изъ Базеля. Весною 1536 г. онъ появляется въ Феррарѣ, при дворѣ герцогини Феррарской—Ренэ, дочери фр. короля Людовика XII. Подобно Маргаритѣ Наварской, молодая, необыкновенно образованная герцогиня

уже и раньше высказывала сочувствіе новымъ идеямъ. Пріѣздъ Кальвина окончательно склонилъ ее въ пользу реформаціи; ему удалось также обратить и нѣкоторыхъ придворныхъ, но происки инквизиціи скоро положили предѣлъ этимъ успѣхамъ. «Я увидѣлъ Италію лишь затѣмъ, чтобы опять покинуть ее», говорилъ онъ съ сожалѣніемъ. Съ тѣхъ поръ между Кальвиномъ и герцогиней Феррарской завязывается оживленная переписка, которая не прекращается до самой его смерти.

Изъ Италіи Кальвинъ еще разъ отправляется въ свой родной городъ, гдѣ окончательно приводитъ въ порядокъ свои домашнія дѣла, и отсюда думаетъ пробраться въ Базель, чтобы поселиться въ немъ навсегда. Но въ это время, по случаю войны, пройти черезъ Лотарингію было невозможно. Пришлось сдѣлать обходъ на Савойю, и такимъ образомъ, Кальвинъ проѣздомъ попалъ въ Женеву.

IV.

Женева до Кальвина.

Ея исторія, оригинальное политическое устройство; характеръ города и населенія; патріотизмъ жителей. — Политика Савойскаго дома и борьба съ Савойей. — Союзъ съ Берномъ и начало реформаціи. — Гильомъ Фарель — первый Женевскій реформаторъ. — Женева становится независимой и протестантской. — Внутреннее состояніе города по окончаніи борьбы.

На южномъ берегу прелестнаго Леманскаго озера, утопая въ зелени, увѣнчанный сверкающими вершинами Альпъ, расположенъ тотъ городъ, которому суждено было сдѣлаться новымъ центромъ религіознаго движенія, оплотомъ реформаціи. Городъ этотъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Европѣ. Послѣ распаденія монархіи Карла Великаго, въ Женевѣ наступаетъ продолжительный смутный періодъ, втеченіе котораго въ ней непрерывно происходитъ борьба двухъ властей, — съ одной стороны Женевскихъ графовъ, которые въ XIV вѣкѣ уступаютъ свои права герцогамъ Савойскимъ, а съ другой епископа, который, благодаря частой смѣнѣ свѣтскихъ властей, успѣлъ и самъ пріобрѣсть довольно значительную свѣтскую власть.

Въ этой борьбѣ принимаетъ участіе и Женевская община. Помогая то той, то другой сторонѣ, она пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе привиллегій, пока наконецъ не разростается сама въ такую силу, съ которой приходится считаться остальнымъ. Въ концѣ концовъ власть въ Женевѣ оказывается распредѣленной слѣдующимъ образомъ. Епи-

скопъ въ одно и то-же время и духовный, и свѣтскій государь. Онъ избирается соборнымъ капитуломъ и даетъ при избраніи торжественную присягу защищать всѣ права и обычаи гражданъ. Онъ имѣетъ право назначать подати, чеканить монету. При немъ находится совѣтъ, члены котораго избираются изъ среды соборнаго капитула и которому принадлежитъ судъ въ важнѣйшихъ гражданскихъ дѣлахъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ епископу принадлежитъ только право помилованія. Рядомъ съ епископомъ существуетъ власть Савойскаго графа (потомъ герцога), который передаетъ ее своему намѣстнику, «вицедому». Послѣднему принадлежитъ только исполнительная власть.

Но несмотря на присутствіе этихъ двухъ властей, и самая община пользовалась обширными правами. Устройство ея было чисто демократическое. Два раза въ году, при звукахъ большого колокола въ соборѣ Св. Петра, всѣ главы семействъ собирались на генеральное собраніе гражданъ. Это общее собраніе (conseil général) избирало 4 синдиковъ и казначея, издавало эдикты, обсуждало союзы и назначало цѣны на вино и зерновой хлѣбъ. Синдики, избиравшіеся только на 1 годъ, считались настоящими представителями муниципальной самостоятельности передъ епископомъ и графомъ, которые должны были приносить имъ присягу въ охраненіи правъ и свободы города. Имъ принадлежало право произносить приговоры по особенно важнымъ уголовнымъ дѣламъ; они одни могли присуждать къ темницѣ, пыткѣ, которая впрочемъ употреблялась очень рѣдко и въ легкой формѣ, и къ смертной казни. Рядомъ съ ними находился «малый совѣтъ», состоявшій изъ казначея и 20 назначенныхъ ими членовъ, завѣдывавшихъ всѣми городскими дѣлами. Въ болѣе важныхъ случаяхъ приглашались для совѣщаній представители городскихъ кварталовъ и наиболѣе уважаемые граждане; изъ нихъ со временемъ образовался «совѣтъ 60», контролировавшій членовъ малаго совѣта. Но въ вопросахъ первой важности созывалось генеральное собраніе всѣхъ имѣющихъ право голоса гражданъ, и рѣшенія этого собранія были обязательны для всѣхъ, даже для епископа. Впослѣдствіи совѣтъ 60 былъ замѣненъ совѣтомъ 200.

Это своеобразное политическое устройство, дававшее гражданамъ Женевы такую рѣдкую свободу самоуправленія, служило вмѣстѣ съ тѣмъ залогомъ ея процвѣтанія. Въ концѣ XV вѣка Женева представляла обширный богатый городъ съ величественными башнями и воротами, съ многочисленными церквами и монастырями. Множество духовенства, богатое савойское и бургундское дворянство, собиравшееся сюда изъ своихъ замковъ, чтобы наслаждаться

прелестями городской жизни, сообщали городу блескъ и оживленіе. Но болѣе всего содѣйствовалъ процвѣтанію Женевы торговый и промышленный духъ жителей. Уже самое положеніе Женевы было какъ нельзя выгоднѣе для процвѣтанія города. Женева служила обширнымъ рынкомъ, на которомъ Германія, Франція и Италія обмѣнивались своими произведеніями. Наплывъ иностранцевъ былъ такъ великъ, что они иногда даже становились въ тягость городу. Многіе иностранцы пріобрѣтали права гражданства, и такимъ образомъ населеніе постоянно обновлялось свѣжею кровью. Этотъ непрерывный притокъ новыхъ силъ содѣйствовалъ отчасти и тому, что и самыя формы общественной жизни не могли подвергнуться застою. Въ Женевѣ не было рѣзко разграниченныхъ классовъ населенія. Каждый гражданинъ имѣлъ доступъ ко всѣмъ должностямъ, и часто случалось, что дѣти новопоселившихся фамилій достигали высшихъ должностей.

Что особенно поражало иностранца, пріѣхавшаго въ Женеву— это необыкновенное трудолюбіе ея населенія. Цѣлый день въ городѣ раздавалось визжаніе пилъ, стукъ молотковъ и другихъ рабочихъ инструментовъ. Среди ремесленниковъ было много богачей, произведенія которыхъ были извѣстны на всѣхъ европейскихъ рынкахъ. Самые уважаемые граждане, члены первыхъ фамилій въ городѣ, часто занимались какимъ нибудь ремесломъ или торговлей. Послѣдняя служила главнымъ источникомъ благосостоянія жителей. Женевскіе купцы пользовались репутаціей безусловной честности. «Слово женевца», говорили въ то время, «стоитъ золота саксонскаго курфюрста».

Положеніе Женевы на рубежѣ трехъ странъ, обусловливавшее непрерывное скрещеніе расъ, отразилось конечно и на характерѣ ея жителей. Типъ женевскаго гражданина того времени былъ такъ же оригиналенъ, какъ и политическое устройство города. Въ немъ сочетались легкость и подвижность француза, трудолюбіе и любовь къ порядку нѣмца, художественный вкусъ и юморъ итальянца. Дѣятельный и пунктуальный въ дѣлахъ, женевецъ отличался веселымъ открытымъ обращеніемъ, былъ гостепріименъ, остроуменъ, любилъ предаваться удовольствіямъ, но былъ воспріимчивъ и къ наслажденіямъ болѣе духовнаго свойства. Городскія празднества отличались не только внѣшнимъ блескомъ, но и художественнымъ вкусомъ, и привлекали ежегодно многочисленныя толпы народа изъ другихъ городовъ. Особенную любовь граждане Женевы питали къ театральнымъ представленіямъ. Ни одно торжественное празднество

не обходилось безъ нихъ. Въ городскомъ театрѣ часто разыгрывались пьесы, сочиненныя простыми ремесленниками. Образованіе также было въ почетѣ. Въ то время, какъ до реформаціи въ могущественномъ Бернѣ не было ни одной типографіи, въ Женевѣ ихъ уже насчитывалось нѣсколько. Впрочемъ образованіе жителей отличалось болѣе практическимъ характеромъ. Особенно развито было знаніе языковъ, благодаря обширнымъ торговымъ сношеніямъ города. Въ 1429 г. одинъ богатый гражданинъ, Франсуа Версонэ, учредилъ на свой счетъ высшую школу «свободныхъ искусствъ», въ которой обученіе было безплатное и гдѣ учащіеся знакомились съ Цицерономъ, Виргиліемъ, Овидіемъ.

Но рядомъ съ этими свѣтлыми сторонами женевской жизни выступали и неразлучныя съ ними темныя стороны. Господствовавшее во всѣхъ классахъ благосостояніе породило любовь къ роскоши, которая, въ связи съ легкимъ и подвижнымъ характеромъ населенія и постояннымъ наплывомъ иностранцевъ, очень гибельно отражалась на общественной нравственности. Развратъ совершался открыто и всѣ ограничительныя мѣры городскихъ властей сводились лишь къ тому, чтобы по возможности урегулировать его. Страсть къ игрѣ также свирѣпствовала среди жителей Женевы. Часто, благодаря этой пагубной страсти, цѣлыя семейства разорялись въ короткое время. Но всѣ эти темныя стороны были въ сущности обычными явленіями всякаго большого торговаго и промышленнаго центра. На ряду съ этой печальной легкостью нравовъ, мы видимъ здѣсь и черты глубокой религіозности и истиннаго самопожертвованія. Многочисленные храмы, украшенные драгоцѣнными произведеніями искусства, болѣе 20 религіозныхъ братствъ, члены которыхъ по большей части состояли изъ ремесленниковъ, частыя и богатыя пожертвованія въ пользу церкви—все это конечно свидѣтельствуетъ о религіозномъ духѣ, которымъ было проникнуто женевское населеніе. Но еще болѣе говорятъ въ его пользу многочисленныя благотворительныя учрежденія. При населеніи приблизительно въ 20—25 тыс. чел., въ Женевѣ были не менѣе 9 госпиталей для бѣдныхъ: кромѣ больницъ, здѣсь имѣлись и богадѣльни для стариковъ, для нуждающихся проѣзжихъ, для нищихъ, старающихся скрыть свою бѣдность, устроенъ былъ даже пріютъ для заброшенныхъ дѣтей. И всѣ эти учрежденія, такъ же какъ и ученая академія Версонэ, имѣли церковное устройство.

Но важнѣйшей отличительной чертой женевскихъ гражданъ, болѣе всего отразившейся на ходѣ исторической жизни города, былъ

ихъ пламенный патріотизмъ и непреодолимая любовь къ независимости. Эта любовь къ свободѣ придаетъ особую окраску всей исторіи Женевы, всѣмъ явленіямъ ея политической и религіозной жизни.

Какъ мы уже видѣли, изъ трехъ властей, раздѣлявшихъ между собою городъ, власть графа была наименѣе значительная. Но савойскіе герцоги, къ которымъ перешла эта власть, были слишкомъ честолюбивы, чтобы довольствоваться ролью простыхъ исполнителей приговоровъ женевскаго синдиката. Всевозможныя средства—хитрости, подкупы, угрозы—все пускается ими въ ходъ, чтобы постепенно расширить свои права, стать твердой ногою въ городѣ. Но у герцоговъ, помимо горожанъ, ревниво оберегавшихъ свои вольности, былъ другой соперникъ—епископъ, который всегда принималъ сторону гражданъ и издавна считался ихъ естественнымъ защитникомъ и охранителемъ противъ притязаній графа. Такимъ образомъ, чтобы добиться цѣли, герцогамъ оставалось одно—разстроить доброе согласіе между обоими союзниками. Средство для этого нашлось отличное. Подъ вліяніемъ савойскаго двора, папа присвоилъ себѣ право самому избирать епископовъ для Женевы и сталъ назначать на этотъ важный постъ принцевъ изъ савойскаго дома. Новые епископы, по большей части люди въ высшей степени недостойные, стали конечно содѣйствовать во всемъ замысламъ герцога, и въ 1513 г. Іоганнъ Савойскій, самый безнравственный изъ всѣхъ, совершенно уступаетъ герцогу Карлу III свою свѣтскую власть и совершаетъ цѣлый рядъ возмутительныхъ насилій надъ свободой и жизнью гражданъ. Съ тѣхъ поръ между герцогомъ и епископомъ съ одной стороны и гражданами Женевы съ другой, начинается ожесточенная борьба, которая продолжается вплоть до 1535 года. Во главѣ партіи патріотовъ стоятъ трое замѣчательныхъ людей: Бертелье, Безансонъ и Бонниваръ. Они ищутъ союза съ сосѣдними кантонами, Фрейбургомъ и Берномъ, которые дѣйствительно обѣщаютъ имъ свою помощь противъ Савойи. Но вмѣстѣ съ этимъ они открываютъ доступъ въ Женеву реформаціи.

При своихъ обширныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними странами, Женева конечно не могла оставаться въ неизвѣстности относительно происходившаго въ нихъ религіознаго движенія. Тѣмъ не менѣе реформація врядъ ли могла бы разсчитывать здѣсь на серьезный успѣхъ. Несмотря на то, что духовенство и здѣсь вызывало часто осужденіе, благодаря своему недостойному образу жизни, въ Женевѣ всетаки не было того враждебнаго отношенія, той оппозиціи противъ духовенства, которая въ такой степени обусловливала

успѣхи реформаціи въ Германіи. Городъ былъ безусловно преданъ католичеству и даже измѣна послѣднихъ епископовъ, поставленныхъ Римомъ, не могла изгладить изъ памяти гражданъ тѣхъ услугъ, которыя были оказаны городу ихъ предшественниками. Къ тому же новый епископъ, поставленный въ 1523 г., былъ гораздо болѣе преданъ интересамъ гражданъ, чѣмъ Савойи. Гораздо болѣе значенія имѣлъ въ этомъ отношеніи союзъ съ Берномъ.

Въ началѣ этой борьбы, Бернъ, не смотря на обѣщаніе помощи, относился довольно холодно къ критическому положенію своего союзника. Партія патріотовъ терпѣла пораженія, мужественный Бертелье былъ захваченъ герцогомъ и казненъ, Бонниваръ томился въ заключеніи въ Шильонскомъ замкѣ *), другіе вожаки находились въ изгнаніи, а обѣщанная помощь все не приходила. Но съ 1526 г. въ политикѣ этого двусмысленнаго союзника замѣчается крутая перемѣна. Въ 1526 г. протестанты одерживаютъ въ Бернѣ верхъ надъ католиками, и съ тѣхъ поръ этотъ кантонъ рѣшительно выступаетъ въ защиту Женевы. Уже и раньше бернскіе граждане стали появляться въ Женевѣ, проповѣдуя новое ученіе, нападая на пороки духовенства и находя сочувствіе преимущественно въ средѣ людей мало религіозныхъ, желавшихъ сбросить съ себя узы церковныхъ предписаній или ненавидѣвшихъ духовенство и его главу, епископа. Совѣтъ, хотя и не сочувствовалъ этому движенію, но, дорожа дружбою Берна, смотрѣлъ сквозь пальцы на эти проповѣди. Такимъ образомъ въ этомъ недавно еще столь преданномъ католичеству городѣ появилась партія, не столько реформаціонная, сколько антиклерикальная. Врядъ ли однако эта оппозиція церкви зашла бы далеко, если бы не политика савойскаго двора.

Для Карла III все это движеніе показалось лишь удобнымъ средствомъ, чтобы придать болѣе законности своимъ посягательствамъ на свободу города. Въ своихъ донесеніяхъ императору и папѣ онъ не замедлилъ поэтому представить дѣло такъ, будто весь городъ склоненъ впасть въ ересь, а самъ онъ является лишь защитникомъ интересовъ католицизма. Это обстоятельство рѣшило дѣло. Приписавъ церковной оппозиціи характеръ борьбы за независимость, онъ этимъ самымъ усилилъ ея популярность въ народѣ. Съ тѣхъ поръ приверженцы новыхъ идей стали выставлять себя

---

*) Страданія Боннивара, прикованнаго къ столбу съ двумя своими братьями, послужили сюжетомъ для извѣстной поэмы Байрона „Шильонскій узникъ“.

единственными искренними защитниками Женевы и, подъ прикрытіемъ патріотизма, продолжали свою религіозную агитацію. На духовенство и монаховъ стали смотрѣть подозрительно, какъ на враговъ свободы и приверженцевъ Савойи. Совѣтъ также сталъ относиться къ духовенству менѣе почтительно, задерживалъ выдачу десятины и, въ отвѣтъ на заступничество католическаго Фрейбурга, предложилъ ему убѣдить соборный капитулъ и остальное духовенство «употреблять свои доходы болѣе достойнымъ образомъ, иначе ему придется отдать десятину бѣднымъ въ госпиталь».

Еще быстрѣе пошло дѣло реформаціи съ 1530 г., когда въ Женевѣ появилось бернское войско, посланное для защиты города отъ герцога и состоявшее по большей части изъ лютеранъ. Видъ многочисленныхъ католическихъ святынь разжегъ ихъ религіозный фанатизмъ. Они устремились въ церкви и монастыри, производя въ нихъ полнѣйшій разгромъ, разбивали статуи, кресты, оскверняли церковную утварь. Въ соборѣ Св. Петра появился евангелическій проповѣдникъ. Казалось, католицизму нанесенъ былъ смертельный ударъ.

Впрочемъ, эти безпорядки продолжались недолго. Съ уходомъ войска, монахи вернулись въ свои монастыри, духовенство снова вступило въ исправленіе своихъ обязанностей. Но авторитетъ его былъ подорванъ окончательно. Реформаціонная партія стала еще смѣлѣе, даже въ городской школѣ стали распространяться евангелическія идеи. Когда понадобилось заплатить союзникамъ военныя издержки, совѣтъ наложилъ контрибуцію и на духовенство; дошло даже до того, что совѣтъ нашелъ, что въ городѣ слишкомъ много храмовъ, и нѣкоторые изъ нихъ были обращены въ городскія укрѣпленія.

Событія въ Женевѣ не замедлили обратить на себя вниманіе сосѣднихъ евангелическихъ странъ. Со всѣхъ сторонъ сюда устремляются проповѣдники новаго ученія. Наконецъ, осенью 1532 г., въ Женевѣ появляется Фарель.

Жизнь Фареля такъ тѣсно связана съ жизнью Кальвина, что намъ придется сказать нѣсколько словъ объ этой замѣчательной личности, игравшей такую важную роль въ судьбахъ Женевы и ея реформатора.

Родившись въ 1489 г., въ Гапѣ (въ Дофинэ), отъ благородныхъ родителей, Гильомъ Фарель 29 лѣтъ отъ роду отправляется въ Парижъ доканчивать свое образованіе. Здѣсь онъ знакомится съ нѣкоторыми приверженцами новыхъ идей, и подъ ихъ вліяніемъ Фарель, бывшій до этого времени, по собственному выраженію, «болѣе папистомъ, чѣмъ самъ папа», проникается самой ожесточенной

враждой ко всему католическому. Изъ Парижа онъ отправляется въ южную Францію, чтобы пропагандировать новое ученіе; но его бурная проповѣдь, исполненная ненависти къ католицизму, не имѣетъ здѣсь успѣха. Спасаясь отъ преслѣдованій, онъ появляется въ Швейцаріи и, переходя съ мѣста на мѣсто, продолжаетъ свою религіозную пропаганду. Но излишняя страстность и здѣсь часто вредитъ его успѣху. Онъ смѣло нападаетъ на религіозныя процессіи, проникаетъ въ храмы и, столкнувъ ошеломленнаго священника, занимаетъ его мѣсто и начинаетъ проповѣдывать противъ «римскаго антихриста». Часто католики нападаютъ на него, осыпаютъ ругательствами и побоями, не разъ и самая жизнь его подвергается опасности, но эти неудачи нисколько не охлаждаютъ его пыла. Покрытый ранами, онъ снова устремляется въ борьбу, и эта неукротимая смѣлость и настойчивость въ концѣ концовъ обезпечиваютъ ему успѣхъ. Скоро Бернъ беретъ его подъ свое покровительство, и съ тѣхъ поръ реформація, въ лицѣ Фареля, дѣлаетъ большіе успѣхи въ французскихъ кантонахъ Швейцаріи. Нефшатель берется имъ почти съ боя, и съ 1530 г. здѣсь окончательно водворяется реформація.

Вотъ этотъ-то пламенный проповѣдникъ новаго ученія, гроза католическаго духовенства, давно уже сталъ слѣдить за движеніемъ въ Женевѣ. По своему положенію, она представлялась самымъ удобнымъ центромъ для религіозной пропаганды въ романскихъ земляхъ. Необходимо было во что-бы то ни стало пріобрѣсти этотъ городъ для реформаціи. Положеніе дѣлъ казалось благопріятнымъ. И вотъ въ октябрѣ 1532 г. Фарель появляется въ Женевѣ.

Было-бы слишкомъ долго разсказывать всѣ различные фазисы, черезъ которые проходила религіозная пропаганда въ Женевѣ. Успѣхи Фареля вначалѣ были ничтожны. Его появленіе вызвало большое волненіе въ средѣ еще сильной католической партіи, которой удалось добиться его изгнанія. Тѣмъ не менѣе Фарель и не думалъ отказываться отъ разъ намѣченной цѣли. Онъ послалъ въ Женеву своихъ учениковъ, которые стали вести дѣло съ большею осторожностью. Но католическая партія была уже на сторожѣ. Совѣтъ наконецъ понялъ, что далъ слишкомъ разростись протестантской партіи, а это вовсе не входило въ его разсчеты. Противъ новаго ученія началась бы сильная реакція, если бы въ защиту его не выступилъ Бернъ. Послѣдній прямо поставилъ условіемъ своего союза безпрепятственное допущеніе евангелическихъ проповѣдниковъ. Фарель вернулся назадъ и сталъ еще съ большею рѣзкостью громить католичество. Къ этому присоединилось еще безтактное поведеніе Женевскаго епи-

скопа, который, при видѣ угрожающей опасности, заключилъ союзъ съ Карломъ III и открыто объявилъ войну своему родному городу. Французскій король также вздумалъ воспользоваться смутами въ городѣ и сталъ навязывать ему свое опасное покровительство. При такихъ обстоятельствахъ помощь Берна была болѣе чѣмъ необходима, и для спасенія независимости города совѣтъ рѣшается окончательно пожертвовать католицизмомъ.

Старанія Фареля такимъ образомъ увѣнчались успѣхомъ. Католичество было изгнано окончательно: съ Берномъ, войска котораго одержали блестящую побѣду надъ врагами Женевы, заключенъ въ 1536 г. «вѣчный миръ», по которому Женева признана независимой, но обязуется не заключать союзовъ съ другими державами, не искать чужой помощи безъ согласія Берна, уплатить послѣднему большія суммы за военныя издержки, открыть свободный доступъ всѣмъ Бернскимъ гражданамъ; притомъ самымъ прочнымъ ручательствомъ въ сохраненіи мира должно служить полное единомысліе въ дѣлахъ вѣры

Такимъ образомъ, послѣ 30-лѣтней борьбы, Женева окончательно добилась независимости. Вмѣстѣ съ этимъ, съ 1535 г. протестантизмъ признанъ господствующей религіей. Католическое богослуженіе уничтожено: священники, монахи изгнаны, во всѣхъ церквахъ раздается евангелическая проповѣдь.

Однако, не смотря на побѣду надъ внѣшними врагами, состояніе города было довольно плачевное. Долговременная борьба совершенно подорвала благосостояніе жителей: торговля и промышленность находились въ упадкѣ. Большая часть богатыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ семействъ была въ изгнаніи: среди оставшихся господствовали раздоры. Хуже всего было то, что въ городѣ не нашлось ни одной выдающейся личности, которая съумѣла бы внушить къ себѣ довѣріе и возстановить порядокъ. Бониваръ, освобожденный изъ своего заточенія побѣдоноснымъ Бернскимъ войскомъ, отличался двусмысленною нравственностью. Другіе предводители партіи независимости также не внушали довѣрія, заботясь болѣе всего о своемъ личномъ обогащеніи насчетъ конфискованныхъ частныхъ и церковныхъ имѣній. Въ массѣ народа господствовало сильное недовольство.

Еще въ болѣе плачевномъ состояніи находилась церковь. Новая религія, принятіе которой было въ значительной степени вынуждено политическими соображеніями, еще не успѣла конечно пустить глубокихъ корней въ народѣ. Въ сущности успѣхъ реформаціи былъ чисто внѣшній. Всѣ аттрибуты католицизма были тщательно истреблены, но на мѣстѣ этого разрушеннаго стараго зданія необходимо было воз-

вести прочное новое—требовалось ввести порядокъ въ богослуженіи, установить ясную формулу вѣры для народа, еще не достаточно знакомаго съ новымъ ученіемъ и толковавшаго Евангеліе вкривь и вкось. Проповѣдники же по большей части продолжали по прежнему громить преступленія «римскаго антихриста» — дальше этого дѣло религіознаго и нравственнаго перерожденія общества не шло. А между тѣмъ потребность въ твердой организующей рукѣ чувствовалась въ церкви не менѣе настоятельно, чѣмъ въ государствѣ. Поповѣдники сами разнуздали народныя страсти, чтобы достигнуть побѣды надъ католичествомъ. Всѣ эти акты насилія, которыми сопровождалась евангелическая проповѣдь, ежедневно повторявшіяся сцены иконоборства и кощунства надъ предметами, которые втеченіе столѣтій почитались, какъ святыни — все это не могло не дѣйствовать на массу крайне деморализующимъ образомъ. Часто Евангеліе служило лишь лозунгомъ, подъ прикрытіемъ котораго творились самыя безобразныя вещи. Новые проповѣдники также не могли служить образцами нравственной чистоты. По большей части это были прежніе монахи, которые спѣшили пользоваться своею свободой и вмѣсто примѣра служили только соблазномъ для народа. Еще болѣе усиливалъ порчу нравовъ чрезмѣрный наплывъ иностранцевъ. Въ числѣ этихъ эмигрантовъ, которымъ Женева гостепріимно открыла свои ворота, часто оказывались искатели приключеній, бѣглые монахи, обокравшіе свои монастыри, преступники, скрывавшіеся отъ правосудія.

И для борьбы со всѣмъ этимъ накопившимся зломъ въ Женевѣ имѣлся одинъ Фарель.

V.

Кальвинъ въ Женевѣ.

Кальвинъ попадаетъ въ Женеву и остается.—Характеристика обоихъ реформаторовъ.—Вире.—Первые успѣхи Кальвина: катехизисъ, исповѣданіе вѣры.—Его усиливающееся вліяніе и чрезмѣрная требовательность.—Диспутъ съ анабаптистами и Кароли.—Борьба съ оппозиціей и „Бернскіе обычаи“.—Кальвинъ изгоняется. Попытки добиться возвращенія.—Унылые Кальвина; его отъѣздъ въ Страсбургъ.

Среди этой-то неурядицы, въ іюлѣ 1536 г., въ одной изъ гостиницъ Женевы остановился пріѣзжій—молодой человѣкъ лѣтъ 27,

высокій, худой, съ блѣднымъ, аскетически-изможденнымъ лицомъ, бородкой клиномъ и черными блестящими глазами. Онъ разсчитывалъ пробыть въ городѣ только одну ночь и на слѣдующее утро отправиться въ Базель. Но случилось иначе.

Пріѣзжій молодой человѣкъ былъ Кальвинъ. Случайно онъ наткнулся въ Женевѣ на своего прежняго спутника—Тилье, который, въ восторгѣ отъ этой встрѣчи, не замедлилъ по секрету сообщить своимъ знакомымъ о пріѣздѣ знаменитаго автора «Христіанской Институціи». Такимъ образомъ вѣсть о прибытіи Кальвина дошла и до Фареля.

Положеніе этого «завоевателя Женевы» становилось все болѣе затруднительнымъ. Съ свойственною ему страстною рѣшительностью онъ вначалѣ принялся было за водвореніе порядка въ церкви. Онъ настаивалъ на исправномъ посѣщеніи проповѣди, на проведеніи строгой нравственной дисциплины, старался поднять школьное образованіе, пришедшее въ упадокъ въ смутную эпоху борьбы. Но результаты всѣхъ этихъ усилій оказались ничтожными. Строгія мѣры вызывали громкій ропотъ. Совѣтъ, стремившійся, по образцу Берна, подчинить церковь государству, относился подозрительно къ требовательному проповѣднику. Особенно сильное неудовольствіе вызвало требованіе Фареля объ отлученіи отъ церкви всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли подчиниться введенной имъ строгой нравственной дисциплинѣ. Онъ начиналъ понимать всю шаткость своего положенія среди населенія, въ которомъ еще не исчезли прежнія католическія симпатіи. У него не было энергичныхъ помощниковъ, на которыхъ онъ могъ бы опереться; да и самъ онъ, при всемъ своемъ краснорѣчіи, болѣе способенъ былъ разрушать старое, чѣмъ созидать новое. Это былъ народный ораторъ, увлекавшій за собою толпу огнемъ своихъ рѣчей, но ему недоставало организаторскаго таланта, съ помощью котораго онъ могъ бы придать своему дѣлу устойчивость. Мужество начинало покидать его; онъ чувствовалъ, что дѣло, столь блистательно начатое, можетъ погибнуть. Онъ обращается къ отдаленнымъ друзьямъ и единомышленникамъ, проситъ у нихъ совѣта, помощи...

Легко понять, съ какимъ восторгомъ онъ узнаетъ вдругъ о пріѣздѣ знаменитаго ученаго. Нѣтъ сомнѣнія,—самъ Господь послалъ ему желаннаго помощника. Немедленно отправляется онъ по указанному адресу и настоятельно проситъ Кальвина остаться въ Женевѣ и посвятить себя дѣлу организаціи церкви. Но для Кальвина въ этомъ предложеніи не было ничего заманчиваго. Онъ жаждалъ

покоя, а ему предлагаютъ снова кинуться въ бурный водоворотъ страстей. Онъ сталъ ссылаться на свою молодость, неопытность, на врожденную робость, на необходимость продолжать свои научныя занятія. Но Фарель не принимаетъ никакихъ возраженій. Онъ настаиваетъ все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ, выведенный изъ себя упорствомъ своего собесѣдника, восклицаетъ вдохновеннымъ тономъ: «А, ты выставляешь предлогомъ свои занятія, но именемъ всемогущаго Бога я объявляю тебѣ: божественное проклятіе постигнетъ тебя, если ты откажешь намъ въ своемъ содѣйствіи и будешь заботиться болѣе о себѣ, чѣмъ о Христѣ».

Это грозное воззваніе рѣшило дѣло. Кальвину показалось, что устами этого вдохновеннаго проповѣдника говоритъ само Божество. Испуганный, потрясенный, онъ рѣшается послѣдовать внушенію Фареля. Онъ только проситъ позволенія отправиться на короткое время въ Базель, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла. И дѣйствительно, въ концѣ августа онъ снова возвращается въ Женеву, чтобы наряду съ Фарелемъ работать надъ упроченіемъ въ ней реформаціи.

Трудно представить себѣ людей, болѣе непохожихъ другъ на друга, чѣмъ эти два реформатора Женевы. Одинъ—пылкій, экзальтированный, съ бурнымъ краснорѣчіемъ, смѣло и безстрашно устремляющійся туда, гдѣ грозитъ наибольшая опасность, типъ народнаго оратора, демагога, который можетъ дѣйствовать только на массы. Другой—спокойный, разсудительный, кабинетный ученый, ораторъ, который не столько увлекаетъ своихъ слушателей, сколько ихъ убѣждаетъ, организаторскій талантъ, всюду стремящійся внести порядокъ и систему. Отъ природы робкій, чуждающійся свѣта, онъ обладаетъ однако мужествомъ, внушаемымъ сознаніемъ долга, и разъ убѣдившись въ необходимости того или другого шага, не отступитъ уже ни передъ какою опасностью. Средину между ними занималъ Вире, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сподвижниковъ Фареля при введеніи реформаціи въ Женевѣ. Это былъ также замѣчательный ораторъ, но въ его краснорѣчіи не было той бурной страстности, которою отличались проповѣди Фареля. Своею мягкою гармоническою рѣчью онъ очаровывалъ своихъ слушателей, успокоивалъ страсти, погружая души въ какой-то мистическій экстазъ.

Между этими тремя людьми, такъ прекрасно дополнявшими другъ друга, завязывается теперь самая тѣсная дружба, которая остается неизмѣнной втеченіе всей ихъ жизни. Впослѣдствіи,

разлученный съ своими друзьями, Кальвинъ поддерживаетъ съ ними самую оживленную переписку, сообщаетъ имъ обо всемъ, что происходитъ въ Женевѣ, часто спрашиваетъ ихъ совѣта, зоветъ на помощь. Кальвинъ въ особенности уважалъ Фареля за то безкорыстіе, съ которымъ онъ уступилъ ему свое мѣсто духовнаго главы Женевы, руководствуясь только благомъ этого города.

Впрочемъ, первые дебюты Кальвина въ Женевѣ были очень скромны. Онъ даже отказывается взять на себя какую-нибудь оффиціальную должность и ограничивается чтеніемъ лекцій въ соборѣ Св. Петра о нѣкоторыхъ книгахъ Новаго Завѣта. Онъ издаетъ въ это время нѣсколько небольшихъ сочиненій, направленныхъ противъ католичества, работаетъ надъ французскимъ переводомъ своей «Институціи» и сильно озабоченъ преслѣдованіями протестантовъ на родинѣ. Въ самой Женевѣ прибытіе и первоначальная дѣятельность «этого француза», какъ онъ названъ въ протоколахъ совѣта, обращаетъ на себя мало вниманія. Даже на религіозномъ диспутѣ въ Лозаннѣ, куда онъ сопровождалъ Фареля, Кальвинъ не играетъ почти никакой роли. Громы Фареля и увлекательное краснорѣчіе Вирe совершенно заглушаютъ тихій, убѣдительный голосъ молодого ученаго.

Но «этотъ французъ» не долго остается въ тѣни. Безпорядокъ въ Женевской церкви не могъ не поразить его. «Когда я впервые увидѣлъ эту церковь», писалъ онъ впослѣдствіи, «она представляла нѣчто безформенное. Проповѣдывали,—и это было все. Разыскивали идолы и сжигали ихъ—и въ этомъ заключалась вся реформація. Всюду господствовалъ хаосъ».

Въ этотъ хаосъ Кальвинъ рѣшается внести порядокъ. Его чтенія имѣли успѣхъ. Совѣтъ назначаетъ его проповѣдникомъ и опредѣляетъ ему жалованье. Фарель все сильнѣе проникается уваженіемъ къ его уму и учености. Несмотря на то, что послѣдній еще долго былъ въ глазахъ всѣхъ главнымъ руководителемъ Женевской церкви, онъ въ сущности очень скоро подпадаетъ подъ вліяніе Кальвина, который уже съ конца 1536 г. становится душою всѣхъ послѣдующихъ событій.

Одной изъ первыхъ заботъ Кальвина было составленіе катехизиса, гдѣ въ общедоступной формѣ излагались основныя начала новаго ученія. Этотъ катехизисъ, представлявшій въ сущности краткій конспектъ изъ «Христіанской Институціи», долженъ былъ быть распространенъ въ народѣ и служить руководствомъ для школьнаго преподаванія. Съ тою же цѣлью онъ составляетъ еванге-

лическое исповѣданіе въ 21 тезисахъ. Но этихъ мѣръ конечно было недостаточно. Необходимо было позаботиться о томъ, чтобы народъ не только усвоилъ себѣ истины новаго ученія, но и исполнялъ всѣ его предписанія. Поэтому, представляя совѣту новую формулу вѣры, оба проповѣдника настаивали на томъ, чтобы всѣ граждане принесли присягу въ ея соблюденіи. Въ подробной объяснительной запискѣ реформаторы развивали проэктъ будущей организаціи Женевской церкви. Особенно сильно они настаивали на введеніи церковнаго отлученія, какъ самаго дѣйствительнаго средства для поддержанія строгаго порядка и дисциплины въ церкви. Чтобы не осквернить таинства причащенія допущеніемъ къ нему недостойныхъ (частое совершеніе этого таинства въ особенности рекомендуется проповѣдниками), совѣтъ долженъ избрать изъ среды гражданъ людей богобоязненныхъ, безупречной нравственности и поручить имъ надзоръ за различными частями города. Въ этихъ ввѣренныхъ имъ частяхъ они должны слѣдить за нравственностью гражданъ, дѣлать имъ внушенія, а на непокорныхъ указывать духовенству, которое, въ случаѣ недѣйствительности своихъ увѣщаній, имѣетъ право отлучать ихъ отъ общенія съ вѣрующими. Если же и это средство не приведетъ къ исправленію виновнаго, то послѣдній долженъ быть переданъ для наказанія гражданскимъ властямъ.

Несмотря на значительность этихъ требованій, совѣтъ отнесся къ нимъ очень сочувственно. Въ 1537 г. совѣтъ какъ разъ состоялъ изъ лицъ, горячо преданныхъ дѣлу реформы. Къ тому же и роль, которую новыя правила отводили свѣтскимъ властямъ въ дѣлахъ церкви, должна была льстить ихъ честолюбію. Поэтому, несмотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ членовъ, большой совѣтъ издалъ 16 января 1537 года цѣлый рядъ постановленій, составленныхъ совершенно въ духѣ пояснительной записки Кальвина. Правда, предложеніе церковнаго отлученія было пока обойдено молчаніемъ, за то въ дѣлѣ преслѣдованія остатковъ католицизма и преступленій противъ нравственности строгость изданныхъ постановленій должна была совершенно удовлетворить проповѣдниковъ. Новый катехизисъ былъ принятъ единогласно, и граждане стали приводиться къ присягѣ формулѣ вѣры.

Такимъ образомъ первыя попытки проповѣдниковъ въ дѣлѣ организаціи церкви увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Совѣтъ продолжаетъ съ рѣдкою предупредительностью исполнять ихъ требованія — и скоро молодой французскій проповѣдникъ, скрывавшійся первое время за авторитетомъ Фареля, все болѣе и болѣе выступа-

стъ на первый планъ. Поддерживаемый нѣкоторыми французскими эмигрантами, искавшими убѣжища въ Женевѣ и горячо преданными дѣлу реформаціи,—Кальвинъ обнаруживаетъ неутомимую дѣятельность. Многочисленныя проповѣди, религіозное обученіе дѣтей и взрослыхъ, строгій надзоръ за нравственностью жителей—быстро подвигаютъ дѣло реформаціи. Часто проповѣдники являются въ залу засѣданій совѣта, произносятъ длинныя увѣщательныя рѣчи, и совѣтъ, подъ ихъ вліяніемъ, все болѣе усиливаетъ свои строгости. Въ протоколахъ совѣта мы находимъ цѣлый рядъ самыхъ строгихъ взысканій за сравнительно незначительные проступки. Такъ напр., азартный игрокъ выставляется у позорнаго столба съ картами, привязанными къ шеѣ. Молодая женщина, явившаяся въ церковь съ завитыми по модному волосами, присуждается къ тюремному заключенію на нѣсколько дней, и вмѣстѣ съ ней и парикмахерша, убиравшая ея голову. Запрещается всякая роскошь въ костюмахъ, шумныя публичныя увеселенія, танцы, употребленіе непристойныхъ выраженій, божба и т. п. Мало по малу городъ потерялъ свою обычную физіономію, и вмѣсто прежней шумной веселости въ немъ водворяется почти монастырская тишина. Въ дѣлѣ наказаній законъ не дѣлалъ почти никакихъ исключеній—богатые и бѣдные одинаково должны были ему подчиняться. Это обстоятельство первое время даже доставляло проповѣдникамъ извѣстную популярность въ простомъ народѣ. Но особенною безпощадностью они отличались въ преслѣдованіи остатковъ католическаго культа. Всякій, кто сохранялъ у себя дома какую нибудь икону, четки или другую принадлежность стараго культа, считался богоотступникомъ и подвергался жестокимъ наказаніямъ.

Но въ концѣ концовъ эта чрезмѣрная строгость только повредила дѣлу. Мало по малу народъ сталъ тяготиться суровымъ деспотизмомъ своихъ духовныхъ пастырей. Уже въ 1537 г. на Женевскомъ горизонтѣ показались первые предвѣстники собирающейся бури.

Въ мартѣ 1537 г. въ Женевѣ появились два проповѣдника-анабаптиста. Благодаря мистическому характеру своего ученія, соединенному съ строго-нравственной жизнью, сектанты эти всюду имѣли успѣхъ—въ Женевѣ вокругъ нихъ стали также собираться многочисленные слушатели. Фарель рѣшился вступить съ ними въ открытое состязаніе. Диспутъ продолжался нѣсколько дней, но совѣтъ, замѣчая впечатлѣніе, которое рѣчи анабаптистовъ производили на слушателей, поспѣшилъ прекратить его и подъ страхомъ смертной

казни приказалъ имъ оставить городъ. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе отъ этого случая осталось сильное, и еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя Фарель и Кальвинъ жаловались совѣту на то, что въ городѣ не мало тайныхъ приверженцевъ этого опаснаго ученія.

Еще сильнѣе авторитетъ Кальвина былъ поколебленъ вслѣдствіе нападенія другого, евангелическаго-же проповѣдника Кароли, который обвинилъ его въ аріанизмѣ, т. е. въ непризнаніи Св. Троицы. Обвиненіе это страшно потрясло Кальвина — онъ не могъ даже допускать мысли, чтобъ его могли заподозрить въ ереси. Онъ потребовалъ созванія синода и съ необыкновенной страстностью напалъ на своего противника, уличилъ его самого въ безнравственности и безвѣріи, и затѣмъ рѣшительно опровергъ обвиненіе. И синодъ въ Лозаннѣ, и Бернскій совѣтъ выдали ему формальное удостовѣреніе его правовѣрности. Тѣмъ не менѣе Кальвинъ долго не могъ успокоиться, считая оскорбленіемъ даже самое возбужденіе вопроса о чистотѣ своего ученія.

Но всѣ эти непріятности были только прелюдіей къ той серьезной борьбѣ, которая скоро завязалась между проповѣдниками и самимъ народомъ.

Несмотря на первые успѣхи организаторской дѣятельности Кальвина, на предупредительность, съ которой совѣтъ принималъ и приводилъ въ исполненіе его требованія, въ средѣ населенія новыя мѣры встрѣчали большое неудовольствіе. Женевскіе патріоты чувствовали себя оскорбленными повелительнымъ тономъ «иностранцевъ» и тѣмъ предпочтеніемъ, которое они оказывали во всемъ своимъ соотечественникамъ. Скоро оказалось, что первые успѣхи проповѣдниковъ вовсе не были такъ значительны: многіе граждане отказались присягнуть новой формулѣ вѣры. Эта присяга, столь несогласная съ принципомъ свободы совѣсти, казалась многимъ женевцамъ, еще наканунѣ проливавшимъ свою кровь за свободу, началомъ новаго порабощенія. Побуждаемый проповѣдниками, совѣтъ повторяетъ свое требованіе присяги подъ страхомъ изгнанія, но и эта угроза остается безъ послѣдствій, и когда наконецъ 12 ноября совѣтъ постановляетъ изгнать всѣхъ непокорныхъ, то этихъ непокорныхъ оказывается такъ много, что угроза такъ и остается угрозой.

Но Кальвинъ и Фарель и не думаютъ обращать вниманія на эти краснорѣчивые признаки усиливающейся оппозиціи. Успѣхи первой поры вскружили имъ голову. Они увѣрены, что при настойчивости добьются въ концѣ концовъ своей цѣли и продолжаютъ по прежнему требовать поголовной присяги и введенія церковнаго отлученія. Въ

горячихъ проповѣдяхъ они осыпаютъ своихъ противниковъ самой неумѣренной бранью. Особенной страстностью отличался одинъ изъ проповѣдниковъ, Коро, который разъ съ каѳедры осыпалъ своихъ слушателей такими неприличными ругательствами, что совѣтъ, уступая народному негодованію, долженъ былъ подвергнуть его тюремному заключенію. Разрывъ становился такимъ образомъ все глубже. Недовольные собирались въ кабачкахъ, ругая проповѣдниковъ и ихъ приверженцевъ, обвиняя ихъ въ тираніи; носились даже слухи объ ихъ измѣнническихъ сношеніяхъ съ французскимъ королемъ. Часто, сидя въ своей рабочей комнатѣ, Кальвинъ слышалъ съ улицы грозные народные клики: «въ Рону проповѣдниковъ!» Только благодаря заступничеству совѣта, послѣдніе продолжали еще держаться нѣкоторое время. Но тутъ подвернулось одно обстоятельство, которымъ оппозиціонная партія не замедлила воспользоваться. Это былъ вопросъ о «бернскихъ обычаяхъ».

Бернская церковь, при введеніи реформаціи, сохранила у себя нѣсколько менѣе важныхъ католическихъ обрядовъ—напр., обычай употреблять для причастія прѣсный хлѣбъ, камни для крещенія, 4 главныхъ католическихъ праздиества и т. п., между тѣмъ какъ женевскіе теологи, болѣе радикальные, не хотѣли сохранять никакихъ остатковъ прежняго культа и, кромѣ воскресеній, не признавали никакихъ праздниковъ. Тѣмъ не менѣе Бернъ, основываясь на условіяхъ договора, настаивалъ на установленіи полнаго единообразія въ богослуженіи. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и рѣшили воспользоваться противники Кальвина. Они знали, что непреклонный французъ не уступитъ ни шагу, и поэтому выставили своимъ лозунгомъ принятіе бернскихъ обычаевъ. Между тѣмъ наступили (3 февраля 1538 г.) выборы новаго совѣта. Кальвинъ и Фарель употребляли всѣ усилія, чтобъ удержать власть за своими приверженцами. Но оппозиція была сильнѣе. Въ новомъ составѣ совѣта оказалось много членовъ, враждебныхъ проповѣдникамъ, и такимъ образомъ послѣдніе лишились своей единственной опоры.

Положеніе вещей въ Женевѣ возбуждало тревогу во всѣхъ евангелическихъ кружкахъ. Только немногіе одобряли поведеніе проповѣдниковъ. Большинство друзей и единомышленниковъ убѣждало ихъ быть уступчивѣе и снисходительнѣе. Но послѣдніе и не думали послѣдовать этимъ совѣтамъ. Они считали измѣной дѣлу уменьшить свои требованія въ виду неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ и рѣшились лучше пасть, чѣмъ уступить. Скоро дѣло дошло до окончательной развязки.

На Пасхѣ предстояло торжественное всеобщее причащеніе и проповѣдникамъ было предписано причащать по бернскому обычаю. Тѣ отказались. Тогда совѣтъ, выведенный изъ терпѣнія ихъ сопротивленіемъ и нападеніями Кальвина, который публично обозвалъ его «коллегіей дьявола», запретилъ имъ впредь проповѣдывать.

Въ первый день Пасхи громадныя толпы народа устремились въ церкви, въ которыхъ обыкновенно проповѣдывали Кальвинъ и Фарель. Многіе изъ собравшихся имѣли при себѣ оружіе. Уже наканунѣ разнесся слухъ, что проповѣдники не послушаются приказанія совѣта. И дѣйствительно, въ обычный часъ Фарель взошелъ на каѳедру. Въ рѣзкой обличительной рѣчи онъ выставляетъ собравшимся на видъ всю возмутительность ихъ поведенія и заканчиваетъ рѣшительнымъ отказомъ раздавать имъ причастіе, какъ недостойнымъ. Подобное же заявленіе, сдѣланное Кальвиномъ, доводитъ негодованіе толпы до послѣднихъ предѣловъ. Только съ трудомъ друзьямъ проповѣдниковъ удается спасти ихъ отъ народной ярости. На этотъ разъ совѣтъ окончательно отступается отъ нихъ. Синдики созываютъ генеральное собраніе, которое почти единогласно требуетъ ихъ изгнанія въ трехдневный срокъ.

Кальвинъ и Фарель приняли извѣстіе о своемъ пораженіи съ наружнымъ спокойствіемъ «Еслибъ мы служили людямъ», замѣтилъ при этомъ Кальвинъ, «то были бы плохо вознаграждены, но мы служили Богу и награда отъ насъ не уйдетъ». По словамъ Кальвина, онъ даже обрадовался этому извѣстію.

Врядъ-ли однако эта радость была искренняя. Ликующее настроеніе народа, праздновавшаго паденіе своихъ «тирановъ», насмѣшки, которыми они осыпались, не могли не наносить чувствительныхъ ранъ ихъ самолюбію. Къ тому же они должны были скоро усмотрѣть все значеніе случившагося. Это позорное изгнаніе ихъ населеніемъ, которое вначалѣ относилось къ нимъ съ такимъ уваженіемъ, не только могло пролить невыгодный свѣтъ на всю ихъ дѣятельность въ глазахъ остального міра — можно было опасаться и того, что оно уничтожитъ всѣ плоды ихъ дѣятельности и даже совершенно оторветъ Женеву отъ реформаціи.

И дѣйствительно, не успѣли проповѣдники оставить Женеву, какъ они уже употребляютъ всѣ усилія, чтобъ добиться отмѣны приговора, и съ этою цѣлью немедленно отправляются хлопотать въ Бернъ.

Несмотря на ту роль, которую бернцы играли въ Женевскомъ переворотѣ, извѣстіе объ одержанной побѣдѣ было принято ими далеко

не съ радостью. Въ Бернѣ стали опасаться, чтобы католическая партія, насчитывавшая въ народѣ много тайныхъ приверженцевъ, не взяла верхъ при новомъ порядкѣ вещей. Поэтому изгнанные проповѣдники были приняты довольно милостиво. Послѣднимъ удалось убѣдить совѣтъ, что они вовсе не отказывались раздавать причастіе по бернскому обычаю, а лишь не соглашались профанировать таинство допущеніемъ къ нему недостойныхъ. Они горько жаловались, что сдѣлались жертвою давно подготовляемой интриги, и добились того, что бернскій совѣтъ отправилъ въ Женеву въ ихъ пользу очень убѣдительное посланіе. Но это посланіе не произвело никакого впечатлѣнія. Женевцы отвѣтили, что проповѣдники представили дѣло въ ложномъ свѣтѣ, и отмѣнять приговора они не намѣрены.

Но и эта неудача не смутила проповѣдниковъ. Въ Цюрихѣ въ это время засѣдалъ Швейцарскій синодъ. Они немедленно отправляются туда и въ яркихъ краскахъ рисуютъ опасность, которая грозитъ Евангелію въ Женевѣ. Они готовы согласиться, что бывали иногда слишкомъ строги, и при этомъ предлагаютъ синоду 14 статей, подъ условіемъ принятія которыхъ они согласны вернуться къ прежней дѣятельности. Требованія эти были еще очень значительны и врядъ ли были бы приняты въ какой нибудь другой швейцарской церкви. Синодъ отказался передать ихъ женевцамъ и даже посовѣтовалъ выказывать впередъ «больше христіанской кротости», но согласился написать въ ихъ пользу женевской общинѣ. Кромѣ того рѣшено было снова поручить Берну хлопотать объ ихъ возвращеніи.

Тогда Кальвинъ и Фарель снова возвращаются въ Бернъ. Но на этотъ разъ ихъ ожидалъ далеко не дружелюбный пріемъ. Выяснилось, что сообщенія изгнанныхъ проповѣдниковъ были преувеличены, что реформаціи въ Женевѣ не грозитъ никакой опасности. Кальвинъ никогда не могъ забыть тѣхъ униженій, которыя ему пришлось тогда претерпѣть. Цѣлыхъ 8 дней имъ пришлось дожидаться, пока согласились наконецъ выслушать ихъ. Наконецъ, послѣ всяческихъ униженій, уступокъ, обѣщаній придерживаться впередъ всѣхъ бернскихъ «обычаевъ», оба проповѣдника добились у совѣта, чтобы вмѣстѣ съ ними было отправлено въ Женеву посольство хлопотать объ отмѣнѣ приговора отъ 23 апрѣля.

Но и эта попытка окончилась неудачей. Вѣсть объ ихъ возвращеніи вызвала въ Женевѣ настоящій взрывъ народной ярости. Еще за милю отъ города бернское посольство было встрѣчено уполномо-

ченными совѣта, которые, на основаніи приговора объ изгнаніи, строго-настрого запретили проповѣдникамъ вступить въ городъ. Такимъ образомъ они, скрѣпя сердце, принуждены были положиться на одно ходатайство бернскихъ уполномоченныхъ. 26 мая, по настоянію послѣднихъ, было созвано народное собраніе. Уполномоченные говорили въ пользу изгнанныхъ съ такимъ жаромъ, что многіе были потрясены. Казалось, побѣда склонялась уже на ихъ сторону. Но тутъ поднялся одинъ изъ синдиковъ и началъ читать извѣстныя уже 14 статей, въ которыхъ обвиняемые ставили свои условія обвинителямъ. Послѣ этого дѣло проповѣдниковъ было окончательно проиграно. Среди гнѣвныхъ восклицаній и угрозъ отсутствующимъ почти единогласно постановлено было оставить приговоръ въ полной силѣ.

Впечатлѣніе, произведенное этой послѣдней неудачей на обоихъ проповѣдниковъ, было потрясающее. Вернувшись въ Бернъ, они, несмотря на всѣ уговоры друзей, спѣшатъ поскорѣе уѣхать изъ этого города, гдѣ испытали столько униженій, и, не простившись съ совѣтомъ, отправляются въ Базель. Казалось, самыя стихіи вооружились противъ нихъ. Разлившіеся горные потоки преграждали имъ дорогу и даже чуть не потопили одного изъ нихъ. «Но волны были болѣе милосерды, чѣмъ люди», писали они Вире объ этомъ приключеніи. Наконецъ, измученные всѣми перенесенными тревогами, они прибыли въ Базель. Даже здѣсь общественное мнѣніе было вначалѣ противъ нихъ. Друзья Кальвина громко осуждали его за неуступчивость. Луи Тилье видѣлъ въ женевскихъ событіяхъ перстъ Божій. «Подумай», писалъ онъ въ это время Кальвину, «не выказалъ ли этимъ Господь своего порицанія твоему образу дѣйствій, не захотѣлъ ли Онъ смирить тебя»...

Мало по малу однако первыя тягостныя впечатлѣнія стали сглаживаться. Кальвинъ первый оправился отъ овладѣвшаго имъ глубокаго унынія. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что случившееся — дѣло Провидѣнія, и твердо вѣрилъ, что его роль въ Женевѣ еще не кончилась, что наступитъ день, когда онъ будетъ торжествовать надъ своими противниками.

Матеріальное положеніе изгнанниковъ также скоро улучшилось. Фарель былъ приглашенъ проповѣдникомъ въ Нефшатель, а Кальвинъ, по приглашенію Бусера, отправился въ Страсбургъ.

VI.

Жизнь въ Страсбургѣ и возвращеніе въ Женеву.

Женитьба Кальвина и его матеріальное положеніе.—Сношенія съ нѣмецкими теологами.—Вормсъ и Регенсбургъ.—Посланіе Садолета и отвѣтъ Кальвина. Женева снова приглашаетъ къ себѣ Кальвина.

Недаромъ французскіе эмигранты называли Страсбургъ «Новымъ Іерусалимомъ». Дѣйствительно, послѣ Виттенберга врядъ ли какой-нибудь другой городъ, кромѣ Страсбурга, принималъ такое живое участіе въ религіозномъ движеніи того времени. Здѣсь можно было встрѣтить представителей всѣхъ религіозныхъ теченій. Лютеране, цвингліанцы, анабаптисты, послѣдователи Эколампадія и другихъ второстепенныхъ германскихъ реформаторовъ—всѣ они пользовались почти неограниченной свободой проповѣди. Такимъ образомъ въ этомъ городѣ, въ которомъ, также какъ и въ Женевѣ, германскій міръ приходилъ въ близкое соприкосновеніе съ романскимъ, совершался непрерывный обмѣнъ идей, и тому, кто захотѣлъ бы слѣдить за движеніемъ религіозной мысли, проникнуть въ смыслъ происходившей вокругъ него великой борьбы, трудно было бы отыскать болѣе удобный пунктъ для наблюденій.

Но Кальвинъ такъ-же мало думалъ тогда о преимуществахъ новой открывающейся ему арены дѣятельности, какъ и при своемъ первомъ появленіи въ Женевѣ. Бусеру стоило большихъ усилій уговорить его пріѣхать въ Страсбургъ. Неудачи въ Женевѣ оставили неизгладимый слѣдъ въ сердцѣ изгнаннаго проповѣдника. Имъ снова овладѣло глубокое отвращеніе къ общественной дѣятельности, онъ не хотѣлъ больше борьбы, жаждалъ покоя и на всѣ приглашенія Бусера отвѣчалъ вначалѣ упорнымъ отказомъ. Къ тому же онъ не хотѣлъ разставаться съ своимъ другомъ и товарищемъ по несчастію, Фарелемъ. Но когда послѣдній получилъ приглашеніе въ Нефшатель и самъ сталъ уговаривать его принять предложеніе Бусера, Кальвинъ наконецъ сдался.

Впрочемъ опасенія его оказались напрасными. Принятый весьма радушно мѣстными теологами и многими уважаемыми гражданами, онъ скоро совершенно освоился съ своимъ новымъ положеніемъ. Его назначили лекторомъ при академіи и проповѣдникомъ при французской церкви Св. Николая. Городской магистратъ совершенно не вмѣшивался въ дѣла французской общины и предоставилъ проповѣд-

нику полную свободу дѣйствій. Здѣсь, среди эмигрантовъ, пострадавшихъ за свою преданность новому ученію, ему конечно не предстояло имѣть дѣло съ такими враждебными партіями, какъ въ Женевѣ. Онъ имѣлъ поэтому полную возможность осуществить на новомъ мѣстѣ тотъ идеалъ церковной и нравственной дисциплины, къ которому стремился въ Женевѣ. И дѣйствительно, результаты, достигнутые имъ въ этомъ отношеніи, были громадные. Уже въ первыя недѣли послѣ своего назначенія ему удалось ввести ежемѣсячное причащеніе и церковное отлученіе всѣхъ недостойныхъ. Всякій, желавшій быть допущеннымъ къ причастію, долженъ былъ раньше подвергнуть себя испытанію своего духовнаго пастыря и обѣщать исправиться; неисполнявшіе этого требованія исключались изъ общенія съ вѣрующими. Правда, и здѣсь, не смотря на отсутствіе противодѣйствія со стороны свѣтскихъ властей, новыя мѣры вызывали вначалѣ сильное неудовольствіе, но Кальвинъ оставался непреклоннымъ и настоялъ на своемъ. Благодаря его энергіи, община французскихъ эмигрантовъ получила такую образцовую организацію, которая приводила въ изумленіе нѣмецкихъ пасторовъ.

Такимъ же успѣхомъ сопровождалась дѣятельность Кальвина, какъ лектора. Такъ же, какъ въ Женевѣ, онъ комментировалъ своимъ слушателямъ посланія апостола Павла, принималъ участіе въ публичныхъ диспутахъ и все увеличивалъ число приверженцевъ своего ученія. Ему удалось даже обратить многихъ анабаптистовъ. Совѣтъ относился къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, часто спрашивалъ его мнѣніе въ важныхъ дѣлахъ. Лекціи его привлекали массы слушателей изъ разныхъ концовъ Франціи; пріѣзжали его слушать даже изъ Англіи.

Въ Страсбургѣ же Кальвинъ снова вернулся къ своимъ литературнымъ занятіямъ, на которыя ему не хватало досуга въ Женевѣ. Уже лѣтомъ 1539 г. было готово къ печати второе изданіе «Христіанской Институціи», представляющее самую значительную изъ всѣхъ переработокъ этого сочиненія. Въ томъ же году онъ издалъ свое толкованіе «Посланія къ Римлянамъ», одно изъ лучшихъ экзегетическихъ произведеній реформатора. Наконецъ къ этому же времени относится и его «небольшой трактатъ о св. причастіи», предназначавшійся для обыкновенной читающей публики и потому написанный по французски.

Кальвинъ, очевидно, рѣшился надолго поселиться въ Страсбургѣ. Еще лѣтомъ 1539 г. онъ принялъ страсбургское гражданство, записавшись для этого въ цехъ портныхъ. Въ то же время онъ сталъ

серьезно подумывать о томъ, чтобы основать собственный семейный очагъ, и просилъ друзей помочь ему въ поискахъ подруги жизни. Въ письмѣ къ Фарелю Кальвинъ высказываетъ свой взглядъ на тѣ достоинства, которыми должна отличаться его будущая жена. «Я не принадлежу, какъ ты знаешь, къ числу тѣхъ людей, которые гоняются лишь за внѣшней красотой и поклоняются даже недостаткамъ любимой женщины. Мнѣ можетъ понравиться только женщина кроткая, скромная, терпѣливая, хорошая хозяйка, заботящаяся о здоровьѣ своего мужа».

Кальвинъ не скоро нашелъ подходящую подругу жизни. Братъ одной дѣвушки изъ благороднаго семейства и съ хорошимъ приданымъ, горячій поклонникъ Кальвина, очень хлопоталъ о его союзѣ съ сестрой, но послѣдній опасался, чтобы богатая дѣвушка не была слишкомъ притязательна, и, не желая обижать брата отказомъ, поставилъ условіемъ, чтобы невѣста предварительно научилась французскому языку. Дѣвушка обидѣлась, и Кальвинъ былъ спасенъ. Другое сватовство также почему-то разстроилось, и Кальвинъ, уже назначившій было день свадьбы, готовъ былъ совершенно отказаться отъ своего намѣренія жениться. «Я еще не нашелъ, пишетъ Кальвинъ Фарелю, не разумнѣе ли было бы совершенно отказаться отъ поисковъ». Наконецъ поиски увѣнчались успѣхомъ. Въ лицѣ Иделетты Штордеръ, вдовы одного обращеннаго имъ анабаптиста, онъ нашелъ женщину, вполнѣ соотвѣтствовавшую его идеалу. Она была бѣдна и, вмѣсто приданаго, принесла мужу своихъ трехъ дѣтей отъ перваго брака. Въ сентябрѣ 1540 г. свадьба была отпразднована съ большою торжественностью.

Бракъ Кальвина былъ очень счастливъ. Съ свойственною ему сдержанностью, почти граничащею съ полнымъ безразличіемъ ко всему, что не имѣло отношенія къ его дѣятельности, онъ очень рѣдко и то мимоходомъ упоминаетъ о женѣ при ея жизни. Но тѣ немногія строки, проникнутыя искреннимъ горемъ, которыя онъ посвятилъ ей послѣ ея смерти, служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу этой тихой, кроткой женщины, которая совершенно стушевалась передъ личностью своего мужа, ни въ чемъ его не стѣсняла и была его преданной подругой и сидѣлкой въ дни его частыхъ и мучительныхъ болѣзней, образцовой хозяйкой, заботившейся о его матеріальныхъ удобствахъ.

Впрочемъ матеріальное положеніе Кальвина въ Страсбургѣ, особенно въ первое время, было далеко не блестящее. Жалованье, назначенное совѣтомъ, было очень незначительно, и нужда часто до-

ходила до того, что ему нечѣмъ было уплатить за квартиру. Его литературныя произведенія почти ничего не приносили ему, а между тѣмъ одна корреспонденція стоила очень много. Ему даже пришлось продать свою библіотеку, оставшуюся въ Женевѣ, и принимать въ свою квартиру жильцовъ, которымъ Иделетта доставляла столъ. Тѣмъ не менѣе Кальвинъ упорно отказывался отъ всѣхъ предложеній друзей, старавшихся улучшить его матеріальное положеніе. «Благодарю всѣхъ моихъ братьевъ, пишетъ онъ Фарелю, за ихъ добрыя предложенія—бѣдняки, дающіе милостыню тому, кто еще бѣднѣе ихъ! Но я далъ себѣ слово больше не принимать ничего, ни отъ тебя, ни отъ нашихъ общихъ друзей, пока не буду вынужденъ къ этому. Книги, которыя я оставилъ въ Женевѣ, покроютъ расходъ по найму квартиры. Въ остальномъ поможетъ Господь».

Въ Страсбургѣ Кальвинъ ближе сошелся съ нѣмецкими теологами. Въ то время въ Германіи происходилъ цѣлый рядъ сеймовъ—въ Франкфуртѣ, Гагенау, Вормсѣ и Регенсбургѣ, — сопровождавшихся религіозными диспутами. Это была самая блестящая пора для нѣмецкихъ протестантовъ, которые ежедневно одерживали въ Германіи новыя побѣды. Въ средѣ католиковъ господствовало уныніе, и самъ папа готовъ былъ дѣлать уступки. Кальвинъ, прекрасно изучившій положеніе дѣлъ, возлагалъ вначалѣ большія надежды на эти сеймы. Онъ надѣялся достигнуть полнаго соглашенія между всѣми протестантскими партіями, которое должно было обезпечить имъ торжество надъ католиками. Онъ даже не отступалъ передъ перспективою гражданской войны и самъ очень дѣятельно хлопоталъ о союзѣ протестантскихъ князей съ французскимъ королемъ противъ Карла V, такъ что Францискъ I даже поручилъ своей сестрѣ передать Кальвину свою благодарность за эти хлопоты. Въ то же время послѣдній издалъ анонимную брошюру, въ которой предостерегалъ «свою Германію» отъ происковъ папы. Вначалѣ дѣло, казалось, шло хорошо. Меланхтонъ, съ которымъ Кальвинъ очень близко сошелся въ это время и который относился съ большимъ уваженіемъ къ своему ученому собрату, называя его не иначе, какъ «теологомъ», употреблялъ всѣ усилія, чтобы добиться соглашенія между протестантскими церквами. Кальвинъ даже готовъ былъ для этого сдѣлать нѣкоторыя уступки въ своемъ ученіи. Но скоро эти надежды смѣнились полнымъ разочарованіемъ.

Въ концѣ концовъ сеймы не привели ни къ чему положительному. Не только соглашеніе съ католиками не состоялось, но и разногласія между протестантскими церквами также не были

устранены. Главнымъ камнемъ преткновенія былъ вопросъ о причастіи, которое Лютеръ толковалъ иначе, чѣмъ Кальвинъ. Самъ Лютеръ не присутствовалъ на этихъ сеймахъ, а Меланхтонъ, соглашавшійся вначалѣ съ Кальвиномъ, не посмѣлъ пойти противъ своего учителя. Такимъ образомъ первоначальныя мечты Кальвина о союзѣ между обѣими церквами—нѣмецкой и швейцарской — не оправдались. Онъ вообще не могъ сойтись съ нѣмцами, которые казались ему еще слишкомъ зараженными духомъ католичества и которые, въ свою очередь, находили его слишкомъ фанатическимъ. Онъ возмущался подчиненнымъ положеніемъ ихъ духовенства и отсутствіемъ у нихъ той нравственной дисциплины, которая считалась имъ необходимою принадлежностью всякой правильно поставленной церковной организаціи. Отчасти и это разочарованіе было въ числѣ тѣхъ мотивовъ, которые побудили его отказаться отъ своей дѣятельности въ Страсбургѣ и принять вторичное приглашеніе въ Женеву.

Мысль о Женевѣ никогда впрочемъ не покидала реформатора. Наслаждаясь въ Страсбургѣ желаннымъ покоемъ, окруженный всеобщимъ почетомъ, онъ не переставалъ зорко слѣдить за всѣмъ, что происходило въ изгнавшемъ его неблагодарномъ городѣ. Быть можетъ, его врожденное властолюбіе не удовлетворялось скромною ролью проповѣдника маленькой общины, въ то время, какъ въ Женевѣ онъ имѣлъ возможность сдѣлаться настоящимъ главою республики. Можетъ быть также, онъ уже успѣлъ къ тому времени оцѣнить все значеніе этого города для дѣла реформаціи. Какъ бы то ни было, не смотря на всѣ испытанныя униженія, не смотря на тотъ ужасъ, который ему внушала мысль о возвращеніи даже въ то время, когда оно стало дѣломъ возможнымъ, Кальвинъ въ глубинѣ души никогда не переставалъ желать этого. Женева въ одно и то же время и пугала, и притягивала его.

Уже 1 окт. 1538 года, менѣе чѣмъ черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ своего изгнанія, онъ обращается съ длиннымъ посланіемъ къ своимъ «возлюбленнымъ братьямъ въ Господѣ, остаткамъ разрушенной Женевской церкви», съ которыми считаетъ себя связаннымъ и въ отдаленіи. Съ совершенно необычною для него кротостью и умѣренностью въ выраженіяхъ онъ убѣждаетъ ихъ терпѣливо сносить посланное имъ небомъ испытаніе, быть снисходительнѣе къ противникамъ, которые служатъ только орудіемъ въ рукахъ сатаны, и твердо уповать, что въ концѣ концовъ его невинность возсіяетъ какъ солнце и враги его будутъ посрамлены.

И дѣйствительно, событія складывались такъ, что предсказаніе Кальвина должно было оказаться пророческимъ.

Въ сущности эти «остатки разрушенной церкви» были не такъ незначительны, какъ могло показаться во время его изгнанія. Когда улеглось первое возбужденіе противъ изгнанныхъ проповѣдниковъ, приверженцы Кальвина снова выступили открыто. Они стали громко роптать, что новыя власти только потворствуютъ безнравственности, относились презрительно къ новымъ проповѣдникамъ, такъ что послѣдніе не разъ принуждены были жаловаться совѣту на претерпѣваемыя ими оскорбленія. Изъ Нефшателя Фарель слѣдилъ за своими приверженцами, одушевляя ихъ частыми пламенными посланіями. Но главнымъ очагомъ оппозиціи служила основанная при Кальвинѣ коллегія. Учителя коллегіи—Сонье и Кордье—употребляли всевозможныя средства, чтобъ подорвать довѣріе народа къ новымъ порядкамъ. Властямъ ставились всяческія затрудненія, противъ проповѣдниковъ распространялись клеветы и обвиненія. Совѣтъ наконецъ рѣшился дѣйствовать энергично. Онъ потребовалъ отъ учителей, чтобъ они стали раздавать причастіе по бернскому обряду. Тѣ конечно отказались и были изгнаны изъ города, а самое гнѣздо безпорядковъ—коллегія—было временно закрыто. Въ то-же время совѣтъ издалъ цѣлый рядъ строгихъ постановленій противъ распущенности, въ духѣ Кальвина. Но вмѣстѣ съ реформаторомъ исчезла и моральная сила этихъ законовъ. Они оставались по большей части мертвою буквою, а нѣкоторыя строгости, предпринятыя противъ отдѣльныхъ нарушителей порядка, послужили только къ усиленію неудовольствія. Анархія росла, а вмѣстѣ съ ней росли и симпатіи къ изгнаннымъ.

Въ то-же время слабость властей оживила и надежды тайныхъ католиковъ. Друзья Кальвина еще болѣе преувеличивали значеніе этой опасности, такъ что слухи о благопріятномъ для католичества настроеніи Женевы распространились за предѣлы города и вызвали со стороны католиковъ попытку, которая дѣйствительно могла оказаться опасной для дѣла реформаціи.

Въ Ліонѣ собралась тогда конференція изъ католическихъ прелатовъ, въ числѣ которыхъ былъ и послѣдній епископъ Женевы. Рѣшено было обратиться съ воззваніемъ къ женевцамъ, и составленіе этого воззванія поручили кардиналу Садолету, епископу Карпентра.

Выборъ былъ очень удачный. Садолетъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и популярнѣйшихъ католическихъ іерарховъ. Быв-

шій секретарь папы Льва X, въ качествѣ таковаго находившійся въ сношеніяхъ со всѣми выдающимися людьми того времени, страстный любитель и собиратель книгъ и произведеній искусства, Садолетъ былъ не только однимъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, блестящимъ представителемъ эпохи Возрожденія, но и человѣкомъ рѣдкаго благородства и чистоты нравовъ. Назначенный епископомъ въ Карпентра, въ дикую горную мѣстность, этотъ блестящій ученый, влюбленный въ Римъ и съ трудомъ разставшійся съ его сокровищами науки и искусства, превратился въ идеальнаго пастыря своихъ бѣдныхъ полуцивилизованныхъ горцевъ. Онъ былъ горячо преданъ католичеству, но при этомъ отличался рѣдкою гуманностью и терпимостью, состоялъ въ дружбѣ съ Меланхтономъ, который посвящалъ ему свои произведенія, сочувствовалъ нѣкоторымъ идеямъ реформаціи и самъ не прочь былъ отъ реформы въ церкви, но подъ условіемъ признанія главенства папы, въ которомъ онъ видѣлъ необходимую гарантію для единства церкви.

Въ устахъ такого человѣка апологія католичества конечно должна была произвести особенное впечатлѣніе. Садолетъ справился съ своей задачей какъ нельзя лучше. Въ самыхъ дружескихъ сердечныхъ выраженіяхъ онъ обращается къ «своимъ дорогимъ братьямъ, синдикамъ, совѣту и гражданамъ Женевы», убѣждая ихъ вернуться въ лоно оплакивающей ихъ потерю церкви. Искусно сваливъ вину раскола на реформаторовъ, онъ не вдается въ опроверженіе новаго ученія и старается главнымъ образомъ подѣйствовать на сердца своихъ читателей. Съ глубокимъ чувствомъ онъ рисуетъ имъ преимущества католической церкви, этой тихой пристани, которая даруетъ душѣ миръ и спокойствіе въ настоящей и спасеніе въ будущей жизни, за которую говоритъ уже одна ея древность, ея могущество, ея единство. Особенно сильнымъ поэтическимъ паѳосомъ отличается заключительное мѣсто этого посланія, гдѣ передъ судомъ Всевышняго появляются души двухъ представителей стараго и новаго ученія. Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ указываетъ на свое согласіе съ отцами и учителями церкви, предписаніямъ которыхъ онъ смиренно подчинялся, другой изъ за случайныхъ несовершенствъ въ ней или изъ неудовлетвореннаго честолюбія произноситъ свое осужденіе надъ всѣмъ, что считалось священнымъ втеченіе стольких вѣковъ.

Пять лѣтъ тому назадъ такое посланіе можетъ быть оторвало-бы Женеву отъ реформаціи. Теперь оно только оказало ей услугу. Тѣмъ не менѣе воззваніе Садолета произвело впечатлѣніе. Со-

вѣтъ принялъ его и отвѣчалъ въ очень любезныхъ выраженіяхъ, обѣщая впослѣдствіи заняться разсмотрѣніемъ этого вопроса. Католики ободрились, въ самой Женевѣ многіе стали громко обнаруживать свои католическія симпатіи. Нѣкоторые изъ изгнанныхъ католиковъ осмѣлились даже вернуться на родину.

Соблазнъ могъ оказаться слишкомъ сильнымъ, необходимо было возразить Садолету. Но, увы! чтобъ отвѣтить такому краснорѣчивому защитнику необходимо было талантливое перо, а женевскіе проповѣдники были люди болѣе чѣмъ заурядные. И тогда—сначала тихо, потомъ все громче—стало раздаваться имя Кальвина. Даже враги его должны были признаться, что только онъ одинъ съумѣлъ-бы справиться съ этимъ отвѣтомъ. Кальвинъ въ Страсбургѣ зналъ, чего отъ него ожидаютъ. Онъ не могъ оставить свою прежнюю паству въ такомъ безпомощномъ положеніи, и отвѣтъ Садолету не замедлилъ появиться. (1 сент. 1539).

Этотъ отвѣтъ былъ, дѣйствительно, мастерскимъ произведеніемъ, одной изъ самыхъ блестящихъ полемическихъ работъ реформатора. Онъ написалъ его въ 6 дней, но несмотря на эту спѣшность работы, а можетъ быть и благодаря ей, письмо къ Садолету отличается тѣмъ огнемъ и тою образностью рѣчи, свойственными импровизаціи, которыя совершенно чужды большинству его болѣе обдуманныхъ произведеній. Садолетъ особенно идеализировалъ единство и старшинство католической церкви. Кальвинъ отвѣчаетъ изображеніемъ испорченности этой единой церкви и сразу уничтожаетъ все впечатлѣніе картины, нарисованной его противникомъ. Послѣдній только слегка коснулся догматическихъ вопросовъ, Кальвинъ выставляетъ ихъ на первый планъ и съ необыкновеннымъ жаромъ и убѣдительностью защищаетъ свою религіозную систему. Но самымъ блестящимъ пунктомъ этого отвѣта является его собственная защита. Садолетъ обвинялъ его въ честолюбіи; но что же дала ему, что ему могла дать реформа такого, чего бы онъ не могъ добиться, и съ гораздо меньшимъ трудомъ, на службѣ католической церкви. Онъ самъ стремился къ одному: жить въ мірѣ и работѣ. Не собственное желаніе, а ходъ событій, воля Божества вывели его на арену борьбы. Отъ этой общей защиты онъ переходитъ потомъ къ защитѣ своей дѣятельности въ Женевѣ: что онъ дѣлалъ такого въ этомъ городѣ, чего не одобрилъ бы всякій другъ порядка и нравственности, хотя бы даже католикъ? Садолетъ упрекалъ его въ томъ, что, уча объ оправданіи вѣрой, онъ проповѣдывалъ ненужность добрыхъ дѣлъ—странный упрекъ человѣку, который подвергся изгна-

нію именно за свою требовательность въ этомъ отношеніи. «Если бы ты обратилъ вниманіе на мой катехизисъ и тѣ инструкціи, которыя я написалъ для Женевы, то замолчалъ бы на первомъ словѣ». Шагъ за шагомъ слѣдитъ Кальвинъ за своимъ противникомъ и разбиваетъ его на всѣхъ пунктахъ. Садолетъ, какъ мы видѣли, закончилъ свое посланіе изображеніемъ суда Божія. Кальвинъ пользуется тѣмъ-же пріемомъ, чтобы оправдать себя отъ обвиненія въ новшествахъ. «Я видѣлъ, что Евангеліе заглушено суевѣріемъ, что Слово Божіе намѣренно утаивается отъ сыновъ церкви—что же мнѣ оставалось дѣлать?.. Если нельзя назвать измѣнникомъ того, кто, видя разстройство воиновъ, поднимаетъ знамя полководца и снова строитъ ихъ въ ряды, то неужели я заслуживаю этого названія, я, который, видя разстройство церкви, поднялъ старое знамя Іисуса Христа?

На этотъ отвѣтъ со стороны католиковъ не послѣдовало болѣе возраженій. Вся протестантская Европа читала его съ восторгомъ. Даже Лютеръ, вообще не симпатизировавшій швейцарскому реформатору, отозвался о немъ съ большою похвалой. Въ самой же Женевѣ впечатлѣніе, произведенное этимъ отвѣтнымъ посланіемъ, было громадное. Приверженцы Кальвина ликовали. Они съ гордостью повторяли, что только онъ одинъ способенъ былъ дать отпоръ католикамъ, что, несмотря на все случившееся, онъ продолжаетъ любить этотъ неблагодарный городъ. И съ этимъ конечно нельзя былъ не согласиться.

Такимъ образомъ эта послѣдняя попытка католицизма вернуть утраченную власть дала совершенно противоположные результаты. Она оказала услугу одному Кальвину. Письмо къ Садолету было шагомъ къ его примиренію съ женевскимъ народомъ.

Политическія дѣла также стали благопріятствовать Кальвину. Враждебная ему партія, съ синдикомъ Іоганномъ Филиппомъ во главѣ, сильно скомпрометтировала себя договоромъ съ Берномъ, которому она уступила часть владѣній Женевы. За такую государственную измѣну Іоганнъ Филиппъ былъ осужденъ на казнь (въ іюнѣ 1540 г.), а скоро послѣ того погибли и другіе 3 синдика, содѣйствовавшіе сверженію Кальвина. Съ тѣхъ поръ призваніе послѣдняго стало дѣломъ рѣшенымъ.

21 сент. 1540 г. совѣтъ поручаетъ одному изъ своихъ членовъ Ами Перрену «изыскать средства, чтобы убѣдить господина Кальвина вернуться въ Женеву». Перренъ пишетъ Кальвину, Фарель также уговариваетъ его принять приглашеніе. Но Кальвинъ и слышать объ этомъ не хочетъ. «Я содрогаюсь, когда вспоминаю о своей жизни въ Женевѣ», отвѣчаетъ онъ Фарелю. «Послѣ Бога, тебѣ од-

ному извѣстно, что я только потому оставался тамъ, что не смѣлъ уклоняться отъ обязанностей своего званія, указаннаго мнѣ самимъ Богомъ. Поэтому я готовъ былъ выносить все, лишь бы не покидать своего поста. Но теперь, когда я, по милости Бога, сталъ свободенъ, неужели я добровольно окунусь опять въ эту пучину? И если бы меня даже не пугала опасность для себя, то неужели я могу серьезно надѣяться, что съумѣю тамъ дѣйствовать съ пользой? Кто образуетъ большинство въ Женевѣ? Ни я, ни они не съумѣемъ ужиться другъ съ другомъ... И къ тому же, говоря правду, здѣсь въ Страсбургѣ, благодаря мирной, спокойной жизни, я совершенно разучился управлять массами».

Такъ писалъ онъ Фарелю. Въ такомъ же тонѣ онъ отвѣчалъ другимъ друзьямъ, хлопотавшимъ о томъ же. Кальвинъ, дѣйствительно, не могъ забыть всѣхъ вынесенныхъ униженій и боялся ихъ повторенія въ будущемъ. Но въ основѣ этихъ отказовъ, несомнѣнно, лежалъ и разсчетъ. Онъ чувствовалъ, что побѣда отъ него не уйдетъ. Онъ не желалъ возвратиться только на правахъ помилованнаго изгнанника; ему надо было, чтобы гордость женевцевъ была сломлена, чтобъ право помилованія принадлежало ему, чтобъ онъ могъ вернуться побѣдителемъ и предписывать законы тѣмъ, которые не съумѣли безъ него обойтись. Разсчетъ былъ вѣрный, и онъ добился своего.

Мысль о возвращеніи Кальвина овладѣваетъ гражданами Женевы съ упорствомъ настоящей idée fixe. Не только его приверженцы, весь народъ этого желаетъ. Всѣ чувствуютъ, что только его твердая руководящая рука можетъ положить конецъ всѣмъ безпорядкамъ— забыты его строгости, его «тиранія». Объ этомъ возвращеніи только и говорятъ, только и думаютъ. Протоколы совѣта наглядно рисуютъ намъ, какъ вопросъ о возвращеніи изгнаннаго проповѣдника мало по малу заслонилъ собою всѣ заботы дня.

13 октября въ совѣтѣ рѣшено: «написать письмо г. Кальвину и просить его оказать намъ свое содѣйствіе». Податель письма, другъ реформатора, долженъ посѣтить и другихъ проповѣдниковъ въ Страсбургѣ и просить ихъ дѣйствовать на Кальвина въ томъ-же смыслѣ.

19 октября въ совѣтѣ 200 постановлено: «ради величія и славы Божіей, употреблять всѣ средства, чтобы имѣть Кальвина проповѣдникомъ».

20 октября генеральный совѣтъ постановляетъ: «послать въ Страсбургъ просить maître Іоганна Кальвина, этого ученаго мужа, быть проповѣдникомъ въ этомъ городѣ».

21 октября повелѣно, чтобъ Ами Перренъ отправился, въ сопро-

вожденіи герольда, съ письмомъ къ Кальвину. Рѣшено также просить Страсбургцевъ не противиться отъѣзду реформатора.

22 октября составляется самое письмо къ Кальвину. Отъ имени малаго, большого и генеральнаго совѣта послѣдній въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ приглашается вернуться къ прежней дѣятельности, «такъ какъ народъ этого очень желаетъ и мы будемъ стараться, чтобы Вы были нами довольны».

Кальвинъ въ то время былъ на сеймѣ въ Вормсѣ. Не заставъ его въ Страсбургѣ, женевскіе посланные отправляются за нимъ въ Вормсъ. Кальвинъ отвѣчаетъ на переданное ими письмо въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Онъ охотно исполнилъ бы ихъ желаніе, но онъ связанъ разными обязательствами: изъ Вормса онъ еще долженъ отправиться въ Регенсбургъ, да и отпустятъ ли его Страсбургцы. При этомъ онъ однако не забываетъ ставить свои условія—онъ хочетъ быть не простымъ проповѣдникомъ, а возстановителемъ церкви, требуетъ, чтобы бернскія и страсбургскія власти дали открыто свое согласіе, и во всякомъ случаѣ онъ согласенъ пріѣхать въ Женеву только на время.

Съ тѣхъ поръ между Кальвиномъ и женевцами завязывается оживленная переписка. Послѣдніе согласны на всѣ условія, письма летятъ за письмами, посольства слѣдуютъ за посольствами. Но Кальвинъ то готовъ уже согласиться, то снова отступаетъ въ ужасѣ передъ грозящими ему опасностями. «Вернуться въ Женеву? пишетъ онъ Вире — отчего лучше не идти на крестъ?» — Но и Вире, приглашенный на время въ Женеву изъ сосѣдней Лозанны, и Фарель, и Бусеръ, и многочисленные друзья во всѣхъ евангелическихъ кружкахъ не перестаютъ его уговаривать. Страсбургцы соглашаются его отпустить. Фарель снова стращаетъ его гнѣвомъ Божіимъ, и наконецъ—Кальвинъ уступаетъ.

Женева побѣдила, Женева ликуетъ. Съ тѣхъ поръ, во все продолженіе лѣта 1541 г., совѣтъ поглощенъ заботами о томъ, какъ бы торжественнѣе обставить его возвращеніе. Старательно придумываютъ, чѣмъ бы можно было ему угодить, возстанавляютъ его прежніе законы церковной и гражданской дисциплины; призываютъ назадъ его изгнаннаго друга, Матюрина Кордье. Нѣсколько засѣданій совѣта посвящено лишь вопросу объ отысканіи для него удобной квартиры «съ садомъ». Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ женевцы ждутъ его, «нашего дорогого брата, который намъ безусловно необходимъ, котораго народъ такъ страстно требуетъ». И наконецъ, подъ 13 сентября, мы читаемъ въ протоколахъ: «Maître Іоганнъ Кальвинъ

прибылъ изъ Страсбурга и очень извинялся въ своемъ долгомъ промедленіи».

Возвращеніе изгнаннаго проповѣдника было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Еще раньше, чѣмъ онъ выѣхалъ изъ Страсбурга, навстрѣчу ему былъ высланъ герольдъ; Фарель былъ приглашенъ участвовать въ торжественной встрѣчѣ. Народъ привѣтствовалъ его восторженными криками. Кальвинъ вернулся въ Женеву настоящимъ побѣдителемъ.

Въ тотъ же день рѣшено было перевезти его семейство изъ Страсбурга насчетъ города и просить страсбургцевъ уступить его Женевѣ навсегда. Ему назначили годовое жалованье въ 500 флориновъ (1200 р.), 12 мѣръ пшеницы и 2 ведра вина. Магистратъ поднесъ ему даже сюртукъ, за который уплачено было изъ городскихъ суммъ 8 талеровъ (10 рублей). Заботливость властей о его удобствахъ доходила по временамъ до смѣшного.

VII.

Реформы Кальвина.

Вліяніе Страсбурга на развитіе реформатора.—Кальвинъ осуществляетъ свою программу. — Церковные ордонансы. — Роль проповѣдника.—Конгрегація и консисторія. — Протестантскіе инквизиторы. – Кальвинъ — диктаторъ Женевы.

Три года, проведенныхъ въ Страсбургѣ, имѣли большое вліяніе на характеръ и развитіе реформатора. Въ сущности Кальвинъ всю жизнь оставался такимъ же, какимъ мы его видѣли молодымъ студентомъ въ Парижѣ — это все тотъ же неутомимый труженикъ, равнодушный ко всему, что не имѣло прямого отношенія къ его дѣятельности, аскетъ, презирающій всѣ радости жизни, все тотъ же accusativus, нетерпимый къ слабостямъ другихъ, педантичный, болѣзненный, раздражительный. Но годы тревожной жизни, непрерывной борьбы закалили его, сдѣлали еще недоступнѣе мягкимъ человѣчнымъ чувствамъ. Вся его сухая фигура, нѣсколько надменная аристократическая манера, длинное, блѣдное лицо съ впалыми щеками и тонкими губами, холодный блескъ его черныхъ глазъ—все въ немъ говорило о несокрушимой волѣ, которая не потерпитъ никакого противодѣйствія, внушала въ одно и то-же время и уваженіе, и страхъ. Прежняя робость, неувѣренность въ себѣ давно исчезли. Со времени выхода «Христіанской институціи» религіозныя убѣжденія Кальвина оставались неизмѣнными. Но благодаря пребы-

ванію въ Страсбургѣ, знакомству съ нѣмецкими теологами, его умственный горизонтъ расширился, идеи выиграли въ ясности и систематичности. Теперь передъ нами вполнѣ сформировавшійся реформаторъ и законодатель съ ясной и твердо намѣченной программой дѣйствій, не знающій никакихъ сомнѣній и съ неуклонной энергіей идущій по тому пути, который онъ считаетъ единственно правильнымъ, указаннымъ ему самимъ Богомъ.

Дѣйствительно, если въ душѣ у Кальвина когда нибудь зарождалось сомнѣніе въ правильности его образа дѣйствій, сомнѣніе въ томъ, имѣетъ ли онъ право огнемъ и мечомъ заставлять другихъ вѣрить въ то, во что онъ самъ вѣритъ, то теперь эти сомнѣнія должны были разсѣяться окончательно. Для такого фаталиста, какъ онъ, послѣднія событія должны были служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ его непогрѣшимости. Этотъ самый народъ, который такъ позорно изгналъ его, теперь покорно лежитъ у его ногъ, умоляетъ его вернуться. Развѣ это не перстъ Божій? Вѣдь онъ самъ не добивался этого возвращенія... И самое его первое появленіе въ Женевѣ—вѣдь и тогда онъ былъ лишь орудіемъ высшей воли. Нѣтъ сомнѣнія, — самъ Богъ привелъ его сюда, чтобы провести на дѣлѣ то ученіе, которое онъ его устами возвѣстилъ міру въ «Христіанской институціи». И потому горе тому, кто пойдетъ теперь противъ Кальвина—какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. Онъ уже противникъ не его, а Бога, а такому не можетъ, не должно быть пощады.

*

Впрочемъ, первое время послѣ своего возвращенія Кальвинъ обнаруживалъ необыкновенную умѣренность. Съ великодушіемъ побѣдителя онъ пощадилъ прежнихъ проповѣдниковъ, хотя ему стоило сказать лишь слово, чтобы они были немедленно смѣщены. Всеобщая покорность и подобострастіе, очевидно, тронули его. Въ своей первой публичной проповѣди онъ ни словомъ не напомнилъ о прежнихъ событіяхъ, «противъ ожиданія всѣхъ», какъ онъ самъ разсказываетъ. Но эта кротость и умѣренность въ сущности такъ мало согласовались съ его натурой, что онъ самъ не можетъ надивиться своей сдержанности. Ему кажется, что никто на его мѣстѣ не поступилъ бы такъ, какъ онъ, не пощадилъ бы своихъ противниковъ. «Ты врядъ ли повѣришь этому», пишетъ онъ одному другу, «а все таки это такъ: я такъ дорожу сохраненіемъ мира и согласія, что самъ насилую себя. Я даже словами не мщу своимъ врагамъ. Господь, да поддержитъ меня въ этомъ настроеніи».

Дѣйствительно, Кальвинъ только насиловалъ себя, поступая такимъ образомъ. По его убѣжденію, быть кроткимъ, умѣреннымъ— значило потворствовать злу. Ему надо было только расположить къ себѣ народъ, не вспугнуть его слишкомъ рѣзкимъ переходомъ къ новымъ порядкамъ. Но эти порядки были, по его мнѣнію, необходимы, и онъ, не теряя времени, принимается за дѣло.

Уже въ первомъ засѣданіи совѣта, послѣ извиненій за долгое промедленіе, онъ предложилъ приступить немедленно къ водворенію порядка въ церкви. Въ тотъ же день была назначена коммиссія изъ 6 членовъ совѣта, которые должны были помогать Кальвину въ выработкѣ новаго церковнаго устава. Всѣ они принадлежали къ числу безусловныхъ поклонниковъ реформатора и, понятно, во всемъ соглашались съ нимъ. Благодаря этому, проэктъ устава былъ готовъ уже черезъ нѣсколько недѣль и 28 сентября представленъ совѣту. Надо полагать, что чтеніе проэкта вызвало во многихъ членахъ тревожныя предчувствія будущаго. Нѣкоторые изъ нихъ даже предпочли не явиться на слѣдующее засѣданіе. Имъ было сдѣлано строгое внушеніе, и проэктъ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями, прошелъ; 9 ноября онъ былъ одобренъ и совѣтомъ 200, а 20 ноября, въ окончательной своей редакціи, утвержденъ генеральнымъ собраніемъ гражданъ.

Такимъ образомъ Кальвинъ наконецъ добился того, чего ему не удалось достигнуть въ первое свое пребываніе въ Женевѣ. Изданные «ордонансы» представляли полный церковный кодексъ, составленный въ духѣ «Христіанской институціи». Кальвинъ могъ быть вполнѣ довольнымъ. Уступки, которыя ему пришлось сдѣлать во вниманіе къ «слабости времени», были довольно ничтожны. Въ главномъ и существенномъ всѣ его требованія были удовлетворены, остальное представлялось только дѣломъ времени. И Кальвинъ не бездѣйствовалъ. Цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ мѣръ и постановленій, принятыхъ послѣ болѣе или менѣе сильнаго сопротивленія, онъ далъ Женевѣ то образцовое церковное и гражданское устройство, которое превратило свободную демократическую республику въ теократическое государство, управляемое деспотизмомъ «женевскаго папы», а веселую шумную Женеву—въ мрачный городъ съ суровыми, почти монастырскими нравами.

Разсмотримъ прежде всего его церковную реформу.

Кальвинъ раздѣляетъ людей, призванныхъ къ завѣдыванію церковными дѣлами, на 4 категоріи: проповѣдниковъ, учителей, старѣйшинъ и діаконовъ. Послѣдніе завѣдывали благотворительною

частью. Но первенствующая роль въ церковномъ управленіи принадлежитъ проповѣдникамъ. Это — «слуги божественнаго слова»: они должны «возвѣщать слово Божіе, учить, увѣщевать народъ, раздавать причастіе и вмѣстѣ съ старѣйшинами налагать церковныя наказанія». Всякій кандидатъ на это званіе долженъ подвергнуться предварительно испытанію въ коллегіи проповѣдниковъ. Испытаніе это касается: 1) его правовѣрности, 2) его умѣнія проповѣдывать, 3) безупречности его поведенія. Если результатъ испытанія оказался удовлетворительнымъ, то на него, по апостольскому обычаю, возлагаютъ руки, и онъ считается избраннымъ. Послѣ этого онъ представляется совѣту, который имѣетъ право одобрить выборъ духовенства или отвергнуть его; совѣтъ, въ свою очередь, велитъ возвѣстить объ этомъ выборѣ во всѣхъ церквахъ гражданамъ, которые также могутъ сдѣлать возраженіе, если у нихъ имѣются для этого серьезныя основанія. Но въ сущности все это однѣ формальности. Кальвинъ счелъ бы непростительной дерзостью со стороны міряпъ, еслибъ они стали отвергать того, кто былъ найденъ достойнымъ со стороны всего духовенства. Какъ мы уже говорили, то участіе, которое авторъ «Христіанской институціи» предоставлялъ общинѣ въ церковномъ управленіи, на дѣлѣ сводилось къ простому одобренію.

Принятый такимъ образомъ проповѣдникъ долженъ былъ принести совѣту присягу въ ревностномъ исполненіи своихъ духовныхъ обязанностей и въ соблюденіи гражданскихъ законовъ, «насколько послѣдніе не будутъ противорѣчить его обязанностямъ передъ Богомъ». Послѣ этого онъ считался связаннымъ съ своей общиной тѣснѣйшими узами. Онъ не имѣетъ права уѣзжать безъ разрѣшенія, даже добиваться другого мѣста. Въ свою очередь, ни община, ни власти не могутъ его лишать этого званія безъ достаточно вѣскихъ причинъ, какими считаются только очевидная ересь или преступность поведенія. Какъ слуга и намѣстникъ Бога во ввѣренной ему общинѣ, проповѣдникъ имѣетъ право на уваженіе и довѣріе своихъ прихожанъ. Оскорбившій его навлекаетъ на себя не только гнѣвъ Божій, но и кару гражданскихъ законовъ. Община должна заботиться о приличномъ содержаніи для проповѣдника. Кальвинъ вовсе не требуетъ отъ духовенства евангелической бѣдности. Онъ даже не запрещаетъ духовнымъ заботиться объ умноженіи своего имущества лишь бы это не противорѣчило строгой нравственности. Кальвинъ видѣлъ въ этой матеріальной обезпеченности средство для большей независимости духовнаго сословія и очень часто, и въ проповѣдяхъ, и въ засѣданіяхъ совѣта настаивалъ на возвращеніи духовенству

церковныхъ имуществъ, отнятыхъ у католиковъ. Въ сущности кальвинистское духовенство по степени своего вліянія нисколько не уступаетъ католическому. Оно не должно ограничиваться одной только проповѣдью, но обязано руководить всей религіозно-нравственной жизнью общества,—вліяніе его простирается на всѣ сферы жизни. Увѣщаніями, предостереженіями и наказаніями оно должно содѣйствовать прославленію Бога и воспитанію богобоязненнаго поколѣнія. Снисходительность къ грѣшнику не подобаетъ проповѣднику, ибо онъ не только провозвѣстникъ истины, но и ея защитникъ, онъ — «мститель» за обиды, наносимыя имени Божію. Его проповѣдь не должна отличаться мягкостью, онъ долженъ стараться подражать той «страстности, съ которой Павелъ обрушивался на ложныхъ пророковъ».

Изъ совокупности всѣхъ духовныхъ составляется *конгрегація* или коллегія проповѣдниковъ, задачу которой составляетъ охраненіе чистоты и единства ученія. Она собиралась еженедѣльно, подъ предсѣдательствомъ самого реформатора. Здѣсь обсуждались различные богословскіе вопросы, совѣщались о мѣрахъ для улучшенія нравственности; здѣсь уполномоченные конгрегаціи, отправлявшіеся ежегодно ревизовать дѣятельность проповѣдниковъ, представляли свои отчеты, обвиняемые духовные являлись для объясненій; здѣсь же наконецъ часто обсуждались и подготовлялись многія важныя политическія мѣры, такъ что мало по малу значеніе конгрегаціи даже превысило значеніе совѣта. Душою этихъ собраній былъ конечно реформаторъ, которому принадлежалъ рѣшительный голосъ и который такимъ образомъ являлся фактическимъ главою государства.

Но самое замѣчательное изъ учрежденій Кальвина — *консисторія* или коллегія старѣйшинъ. Это было въ высшей степени своеобразное учрежденіе — въ одно и то же время и свѣтское, и духовное, нѣчто среднее между инквизиторскимъ трибуналомъ и судебной инстанціей, ярко воплотившее въ себѣ теорію Кальвина о тѣсной связи между церковью и государствомъ.

Членами консисторіи состояли всѣ городскіе проповѣдники — числомъ обыкновенно шесть—и 12 мірянъ, которые, нося названіе «старѣйшинъ» (anciens), избирались изъ среды членовъ малаго совѣта, по соглашенію съ проповѣдниками. Они давали присягу въ томъ, что будутъ преслѣдовать богохульство, идолопоклонство, безнравственность, все, что противорѣчитъ ученію реформаціи, и—немедленно докладывать консисторіи о всякомъ преступномъ дѣйствіи.

Такимъ образомъ въ этомъ чисто аристократическомъ учреж-

ленія, состоявшемъ изъ лицъ, въ выборѣ которыхъ народъ совершенно не участвовалъ, сосредоточивалась громадная власть—дѣятельность его была одновременно и контролирующая, и судебная.

«Обязанности старѣйшины», гласятъ ордонансы, «заключаются въ томъ, чтобы надзирать за жизнью каждаго члена общины». Понятно, что на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о правовѣрности гражданъ. Не только открыто высказываемыя мнѣнія, даже самые помыслы подлежатъ контролю старѣйшинъ. Они должны наблюдать, посѣщаетъ ли каждый гражданинъ проповѣдь, является ли аккуратно къ причастію, воспитываетъ ли хорошо дѣтей, ведетъ ли нравственную жизнь и т. д. Чтобы облегчить имъ этотъ контроль, каждый членъ консисторіи имѣетъ право безпрепятственно входить въ домъ гражданина — и не только право, но и обязанность. По крайней мѣрѣ разъ въ годъ члены консисторіи должны обходить всѣ дома въ городѣ, чтобы лично удостовѣриться въ томъ, исполняются ли предписанія церкви. Но и помимо этого открытаго контроля, члены консисторіи постоянно и неусыпно слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ въ ввѣренномъ каждому изъ нихъ городскомъ кварталѣ. Замѣтивъ какое нибудь упущеніе, они должны стараться подѣйствовать на виновныхъ отеческимъ увѣщаніемъ. Если же это средство окажется недѣйствительнымъ или проступокъ слишкомъ значителенъ, то они сообщаютъ объ этомъ въ консисторію, которая тогда обращается въ судебный трибуналъ.

Такимъ образомъ каждый членъ консисторіи совмѣщалъ въ себѣ три различныя функціи. Онъ являлся и обвинителемъ виновнаго, и свидѣтелемъ противъ него, и онъ же, докладывая о его проступкѣ, и наконецъ подавалъ свой голосъ, какъ судья. Въ какой степени подобное соединеніе различныхъ функцій въ однихъ рукахъ могло содѣйствовать интересамъ правосудія и безпристрастію приговоровъ— объ этомъ конечно лишнее говорить. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что члены консисторій получали жалованье изъ штрафныхъ денегъ, и сама консисторія представляла первую и послѣднюю инстанцію (за исключеніемъ брачныхъ дѣлъ, на которыя можно было апеллировать).

Дѣятельность Кальвина не ограничивалась однако реформою церковнаго устройства. Одновременно онъ работаетъ и надъ проэктомъ гражданскихъ реформъ. Безпорядки предыдущей эпохи привели управленіе Женевы въ большое разстройство. Кальвинъ и тутъ вноситъ порядокъ и систему. Уже въ началѣ 1543 г. комиссія, работавшая подъ его руководствомъ, исполнила большую часть своей

програмы: установлены были опредѣленныя рамки для дѣятельности различныхъ государственныхъ органовъ, обязанности должностныхъ лицъ обозначены въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ. Все государственное устройство Женевы получило тотъ аристократическій и въ то-же время строго-религіозный характеръ, который онъ защищалъ въ своемъ капитальномъ трудѣ.

Подверглось коренному преобразованію и устройство судебной части, которую онъ разработалъ до мельчайшихъ подробностей. Не даромъ онъ въ свое время изучалъ право. Кальвинъ вообще вникалъ во все. Ни одна мелочь городского управленія не ускользала отъ его вниманія. На ряду съ самыми важными церковными и гражданскими вопросами, реформаторъ занимается и самыми мелкими деталями городского благоустройства. Онъ пишетъ подробныя инструкціи для смотрителей за постройками, для пожарной команды, даже правила для ночныхъ сторожей и т. д. И на всѣхъ его учрежденіяхъ лежитъ та печать суровой неумолимой законности, педантичнаго порядка, которыя составляютъ основу его личнаго характера.

Но еще важнѣе, чѣмъ всѣ эти постановленія, было то вліяніе, которое реформаторъ оказывалъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ во всѣ сферы общественной жизни. Это вліяніе было неограниченное. De jure въ Женевѣ существовали и независимыя гражданскія власти, въ видѣ различныхъ совѣтовъ, и коллегіи духовныхъ. Фактически же надъ всѣми этими учрежденіями возвышалась властная фигура самого «женевскаго папы». Генеральное собраніе гражданъ созывается все рѣже и рѣже: —по мнѣнію Кальвина, оно представляетъ собою «злоупотребленіе, которое должно быть уничтожено». Совѣтъ 200 также оттѣсняется на задній планъ, всѣ дѣла рѣшаются въ маломъ совѣтѣ, а на это собраніе 25 олигарховъ, состоящихъ почти исключительно изъ его приверженцевъ, Кальвинъ имѣетъ такое же почти неограниченное вліяніе, какъ и на коллегію духовныхъ. И здѣсь, и тамъ, и съ высоты каѳедры, онъ произноситъ свое авторитетное слово, и это слово имѣетъ всегда рѣшающее значеніе. Выслушивалось ли оно покорно или съ слабыми возраженіями, какъ въ первые годы послѣ его возвращенія, или оно вызывало взрывъ неудовольствія и даже возмущенія,— голосъ реформатора продолжалъ раздаваться такъ же рѣшительно и непоколебимо, и въ концѣ концовъ побѣда оставалась на его сторонѣ.

Результаты были поразительные.

VIII.

Женева при Кальвинѣ.

Женева католическая и Женева протестантская. — Законодательство Кальвина. — Процессы «отравителей». — Церковная и гражданская дисциплина. — Женева походитъ на монастырь.

Девизъ католической Женевы гласилъ: Post tenebras spero lucem (послѣ мрака ожидаю свѣта). Приверженцы реформаціи, усматривавшіе въ немъ что-то пророческое, полагали, что теперь, съ упроченіемъ новой религіи, свѣтъ окончательно вытѣснилъ прежній мракъ. Post tenebras lux — таковъ былъ гордый видоизмѣненный девизъ, которымъ Женева Кальвина замѣнила прежній.

Посмотримъ же, каково жилось гражданамъ Женевы подъ лучами этого новаго свѣта.

Мы видѣли уже, какова была внѣшняя физіономія этого города, этотъ оригинальный типъ женевскаго гражданина—трудолюбиваго, аккуратнаго втеченіе одной части дня, т. е. за работой, веселаго, любящаго всякія общественныя увеселенія, игру, танцы и шумныя сборища въ часы досуга. Мы видѣли также, что выше всего женевскій гражданинъ цѣнилъ свою независимость. Когда свобода страны подвергалась опасности, когда герцогъ Савойскій или другой внѣшній врагъ хотѣлъ посягнуть на вольности города или привиллегіи корпорацій, тогда всѣ эти ремесленники и купцы брались за оружіе, чтобы защищать неприкосновенность своихъ правъ. На время забывались всѣ раздоры, всѣ личные счеты—Женева поднималась, какъ одинъ человѣкъ. Когда герцогъ Савойскій объявилъ, что возобновитъ въ городѣ прежнія уничтоженныя имъ ярмарки, главный источникъ его богатства, но съ условіемъ, что будетъ считаться ихъ покровителемъ, Женевцы не поддались на удочку. «Лучше свобода, чѣмъ богатство!» отвѣтили они ему на это заманчивое предложеніе.

Прогнавъ епископа, отрекшись отъ католицизма, они наконецъ достигли полной независимости. Но вмѣстѣ съ свободой явилась анархія. Пришлось снова призвать Кальвина.

Post tenebras—lux! Порядокъ былъ водворенъ. На мѣстѣ прежней неурядицы—стройная государственная и церковная организація; сильная свѣтская власть, еще болѣе могущественная церковь, и та, и другая служащія одной цѣли—сохраненію чистоты ученія и воспитанію гражданъ въ духѣ этого ученія. Реформаторъ выполнилъ свою задачу бле-

стящимъ образомъ. Но въ этой новой преобразованной Женевѣ никто конечно не узналъ бы прежняго свободнаго, оживленнаго города.

Передъ нами точно Флоренція въ періодъ господства въ ней Савонаролы, Венеція съ ея Совѣтомъ Десяти, «мостомъ вздоховъ», тайными доносами и казнями, передъ нами какое-то новое теократически-олигархическое государство съ драконовскими законами, гдѣ гражданинъ, накапунѣ еще проливавшій свою кровь въ защиту своихъ правъ, имѣетъ только одну свободу, одно право—молиться и работать.

Одинъ изъ восторженныхъ почитателей Кальвина, Генри, вынужденъ замѣтить, что законы, данные имъ Женевѣ, «были писаны кровью и огнемъ». И конечно это далеко не преувеличено.

Подобно тому, какъ въ проповѣдникѣ Кальвинъ видѣлъ «мстителя» за нарушеніе слова Божія, такъ и въ носителяхъ свѣтской власти онъ видѣлъ главнымъ образомъ карателей человѣческихъ проступковъ. Человѣкъ по природѣ склоненъ къ злу и возмущенію, поэтому надъ нимъ должна всегда тяготѣть сдерживающая узда. Власть, истинно угодная Богу, непремѣнно строга—ей должно быть чуждо сострадание, милосердіе и другія человѣческія слабости. По мнѣнію Кальвина, осужденіе невиннаго гораздо меньшее зло, чѣмъ безнаказанность виновнаго. Совершенно ошибочно представленіе, будто свѣтская власть должна карать лишь преступленія противъ гражданъ—убійство, воровство или другія посягательства на права ихъ,—и оставлять безнаказанными безнравственность, пьянство и оскорбленія имени Божія.

При такихъ теоріяхъ система наказаній конечно не могла отличаться мягкостью. Смертная казнь опредѣляется за преступленія самаго различнаго свойства, совершенно въ духѣ Ветхаго Завѣта. Смерть богохульнику, смерть тому, кто захочетъ подорвать существующій строй государства, смерть сыну, который проклянетъ или ударитъ отца, смерть нарушителямъ супружеской вѣрности, смерть еретикамъ — вотъ статьи, которыми усѣяны ордонансы Кальвина.

Проповѣдь Кальвина не упала на безплодную почву. Врядъ-ли можно найти, даже въ тѣ времена, другое государство, гдѣ бы при такомъ небольшомъ населеніи и въ такой промежутокъ времени совершено было такъ много казней: 58 смертныхъ приговоровъ и 76 декретовъ объ изгнаніи въ такое сравнительно мирное время, какимъ былъ первый періодъ его дѣятельности въ Женевѣ (1542—1546 г.г.), лучше всего показываютъ, какъ охотно женевскія власти пользовались своимъ правомъ. Но еще ужаснѣе была та жестокость, которою отличалось само судопроизводство. Пытка была необходимою принадлежностью всякаго допроса—обвиняемаго пытали

до тѣхъ поръ, пока онъ не признавался въ взводимомъ на него, подчасъ совершенно мнимомъ преступленіи. Дѣтей заставляли свидѣтельствовать противъ родителей. Иногда простого подозрѣнія достаточно было не только для арестованія, но и для осужденія: въ числѣ этихъ 76 чел., осужденныхъ на изгнаніе, 27 были осуждены только по одному подозрѣнію. Человѣческая жизнь точно потеряла всякую цѣну въ Женевѣ. Особенно ужасно было обращеніе съ мнимыми распространителями чумы. Въ эту эпоху чума свирѣпствовала въ Европѣ и нѣсколько разъ посѣтила и Женеву. Какъ и всегда, распространеніе ея приписывалось невѣжествомъ проискамъ злонамѣренныхъ людей, отравителей, но нигдѣ эти слухи не имѣли такихъ ужасныхъ послѣдствій, какъ въ Женевѣ. Достаточно было одного подозрѣнія, чтобы подвергнуть такого мнимаго отравителя строжайшему допросу со всѣми его аттрибутами. Въ началѣ 1545 г. число этихъ несчастныхъ, обвиняемыхъ въ «колдовствѣ, въ союзѣ съ дьяволомъ, въ распространеніи заразы» такъ возрасло, что всѣ темницы были ими переполнены и тюремный смотритель докладывалъ совѣту, что не можетъ больше принимать арестантовъ. Обращеніе съ ними было истинно варварское. Прежніе пріемы пытки казались слишкомъ слабыми, и власти обнаруживали въ этомъ отношеніи чисто адскую изобрѣтательность. Часто несчастные умирали подъ пыткою, продолжая утверждать свою невинность; другіе въ отчаяніи сами лишали себя жизни «по внушенію сатаны», какъ гласятъ протоколы. Въ промежутокъ времени отъ 17 февраля до 15 мая 1545 г. такихъ «отравителей» погибло 34, отъ самыхъ возмутительныхъ способовъ казни.

Самъ Кальвинъ счелъ наконецъ нужнымъ протестовать противъ чрезмѣрныхъ жестокостей: онъ потребовалъ, чтобы палачи скорѣе и осторожнѣе совершали казнь. Но въ общемъ онъ былъ совершенно доволенъ этой строгостью властей и даже не считалъ ниже своего достоинства самому доносить о вредныхъ лицахъ.

Консисторія также не бездѣйствовала. Правда, она сама могла налагать лишь церковныя наказанія, но имѣла право передавать виновныхъ гражданскимъ властямъ, такъ что это ограниченіе было въ сущности лишь кажущееся. Эта протестантская инквизиція проникала рѣшительно всюду. Богатые и бѣдные, мужчины и женщины должны были по первому требованію предстать передъ грознымъ трибуналомъ и за малѣйшее, нечаянно сорвавшееся, вольное слово, за улыбку некстати во время проповѣди, за слишкомъ нарядный костюмъ, за завитые волосы выслушивали гнѣвные выговоры,

выставлялись у позорнаго столба, подвергались церковному отлученію, штрафамъ, тюремному заключенію. Всякое оскорбленіе божественнаго имени считалось преступленіемъ, наказуемымъ гражданскими властями, а подъ эту категорію можно было подвести все, что угодно—и найденный при обыскѣ какой нибудь атрибутъ прежняго католическаго культа, вродѣ крестика, образка и т. п., и непристойную божбу, и неуважительное отношеніе къ проповѣднику, и насмѣшку надъ французскимъ эмигрантомъ, въ которомъ Кальвинъ видѣлъ святого мученика за Евангеліе.

Результаты этой системы, какъ мы сказали, были поразительные. И городъ, и граждане точно преобразились. Шумная жизнь богатаго города съ живымъ подвижнымъ населеніемъ притихла и замѣнилась мрачной серьезностью. Подъ бдительнымъ окомъ консисторскихъ цензоровъ, подъ вѣчной угрозой «ордонансовъ», жизнь женевцевъ приняла характеръ строгой религіозности, порядка и дисциплины, какихъ мы не встрѣчаемъ ни въ одной церкви. Посѣщеніе проповѣди было важнѣйшей обязанностью гражданина. Послѣдній не имѣлъ даже свободы выбора церкви, такъ какъ для облегченія контроля ему предписывалось всегда посѣщать лишь свою приходскую церковь. Заболѣвшій обязанъ былъ втеченіе первыхъ трехъ сутокъ болѣзни пригласить къ себѣ духовнаго. Купецъ въ своей лавкѣ, ремесленникъ въ мастерской, торговка на рынкѣ, заключенный въ темницѣ—всѣ они находились подъ контролемъ старѣйшинъ, для всѣхъ существовали обязательныя правила. Всякое неприличное выраженіе, ругательство, подслушанное однимъ изъ многочисленныхъ шпіоновъ, (бдительность старѣйшинъ скоро оказалась недостаточной) немедленно доносилось въ консисторію и вызывало соотвѣтствующія наказанія. Извозчикъ, въ сердцахъ обругавшій свою упрямую лошадь, подвергался тюремному заключенію.

Страсть къ роскоши, которою отличались богатые женевцы, также исчезла. Реформаторъ не ограничивался одними требованіями скромной умѣренной жизни. Онъ вносилъ свою регламентацію въ малѣйшія детали быта, опредѣляя цвѣтъ и фасонъ костюмовъ, доброту матеріи, предписывая законы насчетъ женской прически, устанавливая даже maximum блюдъ на пирахъ. Въ регистрахъ города можно прочитать иногда вещи положительно анекдотическаго характера. Три кожевника, читаемъ мы, присуждаются къ трехдневному заключенію на хлѣбъ и на воду «за распутство»: они съѣли за завтракомъ 3 дюжины пирожковъ!

Исчезли и національныя увеселенія Женевы, ея театраль-

ныя представленія, народные праздники съ стрѣльбой въ цѣль; запрещены были всякія игры, танцы, музыка, распѣваніе свѣтскихъ пѣсенъ, шумныя празднованія свадебъ и т. п. Кальвинъ уничтожилъ также трактирныя заведенія. Вмѣсто нихъ были устроены такъ называемыя аббатства или духовные казино, по одному въ каждомъ изъ 5 городскихъ кварталовъ. Въ этихъ-то аббатствахъ женевскіе граждане, не съумѣвшіе побороть въ себѣ потребность общенія, могли проводить свои досуги подъ свѣтскимъ и духовнымъ надзоромъ. Хозяинъ заведенія былъ правительственнымъ чиновникомъ. Онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы гости не садились за столъ, не совершивъ предварительно молитвы, чтобы они не божились, не вели себя неприлично, не вступали въ безполезныя пренія, и о каждомъ нарушеніи этихъ правилъ доносить властямъ.

Той же желѣзной дисциплинѣ, хотя и съ большими трудностями, было подчинено и сельское населеніе.

Такъ постепенно реформаторъ осуществилъ тотъ идеалъ общины вѣрующихъ, который носился передъ нимъ въ то время, когда 26 лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ онъ писалъ свою «Христіанскую Институцію». Женева стала настоящей духовной монархіей. Даже совѣтъ, открывавшійся молитвой и благочестивою проповѣдью, болѣе походилъ на церковное, чѣмъ на государственное собраніе. Кальвинъ былъ полнѣйшимъ спиритуалистомъ: нечувствительный къ красотамъ природы, къ поэзіи и искусству, онъ смотрѣлъ на землю, какъ на юдоль плача и скорби, на земную жизнь—какъ на подготовительную ступень къ жизни загробной, и этотъ духъ аскетизма онъ привилъ и женевцамъ. Неутомимый въ работѣ, реформаторъ требовалъ того же отъ другихъ. Никто не имѣлъ права бездѣйствовать, нищихъ въ городѣ не полагалось. Хотя Кальвинъ и заботился о нуждахъ населенія и во время дороговизны отыскивалъ для него новые источники заработковъ, старался поднять упавшія въ предыдущіе годы отрасли производства, но въ сущности онъ былъ противъ излишняго благосостоянія и даже разъ выразился, что «народъ надо держать въ бѣдности, иначе онъ перестанетъ быть покорнымъ». Свѣтскихъ наукъ онъ не признавалъ, но знаніе катехизиса считалъ необходимымъ и посѣщеніе школы сдѣлалъ съ этою цѣлью обязательнымъ.

Женева дѣйствительно утратила свое прежнее торговое и промышленное значеніе, но за то, по выраженію французскаго историка Мишлэ, она сдѣлалась «городомъ духа, основаннымъ стоицизмомъ на скалѣ предопредѣленія».

IX.

Борьба съ оппозиціей.

Причины успѣха реформатора.—Роль эмигрантовъ.—Начало оппозиціи.—Чума въ Женевѣ и поведеніе духовенства. — Борьба съ либертинами. — Что такое либертины? — Процессы Амо, Фавра, Перрена и Грюэ.—Бертелье и окончательное пораженіе либертиновъ.—Оппозиція въ духовенствѣ.—Михаилъ Серветъ, его ученіе и мученическая смерть.—Роль Кальвина въ процессѣ.

Что-же однако способствовало успѣхамъ реформатора? Какимъ образомъ граждане Женевы, такъ ревниво оберегавшіе свои права, соглашались терпѣть у себя этого чужеземнаго диктатора, который, во имя проповѣдуемаго имъ ученія, вырвалъ изъ ихъ рукъ власть, передавъ ее небольшой кучкѣ олигарховъ, въ лицѣ членовъ малаго совѣта и консисторіи? Какъ могъ этотъ веселый жизнерадостный народъ подчиниться такой суровой дисциплинѣ, такому почти монастырскому режиму?

Вотъ вопросы, которые невольно приходятъ въ голову, когда приглядываешься къ этой новой реформированной Женевѣ.

Отвѣтъ отчасти заключается въ самомъ характерѣ учрежденій Кальвина. Съ необыкновеннымъ тактомъ реформаторъ такъ искусно связалъ между собой церковь и государство, что женевскіе правители, гордые своимъ мнимымъ главенствомъ надъ церковью, которое предоставлялось имъ въ видѣ права охранять неприкосновенность и чистоту ученія, вмѣшиваться, въ лицѣ старѣйшинъ, въ церковныя дѣла, въ частную жизнь общины, и дорожа этими мнимыми прерогативами, не замѣчали того, что въ сущности они сдѣлались только слугами церкви. Охраняя себя и дарованную ему новымъ порядкомъ вещей власть, совѣтъ этимъ самымъ охранялъ и все зданіе Кальвина.

Другая причина устойчивости этого зданія заключалась въ особенномъ характерѣ женевской реформаціи. Какъ мы уже видѣли, успѣхи ея обусловливались главнымъ образомъ политическими соображеніями. Реформація послужила средствомъ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго ига Савойи и епископа. Благодаря этому, постепенно окрѣпло убѣжденіе, что одно немыслимо безъ другого, а реформація, какъ показали событія, была въ свою очередь немыслима безъ Кальвина.

Но всѣхъ этихъ причинъ, можетъ быть, не было бы доста

точно, чтобы обезпечить успѣхи реформатора, если бы послѣдній не могъ опереться на другую внѣшнюю силу, если бы онъ не имѣлъ за себя партіи, которая готова была бы поддерживать его противъ неизбѣжной оппозиціи. Эту опору онъ нашелъ во французскихъ эмигрантахъ.

Со времени усиленія религіозныхъ преслѣдованій во Франціи, число эмигрантовъ, пользовавшихся гостепріимствомъ Женевы, все возрастало. Кальвинъ самъ приглашалъ въ Женеву всѣхъ гонимыхъ протестантовъ, оказывалъ имъ всяческое покровительство и раздавалъ имъ право гражданства. Въ 1555 г. въ одинъ день совѣтъ принялъ въ число женевскихъ гражданъ 300 человѣкъ—«для защиты правительства», говорится въ протоколѣ. Вотъ эти-то эмигранты, между которыми, на ряду съ людьми дѣйствительно достойными, горячо преданными новому ученію, будущими мучениками за него, попадались часто и люди съ очень двумысленнымъ прошлымъ,—весь этотъ пришлый элементъ, видѣвшій своего духовнаго главу только въ Кальвинѣ, и доставлялъ ему ту опору, которая поддержала его въ наступившей скоро борьбѣ. Изъ среды этихъ новыхъ гражданъ избирались члены совѣта, стоявшіе горой за Кальвина: они же доставляли ему большинство голосовъ на общихъ собраніяхъ: изъ нихъ наконецъ набиралась и та толпа тайныхъ и явныхъ шпіоновъ, которые, подъ почетнымъ названіемъ «gardiens de ville» и вовсе безъ названій, поддерживали дѣятельность консисторіи и за извѣстное вознагражденіе изъ штрафныхъ денегъ доносили о всѣхъ проступкахъ, ускользавшихъ отъ бдительнаго ока консисторскихъ инквизиторовъ.

Прибавьте ко всему этому вліяніе самой личности реформатора, эту желѣзную волю, не знающую преградъ, эту глубокую увѣренность въ правотѣ своего дѣла, которая всегда производитъ неотразимое дѣйствіе на слабые, колеблющіеся умы — и тогда этотъ безпримѣрный фактъ полнаго перерожденія цѣлой общины подъ вліяніемъ одного человѣка, оставаясь не менѣе поразительнымъ, станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ.

Тѣмъ не менѣе побѣда досталась реформатору не легко. За первымъ, сравнительно мирнымъ періодомъ его дѣятельности послѣдовалъ новый періодъ ожесточенной борьбы съ постепенно наростававшимъ народнымъ неудовольствіемъ. Этотъ второй періодъ его дѣятельности, продолжавшійся девять лѣтъ (1546—1555), ознаменованъ главнымъ образомъ борьбой съ *либертинами*.

Не одна впрочемъ суровость новыхъ порядковъ была причиною

охлажденія, смѣнившаго первоначальный энтузіазмъ женевцевъ къ своему вернувшемуся проповѣднику. Много содѣйствовало этому и недостойное поведеніе самого духовенства.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ людей, предъявлявшихъ къ другимъ такія высокія требованія, естественно было ожидать, что они сами будутъ служить живымъ примѣромъ и образцомъ проповѣдуемыхъ ими добродѣтелей. На дѣлѣ же оказывалось совсѣмъ не то. За исключеніемъ Кальвина, который, будучи строгимъ къ другимъ, былъ по крайней мѣрѣ строгъ и къ себѣ, остальные проповѣдники, ежедневно громившіе въ проповѣдяхъ пороки своей паствы, вели себя далеко не безукоризненно. Хотя Кальвинъ и старался, во избѣжаніе соблазна, прикрывать недостатки своихъ товарищей, заступаясь за нихъ противъ ихъ обвинителей, но въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ не разъ выражалъ свое негодованіе по поводу ихъ недостойнаго образа жизни. Впродолженіи первыхъ пяти лѣтъ цѣлый рядъ духовныхъ подвергся наказаніямъ; нѣкоторыхъ даже пришлось изгнать, но и заступавшіе ихъ мѣсто рѣдко оказывались на высотѣ своего призванія. Особенно же должно было повредить духовенству въ общественномъ мнѣніи его поведеніе во время чумы 1543 г.

Новымъ проповѣдникамъ представлялся удобный случай доказать свою любовь и преданность своей духовной паствѣ, о спасеніи которой они такъ ревностно заботились. А между тѣмъ въ то время, какъ міряне часто брали на себя уходъ за больными, духовенство трусливо уклонялось отъ своихъ прямыхъ обязанностей. Еще осенью 1542 г., при первомъ появленіи чумы, совѣту съ трудомъ удалось найти одного проповѣдника, который согласился принять на себя службу въ чумномъ госпиталѣ. Это былъ нѣкій Бланшэ. Самъ Кальвинъ пишетъ по этому поводу Вирэ: «Если съ Бланшэ случится несчастіе, то *боюсь*, мнѣ самому придется принять на себя это опасное дѣло». Опасность миновала, и Бланшэ остался невредимъ. Но весною 1543 г. эпидемія начинаетъ свирѣпствовать еще съ большею силою. Снова возбуждается вопросъ о назначеніи въ госпиталь проповѣдника и снова только одинъ Бланшэ принимаетъ этотъ опасный постъ. Но Бланшэ скоро дѣлается жертвою заразы и несчастные больные остаются безъ всякаго духовнаго утѣшенія. Многіе изъ проповѣдниковъ объявляютъ, что они «лучше отправятся на висѣлицу или къ дьяволу, чѣмъ въ этотъ зачумленный госпиталь». Совѣтъ посвящаетъ этому вопросу засѣданіе за засѣданіемъ и настойчиво требуетъ, чтобы духовные наконецъ выбрали кого нибудь изъ своей среды, «за исключеніемъ г. Кальвина, который не-

обходимъ церкви и въ совѣтахъ котораго всѣ нуждаются». Коллегія духовныхъ отнѣкивается и предлагаетъ на это мѣсто одного пріѣзжаго француза; совѣтъ не соглашается и тогда—5 іюня 1543 г.— женевцы, которымъ, подъ страхомъ всевозможныхъ наказаній, силятся навязать безусловную святость жизни, становятся свидѣтелями слѣдующей сцены.

Процессія изъ всѣхъ проповѣдниковъ, съ Кальвиномъ во главѣ, направляется въ залу засѣданій совѣта и здѣсь открыто заявляетъ, что «хотя обязанность ихъ заключается въ томъ, чтобы служить церкви и въ хорошіе, и въ дурные дни, но такъ какъ Богъ не даровалъ имъ достаточно мужества, то они отказываются пойти въ госпиталь и просятъ извинить ихъ». Совѣтъ постановляетъ: «молиться Богу о ниспосланіи имъ впредь больше мужества», и въ ожиданіи принимаетъ услуги предложеннаго раньше француза.

Нельзя конечно отнести и къ Кальвину то унизительное малодушіе, которое выказало все женевское духовенство. Самъ совѣтъ полагалъ, что онъ долженъ сберегать себя для блага всей церкви, но несомнѣнно и то, что особеннаго мужества, настоящей дѣятельной любви къ страждущимъ онъ не выказалъ въ этомъ вопросѣ. Какъ бы то ни было, контрастъ между тѣмъ, чему учили проповѣдники, и ихъ собственнымъ поведеніемъ былъ слишкомъ великъ и не могъ не поколебать ихъ авторитета въ глазахъ народа.

Кромѣ эпидеміи, Женева подвергалась въ это время и другимъ бѣдствіямъ. Неурожай и голодъ увеличивали число жертвъ; въ 1545 г. начались ужасные процессы противъ «отравителей и колдуновъ». Городскіе финансы находились въ самомъ плачевномъ состояніи. А въ это время Кальвинъ, для котораго дѣло евангелической пропаганды стояло на первомъ планѣ, занималъ членовъ совѣта изображеніемъ страданій своихъ преслѣдуемыхъ соотечественниковъ, посылалъ имъ значительныя субсидіи и вмѣстѣ съ Фарелемъ, въ сопровожденіи герольда, предпринималъ на городскія средства поѣздки въ Мецъ или въ сосѣдніе кантоны, чтобы побудить ихъ къ дипломатическому заступничеству за гонимыхъ.

Все это въ значительной степени должно было содѣйствовать охлажденію женевскаго населенія. Небольшое вначалѣ число противниковъ Кальвина, считавшихъ нужнымъ скрывать свои настоящія чувства въ виду всеобщаго энтузіазма, постепенно начинаетъ возрастать. Оппозиція становится смѣлѣе, ропотъ народа «на духовенство и французовъ»—все громче. Кальвинъ ясно видитъ надвигающуюся опасность. Но еще менѣе, чѣмъ въ первый разъ, онъ го

товъ пойти на какія нибудь уступки. Начинается долгая ожесточенная борьба съ оппозиціей, которую онъ окрестилъ названіемъ «либертинизма».

Что такое представляютъ собою эти либертины?

Если вѣрить Кальвину, который еще въ 1544 г. написалъ сочиненіе «противъ фантастической и яростной секты, именующей себя «духовными либертинами»,—это были люди, стремившіеся соединить идеи пантеизма съ самымъ грубымъ матеріализмомъ. По ихъ ученію, существуетъ лишь единая Божественная субстанція, которая проявляется во всѣхъ твореніяхъ, и такимъ образомъ все, что создано, происходитъ отъ божества и есть само божество. Богъ есть все—и матерія, и духъ—поэтому все божественно: нѣтъ ни ангеловъ, ни дьяволовъ, нѣтъ ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи. Евангеліе божественно, но на такомъ же основаніи, какъ и всякая другая доктрина. Всѣ земныя блага должны быть общею собственностью, потому что все существующее принадлежитъ мнѣ, составляющему часть этого общаго мірового тѣла, въ такой же степени, какъ и той части его, которую я считаю отдѣльнымъ отъ меня существомъ.

Очевидно, эта была одна изъ разновидностей тѣхъ многочисленныхъ сектъ, которыя расплодились въ эпоху реформаціи въ Германіи, Швейцаріи и Нидерландахъ и извѣстны были подъ различными названіями—анабаптистовъ, баптистовъ, антитринитаріевъ и др. У нѣкоторыхъ изъ сектантовъ эти теоріи соединялись съ самой разнузданною безнравственностью, другіе, напротивъ, проповѣдывали аскетическій образъ жизни. Приблизительно въ то-же время эти не только еретическія, но и антихристіанскія идеи получили стройную систематизацію въ ученіи Михаила Сервета.

Но, спрашивается, дѣйствительно ли принадлежали всѣ противники Кальвина, какъ онъ старается насъ увѣрить, къ этой религіозной сектѣ, дѣйствительно ли они были всѣ «духовными либертинами»?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, надо было бы не только безусловно довѣрять свидѣтельству Кальвина, который—совершенно искренно—клеймилъ безнравственностью малѣйшее отступленіе отъ установленной имъ дисциплины, а въ людяхъ, не согласныхъ съ его ученіемъ, видѣлъ представителей самыхъ отвратительныхъ ересей, надо было бы, кромѣ того, совершенно упустить изъ виду, что, помимо всякихъ религіозныхъ убѣжденій, женевцы имѣли достаточно основаній тяготиться игомъ французскаго проповѣдника и вздыхать по своему прежнему демократическому устройству.

Было впрочемъ одно обстоятельство, которое отчасти объясняетъ это огульное обвиненіе оппозиціонной партіи въ приверженности вреднымъ теоріямъ сектантскаго пантеизма. Дѣло въ томъ, что большинство противниковъ Кальвина состояло изъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ лучшимъ женевскимъ фамиліямъ. Веселые, легкомысленные, любящіе удовольствія, они не хотѣли подчиниться его строгой дисциплинѣ и, несмотря ни на какіе штрафы и наказанія, продолжали собираться въ трактирахъ, предаваясь иногда буйному разгулу. Кальвинъ въ своемъ раздраженіи дошелъ разъ до того, что потребовалъ казни 700—800 непокорныхъ юношей. Понятно, что эти люди ненавидѣли всею душою французскаго проповѣдника, отнимавшаго у нихъ свободу. Они осыпали его насмѣшками, устраивали ему враждебныя демонстраціи, давали его имя своимъ собакамъ и т. д. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ и сочувствовали запрещеннымъ идеямъ, отыскивая въ нихъ философское оправданіе для своей легкомысленной жизни; но главнымъ лозунгомъ либертиновъ, насколько можно судить по ихъ процессамъ, была свобода—свобода политическая и религіозная.

Какъ бы то нибыло, эти либертины—политическіе или духовные—стремились свергнуть Кальвина, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его порядки, уничтожить плоды его реформаторской дѣятельности. Въ матерьялѣ для борьбы не оказывалось недостатка. И борьба началась.

5 апр. 1546 г. вся Женева съ негодованіемъ была свидѣтельницей слѣдующей сцены. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ граждавъ города, Пьерръ Амо, въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами, съ опущеннымъ факеломъ въ рукѣ, обходилъ подъ конвоемъ весь городъ, останавливаясь на главныхъ площадяхъ, чтобы громко, на колѣняхъ просить прощенія въ своихъ грѣхахъ. Вся вина Амо заключалась въ томъ, что, ненавидя Кальвина за осужденіе своей жены, онъ разъ за веселымъ ужиномъ, въ присутствіи гостей, далъ волю своему гнѣву: Кальвинъ, говорилъ онъ, все тотъ же епископъ, только еще хуже прежнихъ; ученіе его ложно, это злой пикардіецъ, тиранъ и т. д. Шпіоны донесли объ этомъ консисторіи, та передала Амо гражданскимъ властямъ, какъ богохульника, а совѣтъ присудилъ его къ весьма значительному штрафу и къ публичному покаянію въ залѣ совѣта. Но Кальвину этого показалось мало. Въ сопровожденіи всѣхъ проповѣдниковъ и старѣйшинъ онъ явился въ совѣтъ и потребовалъ болѣе строгаго наказанія. Совѣтъ отмѣнилъ прежній приговоръ и постановилъ новый.

Вѣсть объ этомъ осужденіи вызвала въ Женевѣ сильное волне-

ніе. На улицахъ, особенно въ предмѣстьи, стали собираться толпы народа, громко осуждавшія самоуправство проповѣдника; раздавались даже крики: «долой Кальвина, долой эмигрантовъ!

Но Кальвинъ не далъ разростись волненію. Онъ пригрозилъ совѣту оставить городъ, и совѣтъ, испуганный перспективой потерять свою опору, велитъ на площади предмѣстья поставить висѣлицу. Эта нѣмая угроза производитъ свое дѣйствіе. Народъ расходится по домамъ, и приговоръ надъ Амо приводится въ исполненіе.

Въ числѣ самыхъ горячихъ женевскихъ патріотовъ, участвовавшихъ въ борьбѣ за независимость, были Франсуа Фавръ и мужъ его дочери, Ами Перренъ, занимавшій должность главнаго начальника (capitaine général) женевскихъ войскъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые наиболѣе содѣйствовали вторичному приглашенію Кальвина. Но скоро ему пришлось горько раскаиваться въ этомъ.

Въ одно прекрасное утро передъ консисторіей предстала цѣлая толпа «либертиновъ». Это были приглашенные на свадьбу, осмѣлившіеся накануне танцовать, несмотря на запрещеніе. Въ числѣ ихъ была жена Перрена и старикъ Фавръ. Всѣ они подверглись тюремному заключенію на нѣсколько дней, а Фавръ былъ наказанъ еще строже. Его обвиняли въ томъ, что онъ отзывался непочтительно о Кальвинѣ и объ эмигрантахъ, говорилъ, что Женева порабощена, а когда его вели въ тюрьму, не переставалъ кричать: «свобода, свобода! я далъ бы тысячу талеровъ, чтобы добиться генеральнаго собранія».

Фавръ просидѣлъ въ тюрьмѣ болѣе 3 недѣль, и былъ выпущенъ только благодаря заступничеству Берна, помнившаго его услуги городу. Но скоро и онъ и дочь его снова навлекаютъ на себя обвиненіе въ безнравственномъ поведеніи и осуждаются на изгнаніе. Перрена въ это время не было въ городѣ. Узнавъ объ осужденіи жены и тестя, Перренъ приходитъ въ ярость. Онъ врывается въ залу совѣта и въ гнѣвныхъ выраженіяхъ, пересыпая рѣчь угрозами, упрекаетъ членовъ въ черной неблагодарности по отношенію къ людямъ, оказавшимъ столько услугъ отечеству. Его конечно арестуютъ, затѣваютъ цѣлый процессъ и въ концѣ концовъ за тираническія замашки лишаютъ званія «генеральнаго капитана».

Но у Перрена было много друзей. Народъ также любилъ храбраго, великодушнаго капитана, и вѣсть о его заключеніи была встрѣчена ропотомъ негодованія. Въ совѣтѣ двухсотъ большинство также склонялось на сторону Перрена: 16 декабря засѣданіе совѣта было особенно бурное. Громадныя толпы народа стояли на улицѣ, въ ожи-

данія приговора; раздавались громкіе возгласы и угрозы противъ Кальвина. Послѣдній узнаетъ объ этомъ и немедленно отправляется на мѣсто дѣйствія. При видѣ его крики усиливаются, кое-гдѣ даже обнажается оружіе. Но Кальвинъ не теряетъ присутствія духа. Спокойно, рѣшительно онъ вступаетъ въ средину бушующей толпы. «Я знаю, восклицаетъ онъ, что вся эта борьба ведется изъ-за меня. Что же, если вамъ нужна кровь, пролейте мою; если хотятъ меня изгнать, то пусть изгоняютъ. Но попробуйте спасти Женеву безъ Евангелія!» И затѣмъ, воспользовавшись произведеннымъ впечатлѣніемъ, онъ обращается къ народу съ такою пламенною рѣчью, что прежнее грозное настроеніе смѣняется общимъ энтузіазмомъ, толпа расходится по домамъ, и Кальвинъ снова остается побѣдителемъ.

Около этого же времени происходилъ другой извѣстный процессъ, гдѣ дѣйствительно можно найти слѣды того «духовнаго либертинизма», въ которомъ Кальвинъ обвинялъ всѣхъ своихъ противниковъ.

27 іюня 1547 г., въ тотъ день, когда Фавръ и Перренъ были отведены въ тюрьму, въ соборѣ св. Петра найдена была прокламація, написанная на простонародномъ нарѣчіи и заключавшая въ себѣ угрозы противъ проповѣдниковъ. Подозрѣніе пало на нѣкоего Грюэ. При обыскѣ, сдѣланномъ у него, никакихъ слѣдовъ его авторства не оказалось, но за то у него найдены были другія компрометирующія бумаги—черновыя замѣтки, написанныя рукою Грюэ. Въ нихъ говорилось, напр., что безсмертіе души басня, осмѣивалось Св. Писаніе, Кальвинъ названъ комедіантомъ, который хочетъ занять мѣсто папы: кромѣ того найденъ былъ набросокъ воззванія къ народу, гдѣ авторъ утверждаетъ, что законъ долженъ наказывать только преступленія противъ государства и правъ гражданъ, найденъ былъ также набросокъ письма къ Савойскому герцогу. Этого было достаточно. «Я не думаю, писалъ объ этомъ Кальвинъ, чтобы Грюэ самъ выдумалъ эти ужасы; по всей вѣроятности, онъ списалъ ихъ. Но онъ писалъ это и будетъ осужденъ». Втеченіе мѣсяца несчастнаго Грюэ подвергали ежедневно самымъ варварскимъ пыткамъ, чтобы вывѣдать отъ него, кто были его сообщники, и наконецъ, ничего не добившись, «принимая во вниманіе, что посягающій на существующій порядокъ не только словомъ, но и помыслами заслуживаетъ смерти», присудили его только за одни черновые наброски никогда не опубликованныхъ идей къ смертной казни. И 26 іюля 1547 г. истерзанный, полумертвый отъ пытокъ Грюэ взошелъ на эшафотъ.

Въ такомъ родѣ были и нѣкоторые другіе процессы. Борьба продолжалась, то ослабѣвая, то разгораясь, но борьба, такъ сказать, чисто партизанская. Либертины, въ сущности, не предпринимали ничего рѣшительнаго. Они только дразнили Кальвина, выводили его изъ себя своимъ презрѣніемъ къ его нововведеніямъ, осыпали его насмѣшками. Кальвинъ усиливалъ свои строгости, штрафовалъ, отлучалъ ихъ; нѣкоторые, наиболѣе дерзкіе, платились еще больше. Но оппозиція отъ этого нисколько не ослабѣвала. Одно время (1552—1554) даже казалось, что побѣда готова перейти на сторону либертиновъ. Перрену удалось быть выбраннымъ въ синдики, въ совѣтъ также попало нѣсколько членовъ оппозиціи, и либертины, во главѣ которыхъ стоялъ молодой Бертелье, сынъ знаменитаго женевскаго патріота, рѣшились дѣйствовать энергично. Они потребовали, чтобы совѣтъ пересталъ раздавать право гражданства французскимъ эмигрантамъ, которые, какъ извѣстно, были главной опорой Кальвина, и Перрену дѣйствительно удалось добиться противъ нихъ нѣкоторыхъ ограничительныхъ мѣръ; другое, еще болѣе важное, требованіе либертиновъ заключалось въ томъ, что право церковнаго отлученія должно быть отнято у консисторіи и передано совѣту. Положеніе становилось критическимъ. Предложеніе либертиновъ было заманчиво, и совѣтъ обнаруживалъ сильное расположеніе присвоить себѣ право отлученія. Кальвину снова пришлось прибѣгнуть къ своей обычной угрозѣ. На этотъ разъ не только онъ, но и всѣ проповѣдники объявили о своемъ намѣреніи покинуть Женеву, и снова совѣтъ, не считая возможнымъ обойтись безъ нихъ, рѣшилъ пожертвовать этимъ однимъ правомъ, чтобы спасти остальныя. Вопросъ о церковномъ отлученіи былъ рѣшенъ въ пользу консисторіи.

Либертинамъ оставалось послѣднее средство—созвать во чтобы то ни стало, безъ вѣдома синдиковъ, генеральное собраніе, которое, какъ они надѣялись, выскажется въ ихъ пользу. Но Кальвинъ былъ предупрежденъ во время. За нѣсколько дней до назначеннаго заговорщиками срока, на улицѣ произошла стычка между ними и приверженцами реформатора. Либертины были смяты, ихъ обвинили въ мятежѣ, и въ маѣ 1555 г. девятилѣтняя борьба была закончена. Бертелье и еще трое патріотовъ погибли на плахѣ, Перрену и другимъ вожакамъ удалось бѣжать; остальные либертины были изгнаны, имущества ихъ конфискованы и даже подъ страхомъ смертной казни запрещено было хлопотать объ ихъ помилованіи.

Съ тѣхъ поръ Кальвинъ не встрѣчалъ больше оппозиціи: Женева осталась за нимъ.

Втеченіе этого девятилѣтняго періода Кальвину приходилось бороться не съ одной только враждебной частью женевскаго населенія. Изъ среды самого духовенства не разъ поднимались проповѣдники, не соглашавшіеся съ тѣмъ или другимъ пунктомъ его ученія. Но Кальвинъ, считавшій необходимымъ для блага Женевы настаивать на исполненіи самыхъ мелочныхъ предписаній своей церковной дисциплины, конечно не могъ дѣлать уступокъ въ своемъ ученіи, вводить такимъ образомъ расколъ въ собственной церкви. Это былъ самый тяжелый періодъ его жизни. Со всѣхъ сторонъ на воздвигнутое имъ зданіе производились нападенія, ему приходилось отбиваться на всѣхъ пунктахъ. И реформаторъ отстоялъ свое дѣло— съ поразительной энергіей, но—и съ поразительной жестокостью.

Бользекъ, отвергавшій его догматъ о предопредѣленіи, Касталіонъ, толковавшій иначе, чѣмъ онъ, нѣкоторыя мѣста въ Евангеліи, Гентилисъ, дававшій другое объясненіе догмату о троичности— всѣ эти люди, засвидѣтельствовавшіе свою преданность реформаціи многочисленными жертвами, подвергались изгнанію, преслѣдовались въ печати, клеймились иногда самыми несправедливыми обвиненіями. Кальвинъ не обращалъ никакого вниманія на прежнія заслуги: достаточно было ничтожнаго противорѣчія, чтобы во вчерашнемъ другѣ онъ увидѣлъ уже врага. «Я согласенъ быть скорѣе папистомъ, чѣмъ Касталіономъ», говорилъ онъ про человѣка, безусловно преданнаго реформаціи, но осмѣлившагося утверждать, что Соломонова Пѣсня Пѣсней представляетъ только лирическое произведеніе поэта,—про человѣка, который, можетъ быть, одинъ изъ всего остального женевскаго духовенства стоялъ на высотѣ своего призванія и въ XVI в. отличался широкою терпимостью XIX-го. Касталіонъ былъ единственный человѣкъ, осмѣлившійся громко протестовать противъ казни Сервета.

Процессъ Сервета принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, выставляя въ яркомъ свѣтѣ всю нетерпимость реформатора, еще ярче отражаютъ варварство самой эпохи. Это позорная страница въ исторіи того ученія, которое, выставивъ въ началѣ на своемъ знамени принципъ свободы совѣсти, право человѣческаго ума на самостоятельное изслѣдованіе истины, очень скоро отреклось отъ этого знамени и стало подавлять своихъ противниковъ тѣми же средствами, какъ и старая церковь.

Михаилъ Серветъ родился въ одинъ годъ съ Кальвиномъ въ Аррагоніи. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, онъ, еще 14 лѣтъ, получилъ мѣсто секретаря у духовника императора Карла V,

что дало ему возможность много путешествовать. Серветъ обладалъ необыкновенно обширными свѣдѣніями — зналъ право, медицину, теологію, математику, географію. При этомъ онъ отличался безпокойной, непосѣдливой натурой, переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, мѣнялъ профессіи, всюду внося новые вопросы, раздражая рутинеровъ. Но болѣе всего его интересовали богословскіе вопросы. Познакомившись съ ученіемъ реформаторовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что они остановились на полдорогѣ, что истинное христіанство, во всей его первоначальной чистотѣ, можно найти только у тѣхъ отцовъ церкви, которые жили до Никейскаго собора (325 г.), и что догматъ о троичности чуждъ этому первобытному христіанству. Уже въ 1531 г. онъ издалъ въ Гагенау сочиненіе «De trinitatis erroribus», въ которомъ рѣзко опровергалъ этотъ догматъ. Сочиненіе надѣлало много шуму и возбудило негодованіе какъ католиковъ, такъ и протестантовъ. Сервету пришлось бѣжать изъ Германіи и нѣкоторое время скитаться во Франціи подъ вымышленнымъ именемъ. Въ 1534 г., находясь въ Парижѣ вмѣстѣ съ Кальвиномъ, онъ вызвалъ послѣдняго на публичный диспутъ, но потомъ почему-то раздумалъ; въ 1537 г. онъ читалъ здѣсь лекціи по географіи, математикѣ и астрологіи, навлекъ на себя осужденіе парламента и затѣмъ поселился, сначала въ Ліонѣ, а потомъ въ Віеннѣ, въ качествѣ врача.

Здѣсь онъ живетъ нѣкоторое время спокойно, любимый всѣми за свой благородный, великодушный характеръ, за участіе къ бѣднымъ. Но скоро слухи объ успѣхахъ Кальвина снова заставляютъ его приняться за теологію. Онъ вступаетъ съ Кальвиномъ въ переписку, старается обратить его къ своимъ взглядамъ и въ 1546 г. посылаетъ ему рукопись своего новаго сочиненія, «Christianismi restitutio», которое представляетъ полное изложеніе его ученія. Это какое-то странное соединеніе пантеистическаго ученія анабаптистовъ съ ученіемъ Евангелія. Догматъ о троичности отвергается рѣшительно: Христосъ—простой человѣкъ, въ которомъ воплотился божественный разумъ; христіане, поклоняющіеся Троицѣ,—трехбожники. Тонъ сочиненія какой-то мистическій; авторъ примѣняетъ къ себѣ апокалиптическія предсказанія и выражаетъ твердое убѣжденіе, что всѣ другіе реформаторы должны ему подчиниться.

Прочитавъ рукопись, Кальвинъ былъ возмущенъ и въ письмѣ къ Вире выразился, что если Серветъ попадетъ въ Женеву, то живымъ оттуда не выйдетъ; въ то же время онъ прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Но Серветъ не обратилъ на его гнѣвъ ни-

какого вниманія и черезъ нѣкоторое время напечаталъ свое сочиненіе въ большомъ количествѣ экземпляровъ, которые были разосланы въ разныя мѣста; нѣсколько экземпляровъ было послано и въ Женеву.

Появленіе еретической книги вызвало всеобщее негодованіе. Начались розыски, кто ея авторъ, но Серветъ благоразумно не выставилъ на сочиненіи ни своего имени, ни названія типографіи, и дѣло заглохло-бы, если бы секретарь Кальвина не написалъ въ Віенну своему родственнику, указывая прямо на Сервета, какъ на автора. Когда же этого оказалось недостаточно, секретарь прислалъ его собственноручныя письма къ Кальвину, гдѣ приводились тѣ же взгляды, что и въ анонимномъ сочиненіи. Улики такимъ образомъ были на лицо. Серветъ былъ арестованъ; противъ него начатъ процессъ, во время котораго ему удалось однако бѣжать, и уже въ его отсутствіе віеннскій архіепископъ присудилъ его къ сожженію.

Кальвинъ увѣрялъ впослѣдствіи, что компрометирующія письма были посланы безъ его вѣдома, но самъ секретарь писалъ родственнику, что ему, хотя и съ большимъ трудомъ, удалось выпросить ихъ отъ Кальвина.

Счастливо избѣжавъ рукъ католической инквизиціи, Серветъ рѣшилъ поселиться въ Неаполѣ, чтобы заняться тамъ медициной, и послѣ трехмѣсячнаго скитанія попалъ проѣздомъ въ Женеву.

Неизвѣстно, какія именно причины задержали его тутъ. Въ то время борьба съ либертинами была въ самомъ разгарѣ и клонилась не въ пользу Кальвина. Возможно, что это именно и побудило его остаться. Какъ бы то ни было, Серветъ застрялъ въ Женевѣ на цѣлый мѣсяцъ и когда наконецъ 13 августа 1553 г. собирался уже уѣхать, Кальвинъ, открывшіи его пребываніе, указалъ на него магистрату, который велѣлъ его немедленно арестовать.

Съ тѣхъ поръ активное участіе Кальвина въ осужденіи Сервета является несомнѣннымъ. Онъ самъ выступаетъ его обвинителемъ, старается все болѣе и болѣе запутать его во время допросовъ, не дозволяетъ ему дать защитника. Тѣмъ не менѣе въ совѣтѣ было нѣсколько людей, которые хотѣли спасти Сервета—въ томъ числѣ Ами Перренъ. Совѣтъ рѣшилъ поэтому выслушать мнѣнія другихъ швейцарскихъ кантоновъ и отказалъ віеннскому архіепископу, потребовавшему выдачи осужденнаго.

Но пока былъ полученъ отвѣтъ отъ швейцарскихъ кантоновъ, положеніе Сервета было самое ужасное. Онъ жаловался совѣту, что

Сожженіе Сервета
(по рисунку, помѣщенному въ книгѣ Гастона Тиссандье
«Мученики науки»).

содержится въ отвратительной ямѣ, что одежда на немъ распадается на куски, просилъ послать ему хотя немного бѣлья. Но всѣ эти жалобы оставались безъ послѣдствій. Тогда Серветъ пришелъ въ отчаяніе. Въ лихорадочномъ возбужденіи онъ пишетъ совѣту письмо за письмомъ, проситъ передать его дѣло совѣту 200, выставляетъ обвиненія противъ Кальвина, требуя преданія его суду, какъ еретика. Все это конечно также оставляется безъ последствій и, получивъ отвѣтъ кантоновъ, единогласно высказавшихся противъ Сервета, совѣтъ (25 октября) присуждаетъ его къ сожженію.

Остальныя подробности процесса еще болѣе возмутительны. Ни Кальвинъ, ни Фарель, пріѣхавшій спеціально въ Женеву, чтобы присутствовать при казни еретика, не выказали ни малѣйшей жалости къ нему. Серветъ до послѣдней минуты не зналъ, что его ждетъ костеръ, вмѣсто плахи, и когда приведенный на мѣсто казни, увидѣлъ ужасныя приготовленія, то въ первыя минуты совершенно обезумѣлъ отъ отчаянія. Фарель, сопровождавшій его въ качествѣ духовника, не сказалъ ему ни слова въ утѣшеніе и только возмущался тѣмъ, что несчастный, не смотря на свое отчаяніе, не соглашался отречься отъ своей ереси, чтобы добиться смягченія наказанія.

Серветъ, обложенный со всѣхъ сторонъ дровами, съ вѣнкомъ изъ соломы на головѣ, погибъ настоящимъ мученикомъ за свои убѣжденія. Протестанты, очевидно, не хотѣли уступить католикамъ въ искусствѣ подавлять ереси.

Казнь Сервета, какъ мы уже сказали, легла неизгладимымъ позорнымъ пятномъ на дѣятельность реформатора. Серветъ былъ иностранецъ, онъ не проповѣдывалъ въ Женевѣ, его книга даже не была напечатана въ Женевѣ. Кальвинъ могъ по крайней мѣрѣ предоставить это печальное право наказать еретика осудившимъ его католикамъ. Но тѣмъ не менѣе несправедливо было бы свалить на него одного всю вину этого осужденія. Онъ стоялъ вполнѣ на точкѣ зрѣнія своего времени. И швейцарскіе кантоны, и Фарель, и Буцеръ—всѣ они требовали казни Сервета. Даже кроткій Меланхтонъ, и тотъ безусловно оправдываетъ поведеніе Кальвина, освободившаго церковь отъ этого «богохульника». Костеръ, на которомъ погибъ Серветъ, не былъ дѣломъ одного только реформатора: онъ былъ сложенъ фанатизмомъ и жестокостью всего XVI-го столѣтія.

X.

Кальвинъ дома и на каѳедрѣ.

Внутренняя жизнь Кальвина. — Семейныя испытанія; смерть Иделетты. — Его трудолюбіе: лекціи, проповѣди и литературныя произведенія.—Корреспонденція Кальвина.

Паденіе партіи либертиновъ окончательно упрочило торжество новаго порядка вещей, торжество *новой* Женевы, Женевы Кальвина и эмигрантовъ, надъ *старой* Женевой. Съ тѣхъ поръ населеніе города, наполовину уже состоявшее изъ новыхъ элементовъ, окончательно подчиняется волѣ реформатора. Женева сознательно принимаетъ на себя роль, предназначенную ей послѣднимъ — она становится центромъ реформаціоннаго движенія, столицею протестантскаго міра.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому послѣднему, также девятилѣтнему періоду дѣятельности Кальвина, мы должны сказать нѣсколько словъ о его внутренней жизни, мы должны также взглянуть на ту арену, на которой совершалась эта продолжительная, мелкая по своимъ проявленіямъ, но грандіозная по своимъ послѣдствіямъ борьба съ женевскими патріотами. Отчасти въ особенностяхъ этой борьбы кроются причины той мелочной мстительности и жестокости, которыя не могутъ быть объяснимы даже его принципіальной нетерпимостью и безпощадными теоріями.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ могучій диктаторъ, къ словамъ котораго благоговѣйно прислушивалась вся протестантская Европа, въ самой Женевѣ, не смотря на свое громадное вліяніе, долженъ былъ чувствовать себя какъ бы въ осадномъ положеніи.

Вотъ онъ читаетъ передъ многочисленной аудиторіей свои знаменитыя лекціи по теологіи. Вокругъ его каѳедры съ напряженнымъ вниманіемъ тѣснятся многочисленные слушатели. Многіе изъ нихъ— иностранцы, пріѣхавшіе издалека почерпнуть ученіе изъ самаго его источника; это—уже извѣстные проповѣдники, явившіеся укрѣпить свой духъ въ бесѣдахъ съ реформаторомъ; это—будущіе миссіонеры, будущіе мученики. Вдругъ съ улицы раздается громкій крикъ, смѣхъ, свистки:—либертины устраиваютъ реформатору демонстрацію. Тихій, прерывающійся голосъ ученаго смолкаетъ, и вслѣдъ затѣмъ Кальвинъ разражается гнѣвной обличительной рѣчью. Подобныя сцены повторялись очень часто, все сильнѣе раздражая этого и безъ того раздражительнаго, болѣзненнаго человѣка. Либер-

тины, какъ мы уже говорили, не были опасными противниками. Но эти непрерывныя мелкія враждебныя демонстраціи, этотъ партизанскій характеръ борьбы сообщали ей болѣе непримиримый характеръ, чѣмъ болѣе крупныя массовыя сопротивленія. Рѣдкій день въ жизни реформатора проходилъ спокойно. Когда онъ идетъ по улицѣ, его изъ-за угла встрѣчаютъ свистками. Собака бросается ему подъ ноги. Хозяинъ съ притворною заботливостью кричитъ—Кальвинъ, и собака ворчливо отходитъ, потому что это ея кличка. Реформаторъ идетъ дальше, и его откуда-то окликаютъ, но при этомъ его имя произносится такъ, что слышится «Каинъ». На мосту, по которому ему приходится проходить, нѣсколько повѣсъ, притворившись разсѣянными, чуть не опрокидываютъ его. По вечерамъ, когда онъ весь поглощенъ своею работой, подъ окномъ его какой нибудь напившійся либертинъ вдругъ начинаетъ распѣвать неприличную пѣсенку. Его проповѣди прерываются насмѣшливыми замѣчаніями, гримасами. Эти люди, веселые, легкомысленные, ненавидящіе суроваго проповѣдника, идутъ въ тюрьму, платятъ штрафы, должны совершать публичныя покаянія, но вслѣдъ затѣмъ они снова принимаются за прежнее, не давая своему противнику ни минуты покою.

Девять лѣтъ, какъ мы видѣли, продолжалась эта борьба. Впродолженіи 9 лѣтъ реформаторъ переживалъ состояніе человѣка, находящагося наканунѣ изгнанія. Стоило ему только утратить большинство въ совѣтѣ и—казалось—все воздвигнутое имъ зданіе рухнетъ. Эти постоянныя мучительныя ощущенія выводили его изъ себя, вызывали у него приливы ярости, подъ вліяніемъ которыхъ онъ могъ во время проповѣди потребовать казни 700 женевскихъ юношей, заставляли его настаивать на наказаніи своихъ личныхъ обидчиковъ, придавали его печатной полемикѣ страстный, крайне невоздержный тонъ. Подчасъ даже на этого сильнаго человѣка, не останавливавшагося ни передъ какими опасностями, находили минуты полнаго изнеможенія. «Лучше было бы для меня», писалъ онъ въ 1555 г., «быть сожженнымъ папистами, чѣмъ безпрестанно подвергаться этой пыткѣ. Только одно удерживаетъ меня на этой суровой службѣ: надежда, что смерть скоро принесетъ мнѣ избавленіе». Кальвинъ—и этого никогда не слѣдуетъ забывать для вѣрнаго пониманія его личности—совершенно искренно видѣлъ въ своихъ тираническихъ замашкахъ лишь усердіе въ служеніи Богу. Быть снисходительнымъ къ несогласнымъ съ нимъ мнѣніямъ онъ считаетъ себя не вправѣ. «Вѣдь и собака лаетъ, когда нападаютъ на ея хозяина. Какъ же могу я молчать, когда нападаютъ на моего

божественнаго господина»—вотъ одинъ изъ его обычныхъ аргументовъ въ оправданіе своей нетерпимости.

Семейная жизнь Кальвина также подвергалась частымъ испытаніямъ. Иделетта родила ему троихъ дѣтей, но всѣ умирали скоро послѣ рожденія. Кальвинъ покорно принималъ эти удары: «Богъ далъ, Богъ взялъ, писалъ онъ друзьямъ. Пускай мои враги видятъ въ этомъ наказаніе Божіе; развѣ у меня нѣтъ тысячъ дѣтей въ христіанскомъ мірѣ?» Ко всему этому присоединилась еще долгая, изнурительная болѣзнь Иделетты, закончившаяся ея смертью въ апрѣлѣ 1549 г. Письма Кальвина обнаруживаютъ въ этомъ сухомъ, скупомъ на изліянія человѣкѣ глубокую нѣжность къ его умершей подругѣ. «Я потерялъ, пишетъ онъ Вире, кроткую спутницу моей жизни, ту, которая никогда не покинула бы меня, ни въ изгнаніи, ни въ нищетѣ, ни даже въ смерти. Втеченіе всей своей жизни она была для меня драгоцѣнной опорой... она никогда не думала о себѣ, не доставляла мнѣ никакихъ хлопотъ.—Я стараюсь по возможности сдерживать свою скорбь. Друзья помогаютъ мнѣ, но мы плохо успѣваемъ. Ты знаешь нѣжность моего сердца, чтобы не сказать его слабость. Я сломился бы, если бы не дѣлалъ надъ собой усилій».

И дѣйствительно, Кальвинъ мужественно боролся со всѣми постигавшими его ударами. Кто увидалъ бы его на другой день послѣ похоронъ на каѳедрѣ, въ совѣтѣ, ни въ чемъ не измѣнившимъ порядку своего рабочаго дня, тотъ могъ бы подумать, что у него совершенно нѣтъ сердца. Но это обвиненіе въ полнѣйшемъ безсердечіи, такъ часто раздающееся изъ враждебнаго реформатору лагеря, врядъ ли вполнѣ справедливо. При всей своей сухости, онъ не былъ недоступенъ для дружбы, и безпредѣльная преданность его друзей была бы совершенно необъяснима, если бы отношенія къ нимъ самого Кальвина были лишены всякой сердечности.

Трудолюбіе Кальвина положительно кажется невѣроятнымъ. Пробѣгая длинный списокъ его сочиненій, относящихся къ самому тревожному періоду его жизни, нельзя не проникнуться глубокимъ удивленіемъ къ этому желѣзному прилежанію, къ этой неослабѣвающей дѣятельности духа, заключеннаго въ такую хрупкую оболочку. Производительность Кальвина, какъ писателя, была бы изумительна даже въ томъ случаѣ, если бы онъ одновременно не былъ и дипломатомъ, и законодателемъ, и проповѣдникомъ, и профессоромъ. Мы видѣли уже, какую преобладающую роль онъ игралъ во всѣхъ свѣтскихъ и церковныхъ дѣлахъ Женевы, какъ на ряду съ самыми важными вопросами онъ разрабатывалъ мельчайшія детали

городского управленія. Совѣтъ ничего не предпринимаетъ безъ его вѣдома. Частныя лица также безпрестанно обращаются къ нему за совѣтами, за разрѣшеніемъ недоразумѣній. Черезъ недѣлю онъ проповѣдуетъ ежедневно, иногда даже по нѣскольку разъ въ день. Три раза въ недѣлю онъ читаетъ лекціи по богословію; предсѣдательствуетъ на еженедѣльныхъ собраніяхъ консисторіи и конгрегаціи, навѣщаетъ больныхъ въ качествѣ пастора и завѣдуетъ дѣлами благотворительности. Дома его уже ждетъ громадная корреспонденція изъ всѣхъ странъ Европы: тутъ и дружескія посланія, и жалобы, и донесенія, и богословскія консультаціи—Кальвинъ отвѣчаетъ на все немедленно. Наступаетъ ночь и застаетъ его за непрерывной работой. Ему совершенно достаточно трехъ часовъ сна. Но и этотъ короткій отдыхъ не всегда ему дается. Сильнѣйшія головныя боли, лихорадки, различныя болѣзни нерѣдко лишаютъ его сна, не даютъ ему даже подняться съ постели. Но работа отъ этого не прекращается. Если это свободный отъ проповѣди день, ему приносятъ книги и онъ въ кровати пишетъ или диктуетъ своему секретарю. Иногда его на носилкахъ уносятъ въ церковь и онъ прерывающимся отъ слабости и одышки голосомъ произноситъ свои проповѣди, которыя тутъ же записываются нѣкоторыми слушателями. Затѣмъ, вернувшись домой, онъ продолжаетъ работу, съ нечеловѣческой энергіей побѣждая страданія своего тѣла. Въ одномъ изъ писемъ къ Фарелю (14 іюля 1552 г.) мы читаемъ описаніе одного изъ его рабочихъ дней: «Право, я давно уже не запомню такого тяжелаго дня. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посланецъ долженъ унести начало моего труда; 20 страницъ корректуры, мои лекціи, проповѣдь, 4 посланія, примиреніе враждующихъ сторонъ, десять человѣкъ, ожидающихъ моихъ совѣтовъ! Надѣюсь, ты простишь мнѣ, если я буду краток».

Перечислять всѣ труды Кальвина было бы слишкомъ долго. Это цѣлая библіотека, состоящая изъ сочиненій самаго разнообразнаго содержанія: тутъ и комментаріи ко всѣмъ почти книгамъ Св. Писанія (особенно замѣчательны его комментаріи къ посланіямъ ап. Павла и къ Псалмамъ съ предисловіемъ, заключающимъ въ себѣ краткую автобіографію реформатора), пользующіеся и теперь глубокимъ уваженіемъ протестантской церкви, тутъ и полемическія сочиненія, и политическіе памфлеты, и трактаты научно-богословскіе. Многія изъ проповѣдей, записанныхъ во время чтенія его учениками, изданы. До 3.000 рукописныхъ проповѣдей и лекцій хранится въ женевской и цюрихской библіотекахъ. Кальвинъ не имѣлъ времени готовиться къ нимъ. Въ храмѣ или въ академіи онъ всегда импрови-

зировалъ. Онъ бралъ какой нибудь текстъ изъ комментируемой имъ книги Св. Писанія и объяснялъ его въ ясныхъ и простыхъ выраженіяхъ, лишенныхъ увлекательнаго краснорѣчія Лютера, но изумлявшихъ своею глубиною. Писалъ онъ также съ удивительною легкостью. По большей части онъ диктовалъ свои работы, которыя почти всегда оставались въ своемъ первоначальномъ видѣ, такими, какими вышли прямо изъ подъ пера. Кальвинъ обладалъ необыкновенною памятью. Прерванный на срединѣ фразы какимъ нибудь неотложнымъ дѣломъ, и, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, вернувшись къ работѣ, онъ могъ продолжать ее на прерванномъ словѣ. Благодаря этой особенности, ему не приходилось тратить время на то, чтобы собираться съ мыслями; онъ рѣдко даже нуждался въ справкахъ, такъ какъ сохранялъ въ памяти неимовѣрное количество текстовъ.

Корреспонденція также требовала много времени. Сохранилось нѣсколько тысячъ его писемъ, изъ которыхъ значительная часть адресована Фарелю. Но конечно найденное представляетъ только часть его корреспонденціи: многія письма утеряны или еще не разысканы. Содержаніе писемъ, иногда представляющихъ своего рода богословскіе трактаты, самое разнообразное. По главнымъ образомъ эта корреспонденція служила могущественнымъ орудіемъ его пропаганды, его духовнаго воздѣйствія на протестантскій міръ.

VI.

Послѣдніе годы Кальвина.

Женева становится столицей протестантскаго міра. — Вліяніе Кальвина въ Польшѣ, Англіи, Шотландіи и Нидерландахъ. — Успѣхи кальвинизма во Франціи. — Смерть реформатора. — Заключеніе.

Однажды одинъ французскій эмигрантъ, приведенный въ восторгъ зрѣлищемъ строгой религіозности и порядка, которое представляла Женева, воскликнулъ: «Что за счастье пользоваться такой чудной свободой!» — «Хороша свобода! — насмѣшливо возразила его собесѣдница. Прежде насъ заставляли ходить къ обѣднѣ, а теперь принуждаютъ слушать проповѣдь...» *) И въ сущности каждый изъ нихъ былъ правъ.

*) Женщина эта за вольнодумство должна была явиться передъ судомъ консисторіи, въ протоколахъ которой записанъ этотъ случай.

Дѣйствительно, если женевскій патріотъ стараго закала не могъ не считать новыхъ желѣзныхъ порядковъ своего рода порабощеніемъ, то, съ другой стороны, людямъ, принужденнымъ покинуть родину изъ-за религіозныхъ убѣжденій, этотъ городъ, гдѣ можно было безпрепятственно служить Богу по Евангельскому ученію, долженъ былъ казаться истиннымъ убѣжищемъ свободы.

Но Женева представляла гораздо больше, чѣмъ простое убѣжище для эмигрантовъ. Реформаторъ, первоначально избравшій ее мѣстомъ своей дѣятельности лишь противъ воли, теперь уже вполнѣ уяснилъ себѣ значеніе этого города для дѣла пропаганды. Онъ сдѣлалъ его оплотомъ реформаціи, ея духовнымъ центромъ, настоящимъ протестантскимъ Римомъ. Въ 1559 году Кальвину удалось осуществить свою завѣтную мечту — устроить академію, высшее богословское заведеніе для подготовки проповѣдниковъ, которые могли бы продолжать его дѣло и послѣ его смерти. Ректоромъ академіи и основанной при ней коллегіи для подростающаго поколѣнія онъ назначилъ своего друга и позднѣйшаго біографа Беза. Но въ сущности при жизни реформатора недостатокъ академіи вовсе не былъ ощущителенъ. Его лекціи, на которыхъ иногда присутствовало до 1.000 слушателей, его проповѣди, самый характеръ жизни въ Женевѣ—все это имѣло громадное воспитательное значеніе. Въ этомъ «городѣ духа», воплотившемъ въ себѣ идеалъ реформатора, пріѣзжіе быстро проникались его идеями. Въ его суровой школѣ вырабатывались тѣ мощные борцы, которые, наперекоръ усиливающимся гоненіямъ, при заревѣ все сильнѣе разгорающихся костровъ, безстрашно проповѣдывали Евангеліе католическимъ народамъ. Въ типографіяхъ Женевы десятками тысячъ отпечатывались протестантскія книги, и смѣлые разносчики, рискуя на каждомъ шагу жизнью, разносили ихъ по Франціи. Новое значеніе Женевы было очевидно для всѣхъ, какъ протестантовъ, такъ и католиковъ. Еще въ 1543 г. Меланхтонъ возлагалъ на нее надежды реформаціи, на тотъ случай, если, какъ тогда можно было опасаться, Германія будетъ покорена турками. Послѣ смерти Лютера Кальвинъ сдѣлался признаннымъ главою протестантскаго міра, и значеніе Виттенберга перешло къ Женевѣ. Сквозь надвигавшійся мракъ католической реакціи эта маленькая община, точно чудомъ успѣвавшая сохранить свою независимость и свободу Евангелія, свѣтила протестантамъ, какъ спасительный маякъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Женевы было безпримѣрное. Окруженная со всѣхъ сторонъ католическими державами, смотрѣвшими съ ненавистью на этотъ разсадникъ еретическаго

ученія, она постоянно находилась на краю погибели. Въ 1560 г. участь ея, казалось, была рѣшена. Папа набросалъ цѣлый планъ кампаніи, чтобъ разрушить до основанія это гнѣздо еретиковъ. Короли французскій и испанскій, герцогъ Савойскій должны были напасть на нее съ трехъ сторонъ; папа также давалъ подкрѣпленія. Даже въ случаѣ поддержки швейцарскихъ кантоновъ Женева погибла бы, еслибъ не своекорыстіе союзниковъ. Никто не хотѣлъ завоевать ее для другого, и такимъ образомъ она уцѣлѣла. Но несмотря на угрожавшую со всѣхъ сторонъ опасность, Женева, руководимая Кальвиномъ, не думала прекращать своей пропагандической дѣятельности. Она сохраняла свой независимый тонъ по отношенію къ католическимъ государствамъ, смѣло заступалась за гонимыхъ, открывала имъ самое широкое гостепріимство и не переставала разсылать своихъ миссіонеровъ для проповѣди новаго ученія.

И дѣйствительно, тѣ же ворота, ежедневно принимавшіе новыя толпы бѣглецовъ, ежедневно раскрывались также, чтобы выпускать тѣхъ, которые, укрѣпивъ свой духъ въ общеніи съ реформаторомъ и снабженные его совѣтами, снова устремлялись въ бой. Изъ Италіи и Франціи, изъ Англіи, Венгріи и Польши — отовсюду стекались въ Женеву приверженцы реформаціи, чтобы видѣть воочію ея образцовые порядки, чтобы услышать проповѣдь того, кто почитался всѣми хранителемъ чистаго ученія и подъ вліяніемъ котораго они проникались неукротимымъ религіознымъ пыломъ, настоящей жаждой мученичества. Самъ Кальвинъ, обыкновенно смотрѣвшій на это усердіе, какъ на самое обыкновенное явленіе, въ одномъ письмѣ обнаруживаетъ невольный энтузіазмъ при видѣ своей боевой дружины. «Это невѣроятно, пишетъ онъ Буллингеру (май 1561), съ какимъ усердіемъ наши друзья посвящаютъ себя распространенію Евангелія. Какъ другіе тѣснятся вокругъ папы, чтобы получить выгодное мѣсто, такъ они рвутся взять на себя крестъ. Они осаждаютъ мою дверь, чтобы получить часть нивы для воздѣлыванія. Ни одинъ король не имѣетъ такихъ усердныхъ придворныхъ, какъ я. Они оспариваютъ другъ у друга опасные посты. Я иногда стараюсь удержать ихъ. Я указываю имъ на жестокій эдиктъ, повелѣвающій истреблять всѣ дома, придерживающіеся новаго культа. Я напоминаю имъ, что болѣе чѣмъ въ 20 городахъ вѣрующіе были перебиты чернью. Но ничто не можетъ ихъ удержать...»

Это была страшная, кровавая пора. Во всѣхъ почти странахъ западной Европы велась религіозная борьба. Вездѣ лилась кровь, дымились костры. Но особенно свирѣпствовала тогда реакція во

Франціи. Единичныхъ преслѣдованій и казней было недостаточно; истребленія еретиковъ производились массами. Въ 1545 г. три города и 22 деревни, населенныхъ Вальденцами, были разрушены; тысячи людей умерщвлены въ битвѣ, казнены, сожжены. Ежедневно почти въ какомъ нибудь городѣ Франціи зажигался костеръ для гугенота. Но успѣхи реформы отъ этого еще усиливались. Кальвинъ слѣдилъ за движеніемъ съ зоркостью полководца. Онъ укрѣплялъ духъ своихъ единомышленниковъ своими посланіями, отправлялъ къ нимъ своихъ учениковъ въ качествѣ проповѣдниковъ, и мужчины и женщины съ энтузіазмомъ всходили на костеръ, радуясь своему мученичеству, какъ особой милости неба, и благословляя Кальвина, пославшаго ихъ на этотъ подвигъ. Въ 1553 г. одинъ изъ такихъ мучениковъ, находясь въ тюрьмѣ, съ восторгомъ пишетъ реформатору: «увѣдомляю васъ этимъ письмомъ, что къ Троицѣ я надѣюсь быть въ Царствіи небесномъ, если только Господь раньше не призоветъ меня къ себѣ». «Morituri te salutant!» писали Кальвину другіе мученики.

Впрочемъ Кальвинъ не только заботился о томъ, чтобы его приверженцы своею смертью засвидѣтельствовали истину ученія. Утѣшая арестованныхъ своими посланіями, внушая имъ мужество умереть за свои убѣжденія, онъ въ то-же время не переставалъ заботиться объ облегченіи ихъ участи. Онъ хлопоталъ передъ швейцарскими кантонами и протестантскими князьями въ Германіи, чтобы они заступились дипломатическимъ путемъ за гонимыхъ, собиралъ для нихъ деньги, составилъ для Генриха II отъ имени французскихъ протестантовъ исповѣданіе вѣры, чтобы доказать нелѣпость обвиненій, взводимыхъ на нихъ католиками. Послѣдніе 9 лѣтъ его жизни, благодаря спокойствію, наступившему въ Женевѣ послѣ пораженія оппозиціонной партіи, были главнымъ образомъ посвящены дѣлу пропаганды и организаціи протестантскихъ церквей. Распространяться объ этомъ періодѣ жизни реформатора мы не можемъ. Его исторія за это время есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія реформаціи послѣ смерти Лютера. Ни одно крупное событіе въ религіозной жизни западной Европы не совершилось безъ его прямого или посредственнаго участія. Это была самая блестящая эпоха въ жизни реформатора. Несмотря на страшныя преслѣдованія, кальвинизмъ распространялся съ поразительной быстротой: протестантскія церкви, возникавшія одна за другой, обращались къ нему, какъ къ своему главѣ, просили о выработкѣ организаціи, о присылкѣ проповѣдниковъ.

Кальвинъ особенно заботился объ единствѣ церкви. Своими мно-

гочисленными сочиненіями полемическаго характера онъ старался уничтожить расколъ, возникавшій въ средѣ протестантскихъ теологовъ; въ 1556 г. онъ даже самъ предпринялъ путешествіе въ Франкфуртъ, чтобы устранить несогласія, возникшія въ ея церкви; ему удалось также добиться соглашенія между всѣми швейцарскими церквами, изъ которыхъ нѣкоторыя еще придерживались ученія Цвингли. Заботясь о распространеніи своего ученія въ народѣ, Кальвинъ въ то-же время не теряетъ надежды произвести религіозную революцію сверху. Съ особенною любовью онъ поддерживаетъ сношенія съ высшими классами, обращается къ государямъ и правителямъ, стараясь склонить ихъ на свою сторону. Не было почти ни одного коронованнаго лица или выдающагося дѣятеля, съ которымъ онъ не находился бы въ перепискѣ. Часто для завязыванія сношеній онъ пользуется посвященіями своихъ сочиненій. Такъ, напр., онъ посвящаетъ королю датскому Христіану свой комментарій къ апостоламъ, Густаву Вазѣ Шведскому—свой комментарій къ 12 малымъ пророкамъ. Въ Польшѣ, гдѣ ученіе Кальвина съ самаго начала имѣло больше успѣха, чѣмъ проникнутое національнымъ духомъ лютеранство, онъ поддерживалъ дѣятельную переписку съ многими вельможами, приверженными къ реформаціи, въ томъ числѣ съ княземъ Радзивилломъ и Тарновскимъ, Краковскимъ воеводой. Онъ обратился также съ воззваніемъ къ королю Сигизмунду II Августу, убѣждая его стать во главѣ реформаціи, и ободренный отвѣтомъ короля, не переставалъ дѣйствовать на него въ томъ же духѣ. Извѣстный польскій реформаторъ Янъ Ласскій также былъ приверженцемъ его ученія. Въ Англіи Кальвинъ вдохновлялъ герцога Сомерсета, регента и воспитателя Эдуарда VI, писалъ отеческія наставленія юному королю, переписывался съ знаменитымъ архіепископомъ Кранмеромъ. Всѣ они были горячо преданы его идеямъ, и церковная организація и дисциплина Кальвина стали быстро вытѣснять полупротестантскую реформацію Генриха VIII. Но Эдуардъ VI умеръ на 16 году, а его преемница Марія своими преслѣдованіями протестантовъ вполнѣ оправдала свой эпитетъ Кровавой. Съ тѣхъ поръ между Англіей и Женевой завязываются еще болѣе оживленныя сношенія. Англійскіе изгнанники во множествѣ находятъ убѣжище въ Женевѣ и по воцареніи Елизаветы снова устремляются туда проповѣдывать Евангеліе. Знаменитый шотландскій реформаторъ Джонъ Ноксъ, принужденный покинуть родину, живетъ нѣкоторое время въ Женевѣ, подъ вліяніемъ Кальвина возвращается туда еще болѣе пламеннымъ проповѣдникомъ его ученія и скоро

увлекаетъ за собою всю Шотландію. Ученики Кальвина успѣшно подвизаются также въ Нидерландахъ.

Но главныя и непосредственныя заботы реформатора были устремлены на Францію. Въ числѣ его приверженцевъ и корреспондентовъ были такія лица, какъ король и королева Наваррскіе, принцъ Конде, адмиралъ Колиньи и др. Мы уже видѣли, какое вліяніе онъ имѣлъ на герцогиню Феррарскую, съ которой не переставалъ переписываться до конца своей жизни и которая, поселившись послѣ смерти мужа во Франціи, оставалась вѣрна его ученію, не смотря на всѣ преслѣдованія своихъ родственниковъ. Благодаря этой поддержкѣ высшихъ классовъ, успѣхи реформаціи, не смотря на массовыя истребленія еретиковъ, нисколько не ослабѣвали. Въ 1559 г. въ Парижѣ тайно собрались представители 11 протестантскихъ церквей Франціи, образуя первый національный синодъ, на которомъ былъ принятъ выработанный Кальвиномъ проэктъ синодальнаго устройства церкви. Благодаря полученной организаціи, число протестантскихъ общинъ разросталось съ поразительной быстротой и въ 1561 г. Колиньи насчитывалъ ихъ уже болѣе 2.000. Можно было ожидать, что скоро вся Франція примкнетъ къ новому ученію.

Умирая, реформаторъ имѣлъ поэтому полное право оглянуться съ чувствомъ удовлетворенія на свое дѣло, говоря: «Богъ далъ свое благословеніе моей работѣ».

Кальвинъ умиралъ уже давно. Безпримѣрная напряженная дѣятельность подточила его и безъ того слабое здоровье. Въ 40 лѣтъ реформаторъ казался уже дряхлымъ сгорбленнымъ старикомъ: только глаза его сохраняли свой обычный юношескій блескъ, а неутомимость въ работѣ какъ будто еще усиливалась. Въ 1559 г., страдая жестокой лихорадкой, онъ самъ наблюдалъ за возведеніемъ укрѣпленій въ защиту отъ грозившаго нападенія Савойскаго герцога. Съ тѣхъ поръ его физическое состояніе сильно ухудшилось. Къ сильнѣйшей мигрени, которою онъ страдалъ еще съ дѣтства, присоединилось кровохарканье, одышка, подагра и всевозможныя другія болѣзни, часто приковывавшія его надолго къ постели. А въ это время онъ руководилъ судьбами Европы и, преодолѣвая силою воли свои страданія, диктовалъ секретарю цѣлый рядъ произведеній, не уступающихъ по ясности и энергіи мыслей произведеніямъ предыдущей поры. Но съ средины 1563 г. близость роковой развязки стала очевидной. Не смотря на совѣты врачей, Кальвинъ не переставалъ читать лекціи и проповѣдывать, что было для него безусловно вредно. Наконецъ 6 февраля 1564 г., во время проповѣди, сильный приступъ

кашля заставилъ его остановиться—ротъ его наполнился кровью, и его унесли домой. Съ тѣхъ поръ онъ больше не появлялся на каѳедрѣ.

Страданія больного были ужасны. Иногда онъ по нѣсколько дней подрядъ не принималъ пищи и только съ трудомъ проглатывалъ немного воды. 10 марта совѣтъ приказалъ во всѣхъ церквахъ молиться «за здоровье г. Кальвина, находящагося въ смертельной опасности». Эта продолжительная агонія продолжалась почти 4 мѣсяца. Кальвинъ сносилъ свои страданія безъ жалобъ и даже въ минуты сравнительнаго облегченія продолжалъ работать, отвѣчая на всѣ увѣщанія друзей, молившихъ его беречь себя для блага церкви: «Развѣ вы хотите, чтобы Богъ, когда пошлетъ за мной, не засталъ меня за работой?».

Въ Пасху (2 апр.) больной велѣлъ отнести себя въ церковь и принялъ причастіе изъ рукъ Беза. Въ концѣ того же мѣсяца онъ выразилъ желаніе проститься съ членами совѣта и проповѣдниками и тѣ, узнавъ объ этомъ, въ полномъ составѣ по очереди явились къ нему на квартиру. И тѣхъ, и другихъ реформаторъ увѣщевалъ не терять мужества, не смотря ни на какія испытанія, строго исполнять свои обязанности и защищать всѣми силами чистоту ученія. Въ то-же время онъ просилъ у всѣхъ прощенія за свои ошибки, говоря, что болѣзнь иногда дѣлала его раздражительнымъ, гнѣвнымъ, несправедливымъ.

Вся Женева съ глубокимъ участіемъ слѣдила за ходомъ болѣзни своего пастыря. Семидесятишестилѣтній Фарель, не слушаясь Кальвина, явился изъ Нефшателя, чтобы увидѣть его въ послѣдній разъ. Беза также не отходилъ отъ его постели и съ глубокимъ чувствомъ описалъ потомъ его послѣднія минуты. Смерть медленно парализовала одинъ органъ за другимъ. Въ послѣдніе дни Кальвинъ лишь съ трудомъ могъ бормотать слова молитвы, и только взглядъ, по прежнему живой, блестящій, говорилъ о томъ, что сознаніе до конца не покидало это разрушавшееся тѣло. Наконецъ 27 мая 1564 г., въ 8 часовъ вечера, его не стало. «Въ этотъ день, говоритъ Беза, вмѣстѣ съ закатившимся солнцемъ, погасло и самое блестящее свѣтило церкви».

Смерть Кальвина доказала неосновательность одной изъ многочисленныхъ клеветъ, распространявшихся про него врагами. Еще 26 апрѣля онъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ отказалъ своимъ племянникамъ, дѣтямъ своего любимаго брата Антуана, свое скромное имущество, состоявшее изъ книгъ и предметовъ домашняго обихода и оцѣненное имъ приблизительно въ 220 талеровъ. Не смотря на значительное содержаніе, назначенное ему совѣтомъ, и на частые подарки его, Кальвинъ только съ трудомъ сводилъ концы съ кон-

цами. Личныя его потребности были болѣе чѣмъ скромныя, но за его столомъ было всегда много пріѣзжихъ, а кошелекъ всегда былъ открытъ для нуждающихся эмигрантовъ. Во время своей послѣдней болѣзни Кальвинъ даже отказался принять жалованье за послѣднюю треть, такъ какъ, не будучи въ состояніи исполнять своихъ обязанностей проповѣдника, не считалъ его заслуженнымъ. Тѣмъ не менѣе враги продолжали при жизни обвинять его въ корыстолюбіи и роскошной жизни. Однажды одинъ знатный иностранецъ, проѣздомъ, постучался въ двери его скромнаго домика. Это былъ Садолетъ. Онъ ожидалъ, по слухамъ, увидѣть своего противника, окруженнаго роскошью, съ толпою придворныхъ, и былъ пораженъ, когда отворившій ему двери хилый сгорбленный человѣкъ въ сильно поношенномъ сюртукѣ оказался самимъ «женевскимъ папою».

На другой день послѣ смерти громадная толпа народа сопровождала его останки на кладбище. По желанію реформатора, выраженному въ завѣщаніи, онъ былъ похороненъ «обыкновеннымъ образомъ», т. е. безъ всякихъ церемоній, безъ памятника, даже безъ надписи на могилѣ. Скоро мѣстонахожденіе его могилы было забыто, и только въ послѣднее время небольшой черный камень отмѣчаетъ мѣсто, гдѣ, по нѣкоторымъ предположеніямъ, покоится прахъ великаго женевскаго реформатора.

Мы указывали въ предисловіи, какое рѣшающее для реформаціи значеніе имѣлъ тотъ моментъ, когда Кальвинъ выступилъ съ своимъ ученіемъ, какая отвѣтственная задача представлялась человѣку, желавшему, при данныхъ обстоятельствахъ, взять на себя роль преемника Лютера. Справился ли реформаторъ съ этой задачей? Успѣхи кальвинизма при его жизни и послѣ служатъ самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ.

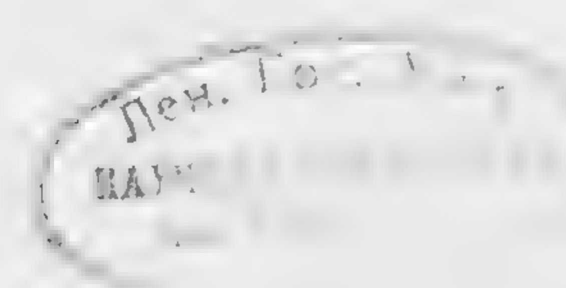
Двѣ стороны въ ученіи Кальвина, отмѣченныя нами при изложеніи «Христіанской Институціи», казалось, далеко не предвѣщали ему того успѣха, которое оно имѣло въ дѣйствительности, даже грозили опасностью свободѣ и цивилизаціи. Подчиняя вѣру буквѣ закона, замыкая жизнь въ разъ навсегда установленныя рамки, христіанство, въ ученіи Кальвина, становилось, какъ мы говорили, «религіей книги», повидимому осуждало общество почти на такой же застой, какъ исламъ. На дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое. Въ ученіи Кальвина была одна сторона, которая оказалась гораздо важнѣе, чѣмъ его богословскіе взгляды. Это именно его политическое

ученіе. Мысль о томъ, что всякая община имѣетъ право самостоятельно завѣдывать своими церковными дѣлами, перенесенная на государство, привела въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи къ идеямъ, проводившимся уже во второй половинѣ XVI вѣка послѣдователями Кальвина—Ланге, Марниксомъ, Букананомъ и др. Лютеръ, выступившій первоначально съ требованіемъ свободы совѣсти, въ концѣ концовъ отрекся отъ своего знамени и замкнулъ религію въ сферу канцелярскаго управленія. По странному на первый взглядъ противорѣчію, Кальвинъ, этотъ мрачный фанатикъ, не признававшій съ самаго начала правъ мысли, уничтожившій въ Женевѣ всякую личную свободу, положилъ начало широкому развитію индивидуализма, содѣйствовалъ во многихъ странахъ пріобрѣтенію политической независимости. Конечно либеральныя учрежденія современныхъ протестантскихъ странъ имѣютъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ реформація, но несомнѣнно и то, что кальвинизмъ, вышедшій изъ Женевы, оставилъ на нихъ свой слѣдъ и во всякомъ случаѣ нисколько не затормозилъ, какъ лютеранство въ Германіи, дальнѣйшее политическое и умственное развитіе. Во всѣхъ странахъ, куда проникала реформація Кальвина, она быстро соединялась съ господствующими политическими теченіями. Во Франціи, правда, подъ прикрытіемъ кальвинизма, скоро обнаружилась феодальная реакція противъ усиливающейся королевской власти, и уже къ концу жизни реформатора (1562) начинается первая религіозная война. Но за то кальвинизмъ, такъ быстро распространявшійся въ эпоху преслѣдованій, скоро потерялъ поддержку народа и, не смотря на пріобрѣтенную наконецъ гугенотами свободу исповѣданія, пересталъ дѣлать успѣхи. Но въ другихъ странахъ, гдѣ религіозное движеніе охватило весь народъ, реформація, соединившись съ движеніемъ національнымъ, какъ въ Голландіи и Шотландіи, окончательно восторжествовала надъ католицизмомъ. Освобожденіе Нидерландовъ изъ-подъ власти кроваваго испанскаго деспота Филиппа II, основаніе національной пресвитеріанской церкви въ Шотландіи, англійская революція XVII в.—всѣ эти движенія совершались подъ знаменемъ кальвинизма. Наконецъ, при Іаковѣ I, гонимые англійскіе пуритане, пришавшіе къ безплоднымъ берегамъ Новой Англіи, положили основаніе Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

Другая сторона въ ученіи Кальвина представлялась еще болѣе опасной. Это догматъ о предопредѣленіи. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдователь Кальвина долженъ былъ бы разсуждать: или я избранъ, и

тогда я спасенъ, что бы ни дѣлалъ; или я принадлежу къ числу заранѣе отверженныхъ, и тогда никакія добрыя дѣла, никакая святость жизни не спасетъ меня. Это было бы вполнѣ логично. Но и въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ совершенно противоположные результаты. Ни въ жизни, ни въ морали Кальвина и его послѣдователей мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ того практическаго фатализма, который кажется неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его теоретическаго ученія. Догматъ о предопредѣленіи, который реформаторъ отстаивалъ съ особенной энергіей отъ всѣхъ нападеній, не только не подрывалъ проповѣдуемой имъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгой нравственной дисциплины, — онъ служилъ источникомъ аскетизма и энергіи, содѣйствовалъ укрѣпленію душъ, закаляя ихъ противъ всякихъ испытаній, наполнялъ ихъ героическимъ энтузіазмомъ. Никто изъ вѣрующихъ не сомнѣвался въ своемъ спасеніи и только старался оказаться достойнымъ его. По словамъ Мишле, этотъ фатализмъ, внесенный въ теологію, имѣлъ такое же дѣйствіе, какъ первоначальное магометанство, послѣдователи котораго смѣло шли навстрѣчу смерти, заранѣе предопредѣленной и потому неизбѣжной. «Предопредѣленіе Кальвина», говоритъ знаменитый французскій историкъ, «сдѣлалось машиной для фабрикаціи мучениковъ... Если гдѣ нибудь въ Европѣ требовалась кровь и мученія, если нуженъ былъ человѣкъ для сожженія или колесованія, этотъ человѣкъ стоялъ уже на готовѣ въ Женевѣ — онъ поднимался и шелъ на смерть, прославляя Бога и распѣвая псалмы . . . .

— КОНЕЦЪ. —

[illegible]

